

РОЛЬ РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА



Конференция ОБСЕ

Роль религии и убеждений в современном демократическом обществе:

поиск путей противостояния терроризму и экстремизму.

Баку, Азербайджан, 10-11 октября 2002 г.



Данный отчет составлен и отредактирован Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Включенные в отчет мнения и информация не обязательно совпадают с политикой и позицией ОБСЕ/БДИПЧ и Государственного комитета Республики Азербайджан по работе с религиозными образованиями.

Предисловие

Международная Конференция Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, которая проводилась в Баку при поддержке и помощи азербайджанского правительства, явилась знаменательным событием.

События 11 сентября, произведя фундаментальные изменения в мировой политической среде и геостратегических процессах, еще раз продемонстрировали всем нам чудовищную сущность терроризма, представляющего огромную опасность для каждой страны. История знает немало периодов усиления терроризма вплоть до того, что порой терроризм поднимался до уровня государственной политики, угрожая существованию целых народов. События же 11 сентября, как не знающая аналогов трагедия, навсегда войдут в историю человечества.

Охватившая весь мир глобализация сделала всех нас еще ближе. Именно в силу этого сегодня все большее значение приобретает диалог между народами, диалог между культурами, диалог между религиями. Развивая этот диалог, всячески его поддерживая, мы в определенном смысле пытаемся выявить истоки формирования терроризма и стремимся пресечь их в корне. Сегодня терроризм во многих случаях проявляет себя под прикрытием религии, в религиозном обличье. Но это не должно вводить нас в заблуждение относительно его истинной сути.

В свое время терроризм пытался замаскировать свои подлинные намерения прекрасными лозунгами, дарованными человечеству великой французской революцией. Комиссары, осуществлявшие „красный террор”, претворяли его в жизнь под знаменем коммунистической идеологии. Сегодня же, в ряде случаев террористические силы для достижения своих злонамеренных политических целей обращаются к почитаемым всеми нами общечеловеческим ценностям и во имя защиты интересов той или иной группировки пытаются реабилитировать терроризм. Ныне терроризм пытается достичь своих деструктивных и разрушительных целей, все более изощренными способами, прикрываясь различными религиозными оболочками. Этот внешний облик, эта личина, это прикрытие не должны нас вводить в заблуждение. Под покровом всех этих личин проглядывается подлинная звериная сущность терроризма.

После событий 11 сентября Азербайджан присоединился к антитеррористической коалиции, и как страна, ведущая серьезную борьбу с международным терроризмом, выступил в качестве непосредственного участника различных административных и организационных акций. Осуществленное нами в течение последних лет присоединение к международным конвенциям и принятие важных юридических документов свидетельствуют о том, что в стране уже полностью сформирована соответствующая законодательная база для борьбы с терроризмом. Произведен ряд изменений в Уголовном кодексе Азербайджана, в том числе добавлена специальная статья об ответственности за финансирование терроризма. В мае 2002 года мною специальным распоряжением утвержден план мероприятий, направленных на борьбу с терроризмом в свете соответствующих решений Совета Безопасности ООН.

Конечно же, практическая деятельность азербайджанского правительства по борьбе с терроризмом и экстремизмом не исчерпывается перечисленными мною конкретными фактами. В стране были осуществлены меры по усилению пограничного режима, выявлению и пресечению каналов незаконной миграции, обнаружению и блокированию финансовых средств и иных экономических ресурсов, которые могли бы быть направлены на финансирование террористической деятельности и проделана существенная работа по ряду других направлений.

Обеспечение безопасности при реализации ряда проектов, играющих большую роль в жизни азербайджанского народа и в целом всего нашего региона, в том числе нефте- и газопроводов Баку-Тбилиси-Джейхан и Баку-Тбилиси-Эрзрум, является неотъемлемой частью проводимой нами борьбы с терроризмом.

Азербайджан принимает активное участие в ряде акций, направленных на борьбу с международным терроризмом, и мне хотелось бы посредством этой конференции еще раз заверить представителей стран, входящих в ОБСЕ, что в борьбе против всех форм терроризма азербайджанское государство является вашим надежным союзником. Мы полагаем, что в силу того, что терроризм служит реализации жестоких деяний и замыслов, направленных против человечества, борьба с ним должна быть последовательной, организованной и беспощадной.

Азербайджан – многоконфессиональная страна. Именно в силу этого она способна внести свой достойный вклад в расширение и укрепление связей между религиями и культурами во всем мире. В связи с этим мне хотелось бы вкратце напомнить участникам конференции историю того, как было принято решение о проведении этой конференции.

Проходящая в декабре 2001 года Бухарестская встреча по усилению борьбы с террором, по своим итогам была особо плодотворной. Припоминаю, что в начале 2002 года мы во время встречи с господином Жераром Штудманом, в то время Директором БДИПЧ, в городе Баку провели обмен мнениями по поводу проведения международного семинара на тему „Роль религии в демократическом обществе”, и пришли к выводу, что во многих отношениях было бы целесообразным проведение такого форума именно в Баку, отличающемся своей этнической и религиозной терпимостью.

Впоследствии, учитывая значимость этого мероприятия, а также то, что здесь будут принимать участие высокопоставленные представители как стран, входящих в ОБСЕ, так и сотрудничающих с ней, было решено назвать это не семинаром, а Бакинской конференцией ОБСЕ. Мне кажется, что наше решение о проведении этой конференции в столице Азербайджана городе Баку, было абсолютно верным.

Азербайджан является мусульманской страной в силу того, что абсолютное большинство населения исповедует исламскую религию. Мы гордимся тем, что Азербайджан, его ученые и мыслители внесли свой достойный вклад в формирование величественной исламской цивилизации, оставившей огромный след в истории. На проведенном в 1998 году в Баку представительном международном симпозиуме на тему „Исламская цивилизация на Кавказе”, об этом обстоятельно говорили участники из различных стран.

Согласно своей Конституции, Азербайджан является светским государством. Отношения между государством и религиозными структурами строятся на основании соответствующих положений Конституции Азербайджанской Республики, „Закона о свободе вероисповедания” и других законодательных актов. Религию мы в первую очередь воспринимаем как феномен и неотъемлемую часть нашей культуры, исторического наследия и национального менталитета.

Общеизвестно, что высокий уровень толерантности является в первую очередь проявлением высокой культуры. Формирование такой культуры в людях должно начинаться с детских лет. У нас в стране в процессе обучения подрастающего поколения в рамках современных научно-педагогических концепций, мы стремимся формировать культуру общения, культуру религиозной терпимости и взаимного сотрудничества. И, в общем-то, мы этого достигаем. Конечно, об этом довольно легко рассуждать, однако достаточно сложно реализовать это.

В истории бывали периоды, когда неправильно оценивалась роль религии в жизни общества. На современном этапе, после падения тоталитарных режимов и идеологий, динамичным образом

изменяется роль религии в жизни общества. Наряду с идущими позитивными процессами некоторые силы стремятся использовать религии как средство для подстрекательства к терроризму и экстремизму. Необходима мобилизация всех слоев общества, а в особенности политиков, ученых, верующих и религиозных деятелей для решительного пресечения реализации таких попыток. Настоящая конференция создала прекрасную возможность для всех людей, готовых к диалогу и сотрудничеству.

Сегодня человечество находится перед лицом ряда глобальных проблем. К сожалению, этих проблем чрезвычайно много: от необходимости определения выверенных стратегий экономического развития вплоть до разрешения различных экологических вопросов. При рассмотрении этих проблем каждый из нас должен принимать во внимание, что в сложных общемировых процессах для нас самым великим сокровищем и благом является сам человек.

Человеческое сообщество должно быть способно защитить внутренний мир человека, его мировоззрение, его образовательные, научные, культурные потребности, словом, множество факторов, определяющих само существование и духовный мир человека, в том числе и его права. Но, в первую очередь мы несем ответственность за жизнь каждого индивида: если терроризм подвергает опасности жизнь человека, значит, он подвергает опасности и всю нашу цивилизацию. Именно во имя будущего всех людей, во имя будущего человеческой цивилизации, все мы во взаимном диалоге культур и религий должны найти общий язык и свести на нет все темные, злобные, деструктивные силы, поощряющие экстремизм, терроризм и агрессивный сепаратизм.

Е.П. Алиев
Президент Республики Азербайджан

Содержание

| | |
|--|-----------|
| I Регламент конференции | 9 |
| II Выводы конференции и рекомендации | 11 |
| III Первое рабочее заседание | 14 |
| 1. Доклад Д-ра Эмре Октема | 14 |
| 2. Доклад Д-ра Нэнси Норт | 28 |
| 3. Комментарий Председателя Рафика Алиева | 32 |
| 4. Отчет о работе Первого рабочего заседания Д-ра Джереми Гунна | 35 |
| IV Второе рабочее заседание | 37 |
| 1. Доклад Имама Д-ра Абдулжалила Сейджида | 37 |
| 2. Доклад Протоиерея Всеволода Чаплина | 55 |
| 3. Комментарий Председателя г-на Анара Рзаева | 57 |
| 4. Отчет о работе Второго рабочего заседания Д-ра Йоланты Амбросевич-Якобс | 59 |
| V Третье рабочее заседание | 62 |
| 1. Доклад г-жи Ингвилл Плеснер | 62 |
| 2. Доклад Профессора Владимира Бобровникова | 68 |
| 3. Доклад г-на Бориса Милошавлевича | 87 |
| 4. Отчет о работе Третьего рабочего заседания Д-ра Герхарда Робберса | 91 |
| VI Приложение: Обязательства ОБСЕ по вопросам свободы религии и убеждений | 94 |

I Регламент конференции

10 октября, четверг

10.00-11.00 Открытие конференции

Председатель: Посол *Жерар Штудманн*, Директор, ОБСЕ/БДИПЧ

Вступительное обращение: г-на *Гейдара Алиева*, Президента Республики Азербайджан

11.00-11.30 Перерыв на кофе

11.30-14.00 1 рабочее заседание

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ – РЕАГИРОВАНИЕ НА УГРОЗУ БЕЗОПАСНОСТИ БЕЗ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВА

Председатель: Посол *Герберт Солбер*, Персональный Представитель Председателя ОБСЕ в Центральной Азии

Со-председатель: Д-р *Рафик Алиев*, Председатель Государственного Комитета Республики Азербайджан по работе с религиозными образованиями

Вступительная речь: Д-р *Эмре Октем*, Ф-т права, Университет Галатасарэй
Д-р *Нэнси Норт*, Представитель Комиссара по делам благотворительности в Англии и Уэльсе

Докладчик: Д-р *Жереми Ганн*, Старший сотрудник по делам религий и правам человека, Университет Эмори, Член Консультативного совета экспертов ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам свободы религии и убеждений

14.00-15.30 Обед

15.30-18.00 2 рабочее заседание

РОЛЬ ДИАЛОГА МЕЖДУ РЕЛИГИЯМИ И КУЛЬТУРАМИ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ТЕРРОРИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА И НЕТЕРПИМОСТИ И РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ

Председатель: Г-н *Стивен Вагенсел*, Первый Заместитель Директора ОБСЕ/БДИПЧ

Со-председатель: Г-н *Анар Рзаев*, Председатель Комитета по вопросам культуры Парламента Азербайджана

Вступительная речь: Д-р *Абдулджалил Саджид*, Имам Брайтонской исламской миссии

Докладчик: Д-р *Йоланта Амбросевич-Якобс*, Центр Европейских исследований, Ягилонский университет г. Кракова, Член Консультативного совета экспертов ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам свободы религии и убеждений

11 октября, пятница

09.00-11.30 3 рабочее заседание

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СТИМУЛИРОВАНИИ ТЕРПИМОСТИ И БОРЬБЕ С РОСТОМ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

- Председатель: Посол *Петер Буркхард*, Глава Офиса ОБСЕ в Баку
- Со-председатель: Г-н *Махмуд Керимов*, Президент Национальной Академии Наук
- Вступительная речь: Г-жа *Ингвилл Плеснер*, Ословская Коалиция по вопросам свободы религии и убеждений
- Докладчик: Д-р *Алексей Малашенко*, Профессор, Московский Государственный институт международных отношений, Член научного совета Московского Центра Карнеги
- Д-р *Герхард Робберс*, Директор, Институт Европейского Конституционального права, Университет Триер, Член Консультативного совета экспертов ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам свободы религии и убеждений
- 11.30-13.00** Культурная программа
- 13.00-15.00** Обед
- 15.00-16.00** Заключительное заседание
- Председатель: Посол *Жерар Штудманн*, Директор, ОБСЕ/БДИПЧ
- Обобщающие доклады о рабочих заседаниях, включающие предложенные меры
- Заключительная речь Председателя

II Выводы конференции и рекомендации

В течение полутора дней работы на пленарных сессиях и рабочих заседаниях, представители государств-участников ОБСЕ, Средиземноморских партнеров ОБСЕ по сотрудничеству, неправительственных организаций, а также религиозные и духовные лидеры региона ОБСЕ и других государств Великого Шелкового Пути встречались в Баку, Азербайджане, 11 и 12 октября 2002 года, для обсуждения вопроса о роли религии и убеждений в демократическом обществе и поиске путей борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Участники начали обсуждение с общих позиций нескольких ранее согласованных документов, включая Устав ООН, Международную декларацию прав человека и другие соответствующие документы ООН о толерантности, свободе религии и убеждений, включая Венскую декларацию и Программу действий 1983 года, Дурбанскую декларацию и Программу действий 2001 года, а также Обязательства ОБСЕ по свободе мысли, совести, религии и убеждений в соответствии с Заключительным Хельсинским актом 1975 года и другими последующими документами.

Участники также поддержали Резолюции 1373 (2001) от 28 сентября 2001 года и 1377 (2001) от 12 ноября 2001 года Совета безопасности ООН, а также Резолюцию 56/1 Генеральной Ассамблеи, решения и программу действий принятых на Бухарестской встрече Совета министров ОБСЕ и Бишкекской конференции по терроризму 2001 года, в качестве основы и рамки для международного сотрудничества по предотвращению и борьбы с терроризмом.

Участники Бакинской конференции были единодушны в том, что

- религия и убеждения играют важную роль в современном демократическом обществе, как для индивидуума, так и для общества в целом;
- использование терроризма во имя религии демонстрирует не столкновение культур, а столкновение, основанное на невежестве;
- все религии и подобные верования проповедуют толерантность и уважение ко всем людям, а также то, что насилие и терроризм несовместимы с истинным духом религии;
- важно то, что в борьбе с терроризмом, как государства так и индивидуумы должны уважать все права человека, в особенности, право на свободу религии и убеждений;
- они уверенно отрицают любую попытку оправдать терроризм и экстремизм, основанные на политических, религиозных, экономических и социальных мотивах;
- так же как религия может быть неправильно использована, так и действия правительств, направленные на „борьбу с терроризмом” могут быть неправильно использованы для оправдания действий, которые умаляют права человека и свободу религии и убеждений;
- они резко отрицают отождествление терроризма с любой конкретной религией или культурой и подчеркивают, что ни террористические действия, ни анти-террористическая борьба не могут быть представлены как борьба за или против любой религии или культуры;
- терроризм и экстремизм уничтожают верховенство закона, фундаментальные свободы и демократию, угрожают миру и безопасности;
- вооруженный конфликт ставит под угрозу безопасность и стабильность региона ОБСЕ и может явиться препятствием для продвижения и развития межрелигиозного и межкультурного диалогов;
- затянувшиеся вооруженные конфликты взаимосвязаны с терроризмом в разных местах региона ОБСЕ, а конфликтные зоны служат пристанищем для террористов;

- разнообразие мульти-этнические и мульти-культурные общества являются важными и ценными достижениями цивилизации, способствующими миру и укреплению отношений между народами;
- уважение суверенитета и территориальной целостности и политической независимости государств во имя верховенства закона и прав человека будут способствовать глобальной борьбе с терроризмом и поддержанию мира и безопасности.

Далее, участники обсудили следующие Рекомендации:

- меры, предпринятые государствами в борьбе с терроризмом, должны соответствовать требованиям демократии, верховенства закона и уважения к правам человека и его фундаментальным свободам. Эти меры должны быть направлены исключительно на террористов и лиц им пособствующих, но никак не против национального, этнического или религиозного сообщества как такового.
- в толковании актов и манифестации терроризма в различных регионах мира не должно существовать никаких двойных стандартов или выборочности по политическим, этническим или религиозным мотивам;
- призывы к насилию и межрелигиозной конфронтации, а также практика проведения идеологической и духовной мотивации, ведущей к разногласию, являются опасными и неприемлимыми, а религиозные институты и организации должны активно содействовать мирному решению конфликтов;
- достоинство и ценности всех религий и верований, принадлежащих к человеческому наследию, должны уважаться; все государства-участники не должны допускать распространения в образовательных программах идей религиозной нетерпимости и дискриминации;
- важно, чтобы все государства-участники создавали благоприятные условия для образовательной политики в целях продвижения принципов уважения, а также защиты и охраны этих ценностей и передавали их от поколения к поколению;
- все государства-участники должны создать и реализовать политику, направленную на искоренение предрассудков и неправильно истолкованных концепций в сфере свободы религии и убеждений, и благоприятствовать уважению к плюрализму и принятию разнообразия в сфере религии и убеждений;
- образование в сфере свободы религии и убеждений должно вносить вклад в цели мира, социальной справедливости, уважения и дружбы между народами, в цели уничтожения идеологий и практик нетерпимости и дискриминации, основанных на религии и убеждениях, а также в цели содействия продвижению свободы мнений, выражения и исследования и уважения к плюрализму и более широкому принятию разнообразия;
- насильственная или любая другая силовая форма религиозной и культурной ассимиляции является неприемлемой; все государства-участники должны способствовать созданию условий, в которых все члены разнообразных мульти-этнических и мульти-культурных обществ смогут выразить свою личность и проявить свои религиозные верования, в соответствии с нормами и ограничениями международного права;
- все государства-участники должны принять меры по ликвидации возможности призыва к религиозной ненависти и насилию для любой организации, группы или индивидуума;

- все государства-участники должны содействовать аккуратному сохранению культурных и религиозных памятников; они должны наказывать всех ответственных за действия, нацеленные на разрушение культурного и религиозного наследия;
- государства и индивидуумы должны как можно на более ранней стадии обращать внимание на социальные, экономические и политические факторы, которые создают благоприятные условия для развития и укрепления террористических организаций;
- важно, чтобы осуществлялось продвижение всеобщих ценностей, охраняемых Всеобщей декларацией прав человека, Заключительным Хельсинским актом, а также другими соответствующими международными инструментами прав человека, и чтобы государства-участники способствовали диалогу и мирным отношениям между религиями и культурами и диалогу с религиозными организациями;
- государства-участники ОБСЕ должны более широко использовать Консультативный совет экспертов по вопросам свободы религии и убеждений, а также принять во внимание возможность создания должности Специального представителя по вопросам свободы религии и убеждений;
- межрелигиозный и межкультурный диалог остается важным в регионе ОБСЕ, в странах Великого Шелкового Пути, а также повсеместно; он должен развиваться для создания доверия и консолидации в борьбе против терроризма.

В заключение, участники решили что:

- Бакинская конференция явила собой важную возможность для встречи правительств, духовных лидеров и представителей гражданского общества, чтобы обсудить пути сотрудничества для укрепления позитивной роли религии и убеждений в борьбе против терроризма. Участники выразили желание, чтобы подобные встречи были организованы и в будущем под эгидой ОБСЕ предпочтительно, а также чтобы
- общие позиции и вклад Бакинской конференции для подготовки к дискуссии о борьбе против терроризма на встрече Совета министров в Порто в декабре текущего года, были приняты во внимание Постоянным Советом ОБСЕ.

III Первое рабочее заседание

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ – РЕАГИРОВАНИЕ НА УГРОЗУ БЕЗОПАСНОСТИ БЕЗ ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ПРАВА

1. Доклад Доктора Эмре Октема, Галатсарайский Университет, Стамбул

ТЕРРОРИЗМ И ДОПУСТИМЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ РЕЛИГИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

В настоящем докладе мы попытаемся сделать обзор международных правовых норм в области свободы религии и ее допустимых ограничений, а также рассмотреть вопрос свободы религии в свете борьбы с терроризмом, с учетом религиозных проблем современности.

1. Свобода религии и ее допустимые ограничения в международном праве

1.1. Документы ООН

1.1.1. Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ)

Ст. 18 Всеобщей декларации прав человека гласит:

Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных обрядов.

Ст. 18 состоит из двух частей. В первой части гарантируется право на свободу мысли, совести и религии; во второй части перечислены конкретные права, из которых состоит это право. Вторая часть статьи имеет открытый характер.¹ Свобода менять религию или веру касается внутренней сферы права на свободу мысли, совести и религии, *forum internum*, а проявления религии или убеждений – к ее внешней сфере, *forum externum*.²

Ст. 29 Декларации подвергает права и свободы, гарантированные ст. 18, „только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.” Третий Комитет отклонил предложенную представителем СССР формулировку, в которой свобода исповедовать религию гарантировалась „в соответствии с законами соответствующей страны и требованиями общественной морали”. Точно так же была отклонена и поправка, предложенная представителем Швеции, согласно которой к статье

¹ Lerner, Natan, „Religious Human Rights Under the United Nations” in *Religious Human Rights in Global Perspective-Legal Perspectives*, edited by Johan D. Van der Vyver and John Witte, Martinus Nijhoff Publishers, 1996, p. 86-87.

² Tahzib, Bahiyiyih G., *Freedom of Religion and Belief – Ensuring an Effective International Legal Protection*, Martinus Nijhoff Publishers, La Haye, 1996, p. 73.

добавлялись слова „при условии, что это не противоречит личной свободе других лиц”.³ Еще одно ограничение на применение ст. 18 предусмотрено ст. 30, гласящей, что никакое положение Всеобщей декларации прав человека „не может быть истолковано, как предоставление какому-либо государству, группе лиц или отдельным лицам права заниматься какой-либо деятельностью или совершать действия, направленные к уничтожению прав и свобод, изложенных в настоящей Декларации.”

Хотя ВДПЧ и не является обязательным для исполнения договором, ее правовой статус гораздо выше, чем у обычных резолюций и даже прочих деклараций Генеральной Ассамблеи ООН. И Международный суд, и суды многих стран в своих решениях ссылаются на ВДПЧ как на средство интерпретации или международный обычай.⁴

После принятия ВДПЧ следующий важный шаг к разработке религиозных прав был сделан в 1956 г., когда Аркот Кришнасвами представил в Подкомиссию по предотвращению дискриминации и защите меньшинств Комиссии ООН по правам человека выполненное им исследование „Дискриминация в вопросах религиозных прав и отправления культа”. Кришнасвами сделал попытку уточнить предусмотренное ВДПЧ понятие свободы мысли, совести и религии, и представил сделанные им выводы в виде списка правил, показывающих, как именно могут быть достигнуты провозглашенные ВДПЧ цели. Что касается режима ограничений, в исследовании Кришнасвами говорится, что государственные органы „обязаны следить за тем, чтобы любые ограничения (свободы религии или убеждений) носили характер исключительности, были возможно ограничены, были предписаны законом исключительно с целью обеспечить признание и уважение прав и свобод других лиц и соблюдение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благополучия в демократическом обществе, и их применение не противоречило целям и принципам ООН”.⁵

1.1.2. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (МПГПП)

Провозглашенное ВДПЧ базовое право на свободу религии нашло свое воплощение в ст. 18 МПГПП, имеющего правовую силу договора для всех подписавших его государств. Ст. 18 гласит:

1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в отпращивании культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении.
2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.
3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.
4. Участвующие в настоящем Пакте Государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями.

³ Clark, Roger, S., „The United Nations and Religious Freedom” in New York University Journal of International Law and Politics, vol 11, no. 2, 1978, p. 200-201.

⁴ Eide, Asbjorn and Alfredsson, Gudmundur, „Contemporary Appraisal” in „The Universal Declaration of Human Rights-A Common Standard achievement”, edited by Gudmundur Alfredsson and Asbjorn Eide, Martinus Nijhoff Publishers, 1999, p. xxx-xxxi.

⁵ Krishanaswami, Arcot, „Study of Discrimination in the Matter of Religious Rights and Practices”, reprint in New York University Journal of International Law and Politics, vol 11, no. 2, 1978, p. 269.

Права, предусмотренные ст. 18, имеют преимущественно защитный характер. Пассивная свобода религии и убеждений запрещает государствам-участникам Конвенции диктовать или запрещать исповедание религии или убеждений и принадлежность к ним. Негативная свобода гарантирует право не принадлежать ни к какой конфессии или не исповедовать никакой религии. Существование государственной религии или государственной церкви не противоречит пассивной свободе религии, при условии, что государство допускает существование других религий и прямо или косвенно не принуждает граждан исповедывать государственную религию⁶. Однако обязанности государства не сводятся к тому, чтобы воздерживаться от неоправданного вмешательства в религиозные права. Государство должно обеспечивать выполнение этих прав.⁷ Различие между *forum internum* и *forum externum* проводится также и в МПГПП. Свобода исповедовать и менять религию касается преимущественно внутренней сферы – убеждений и совести человека. Охрана же человека от посягательств на свободу принимать религию касается сферы внешней, *forum internum*.⁸

В отличие от ограничений, предусмотренных ст. 20 ВДПЧ, касающихся всех провозглашенных в ней прав и свобод, ограничения, изложенные в § 3 ст. 18 МПГПП, касаются лишь права выражать свою религию или веру на практике. В отличие от ограничений других статей, ограничения ст. 18 основаны на требовании „общественной безопасности“, а не „национальной безопасности“. На смысл этого выражения проливают свет подготовительные работы, *travaux préparatoires*. На 5, 6 и 8 заседаниях Комиссии по правам человека велись длительные дискуссии по поводу значения выражения „общественный порядок“ на английском и французском языках. В странах гражданского права, французский вариант этого выражения, „*l'ordre public*“ – правовая категория, используемая в основном как основание для запрета или ограничения частных договоров в сфере охраны правопорядка или применения иностранного права. В странах обычного права английский вариант этого выражения, „*public order*“, обычно означает отсутствие общественного беспорядка. Использование этих выражений в положениях, ограничивающих действие статьи 18, привело бы к неопределенности и могло бы стать основой значительных отклонений от гарантированных Пактом прав. Было предложено изменить формулировку с „охраны общественного порядка“ на „предотвращение общественного беспорядка“. Поступило также предложение уточнить выражение „общественный порядок“ словами „в демократическом обществе“. В ограничении ст. 19 используется выражение „национальная безопасность“, в ст. 20 и 21 – „национальная безопасность или общественная безопасность“. Было также замечено, что выражения „национальная безопасность“ и „общественная безопасность“ недостаточно точны, чтобы быть основанием для ограничений гарантированных Пактом прав. Хотя § 3 и не обсуждался отдельно, ряд делегаций выразили пожелание, чтобы ограничительные положения различных статей Пакта были сформулированы *mutatis mutandis* в одних и тех же терминах. В конце концов § 3 был единогласно принят в редакции, предложенной Комиссией по правам человека.⁹

Ограничению подлежат только практические проявления религии или культа. Иными словами, свобода мысли, совести и религиозных представлений, не проявленных на практике, ограничению не подлежит.¹⁰ Динстайн подчеркивает, что такое деление не случайно, как это отмечается в *travaux préparatoires*, и приходит к заключению, что свобода отправления религиозного культа может ограничиваться с целью предотвращения ущерба для жизни (крайние случаи: человеческие жертвоприношения, каннибализм...). Однако политический кризис, угрожающий безопасности

⁶ Nowak, Manfred, U. N. Covenant on Civil and Political Rights – CCPR Commentary, N. P. Engel, Publisher, Kehl-Strasbourg- Arlington, 1993, p. 313, 317.

⁷ Margiotta Broglio, Francesco, „Il contenuto e l'espressione della libertà religiosa nelle convenzioni internazionali“ in La libertà religiosa, Memoria del IX. Congresso Internacional de Derecho Canonico, Universidad Nacional Autónoma de México, 1996, p. 423.

⁸ Tahzib, Freedom of Religion..., p. 88.

⁹ Bossuyt, Marc J., Guide to the „Travaux préparatoires“ of the Covenant on Civil and Political Rights, Martinus Nijhoff, 1987, p. 365-367.

¹⁰ Lerner, „Religious Human Rights...“, p. 92.

государства, не может служить основанием для ограничения религиозной свободы.¹¹ В современности можно найти различные примеры, когда религиозные группы враждуют друг с другом, или же религиозные обычаи ставятся на службу политическим интересам¹² и терроризму. Но подобные явления – злоупотребления, а не „практические проявления” религии. Режим ограничения религиозной свободы строится на хрупком равновесии: „Религиозная проповедь и пропаганда убеждений нередко ведется с особым напором, яростным миссионерством и фанатизмом, что может спровоцировать не только межрелигиозные войны, но и самые жесткие меры государственного подавления”.¹³

В Замечании общего порядка № 22(48) к ст. 18 от 20 июля 1993 г. содержится авторитетная интерпретация¹⁴ этой статьи Комитетом ООН по правам человека, т.е. органом, контролирующим применение МПГПП. Интерпретация носит широкий универсальный характер и учитывает разнообразные нарушения прав, предусмотренных этой непростой в применении статьей, в реальной практике различных государств.¹⁵ Параграф 8 Замечания общего порядка касается ограничений свободы религии:

„Согласно пункту 3 статьи 18 свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. Свобода от принуждения иметь или принимать религию или убеждения и свобода родителей и опекунов обеспечивать религиозное и нравственное образование не подлежат ограничениям. При толковании сферы действия положений, касающихся допустимых ограничений, государства-участники должны исходить из необходимости защиты прав, гарантированных в Пакте, включая право на равенство и свободу от дискриминации в какой бы то ни было форме, закреплённое в статьях 2, 3 и 26. Ограничения должны устанавливаться законом и применяться таким образом, чтобы не наносить ущерба правам, гарантированным в статье 18. Комитет отмечает, что положения пункта 3 статьи 18 должны толковаться строго: не признаются никакие основания для установления ограничений, кроме тех, которые конкретно предусмотрены, даже если такие ограничения разрешаются в отношении других прав, защищаемых Пактом, в частности по соображениям государственной безопасности. Ограничения могут устанавливаться лишь для тех целей, для которых они предназначены, и должны быть прямо связаны с конкретной целью, достижение которой ими преследуется, и быть ей соразмерны. Ограничения не могут устанавливаться в дискриминационных целях или применяться дискриминационным образом. Комитет отмечает, что понятие нравственности складывается на основе многих общественных, философских и религиозных традиций, и, следовательно, установление ограничений на свободу исповедовать религию или убеждения в целях защиты нравственности не должно основываться на принципах, вытекающих исключительно из одной единственной традиции. Лица, в отношении которых применяются некоторые установленные законом ограничения, например заключённые, продолжают пользоваться своими правами исповедовать религию или убеждения максимально полным образом, совместимым с конкретным характером ограничения. В докладах государств-участников должна содержаться информация, касающаяся полного объёма и последствий ограничений, устанавливаемых в соответствии с пунктом 3 статьи 18, как с точки зрения закона, так и с точки зрения их применения в конкретных условиях”.¹⁶

¹¹ Dinstein, Yoram, „Freedom of Religion and the Protection of Religious Minorities” in Y. Dinstein and M. Tabory (eds.) *The Protection of Minorities and Human Rights*, Martinus Nijhoff Publishers, 1992, p. 151-152.

¹² Nowak, U. N. *Covenant...*, p. 327.

¹³ Nowak, U. N. *Covenant...*, p. 320.

¹⁴ Evans, Malcom D, „Religious Liberty and international law in Europe”, Cambridge University Press, 1997, p. 208.

¹⁵ Nowak, Manfred, „The Activities of the UN Human Rights Committee: Developments from 1 August 1992 to 31 July 1995” in *Human Right Law Journal*, vol. 16, No. 11-12, 1995, p. 379.

¹⁶ Полный текст см. *Human rights Law Journal*, vol 15, no. 4-5, 1994, p. 233-234.

Еще одна статья МПГПП, имеющая прямое отношение к нашей теме – ст. 20, гласящая, что всякая пропаганда войны, всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом. По мнению Комиссии по правам человека (Общий комментарий № 11 от 29/7/1983 г.) эти требования полностью совместимы с правом на свободу выражения, предусмотренным ст. 19, применение которой влечет за собой определенные обязанности и ответственность.

Среди дел, рассмотренных Комиссией, нет ни одного, имеющего отношение к прямой связи религии и терроризма. Между тем, заслуживает внимания дело о злоупотреблении религией в противозаконных целях, о котором заявили „полномочные представители” так называемой Ассамблеи Вселенской Церкви. Они утверждали, что принятые против их церкви судебные меры противоречат, в том числе, религиозным правам, предусмотренным ст. 18. В обряды этой новой церкви входит разведение, распространение и хранение „святыни” этой церкви – „Божьего древа жизни”, а именно марихуаны (*cannabis sativa*), и поклонение ей. По мнению Комиссии, использование наркотиков не подпадает под ст. 18, и данное заявление представляет собой злоупотребление правом обращаться в Комиссию по правам человека.¹⁷ Хотя оно и не связано с терроризмом, это дело показывает, что ссылки на религиозные обряды не могут служить прикрытием для нарушений закона.

1.1.3. Декларация об искоренении всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, 1981 г.¹⁸

Принятая ООН в 1981 г. Декларация об искоренении всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений не имеет силы договора, но является краеугольным камнем в дальнейшей разработке норм прав человека¹⁹ и может в настоящее время считаться основополагающим международным документом в отношении религиозных прав.²⁰ В ней уточнены и прояснены многие принципы, установленные МПГПП. Параграф 3 ст. 1 определяет режим ограничений прав:

„Свобода исповедовать религию или выражать убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц.”

Были отклонены предложения включить „национальную безопасность” в список допустимых ограничений, содержащийся в § 3 ст. 1.²¹ С другой стороны, ограничения, основанные на требованиях общественной морали, в силу расплывчатости этих требований, могут использоваться для нарушения принципов, лежащих в основе декларации, в виде нападок на проявления верований и культов, не соответствующие общепринятым нормам. Ограничения на прозелитизм, допустимые в рамках Декларации в целях охраны прав тех, на кого направлена деятельность прозелитов, могут вступать в противоречие со свободой выражения, гарантированной ст. 19 МПГПП²². Независимые суды,

¹⁷ Communication No. 570/1993, M.A.B., W.A.T. et J.A.Y.T c. Canada, 8 April 1994, Rapport du comité des droits de l'homme, vol. XI, Assemblée générale, Documents officiels, 49^{ème} session, p. 390-392.

¹⁸ О ходе работы над Декларацией см. Lerner, Natan, „Toward a Declaration Against Religious Intolerance and Discrimination” in *Israel Yearbook of Human Rights*, vol. 11, 1981, p. 84-89. Lerner, Natan, „The Final Text of the U. N: Declaration Against Intolerance and Discrimination Based on Religion or Belief” in *Israel Yearbook of Human Rights*, vol. 12, 1982, s. 186-188, Odio Benito, Elizabeth, (Rapporteur spécial de la Sous-commission de la lutte contre les mesures discriminatoires et de la protection des minorités) *Elimination de toutes les formes d'intolérance et de discrimination fondées sur la religion ou la conviction*, Nations Unies, New York, 1989.

¹⁹ Sullivan, Donna J., „Advancing the Freedom of Religion or Belief Through the UN Declaration on the Elimination of Religious Intolerance and Discrimination” in *American Journal of International Law*, vol 82, 1988, p. 488.

²⁰ Lerner, „Religious Human Rights...”, p. 114.

²¹ Tahzib, *Freedom of Religion...*, p.169.

²² Sullivan, Donna J., „Advancing the Freedom of Religion...”, p. 496, 499.

соблюдающие должный порядок отправления правосудия, могут эффективно противодействовать произволу государственных органов.²³

Параллельно ограничительным положениям, § 2 ст. 1 содержит запрет на принуждение, противоречащее свободе исповедовать религию или веру по собственному выбору, и, следовательно, явным образом запрещает использовать угрозы и физическую силу, чтобы принудить верующих (или неверующих) отречься от своих убеждений или обратиться в иную веру. В число запрещенных форм принуждения должны быть включены нападки на интеллектуальные и психологические составляющие религии.²⁴ Соответственно, если для такого принуждения используется терроризм, государство не только вправе, но и обязано предотвращать такие действия.

1.2. Европейская конвенция о правах человека

В ст. 9 Европейской конвенции об охране прав и основных свобод человека (Европейская конвенция о правах человека – ЕКПЧ) содержатся основные положения о свободе религии и убеждений. Она была написана вскоре после Всеобщей декларации прав человека и ее формулировки очень близки к ВДПЧ.

1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в богослужении, учении и отправлении религиозных и ритуальных обрядов.
2. Свобода исповедовать свои религию или убеждения подлежит лишь таким ограничениям, которые установлены законом и необходимы в демо-кратическом обществе в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности, или для защиты прав и свобод других лиц.

Европейский суд по правам человека уделяет особое внимание свободе религии. „Как начертано в статье 9, свобода мысли, совести и религии является одной из основ „демократического общества” в значении, принятом Конвенцией. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. Плюрализм, неотделимый от демократического общества и который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем.”²⁵

Что касается ограничительных положений, то из *Travaux préparatoires* видно, что выражение „необходимые в интересах национальной безопасности” было заменено формулировкой „необходимые в демократическом обществе”. Этот критерий, на основании которого определяются понятия общественного порядка, общественного здоровья, морали и безопасности, фигурирующие в ст. 8, 9, 10 и 11, был введен с целью убеждения тех государств, которые отдают предпочтение казуистическому подходу к составлению ЕКПЧ.²⁶

²³ Tahzib, Freedom of Religion..., p.170.

²⁴ Sullivan, Donna J., „Advancing the Freedom of Religion...”, p. 4494.

²⁵ Коккинакис против Греции, 3/1992/348/421, 25 /5/1993, § 31.

²⁶ Margiotta Broglio, Francesco, La protezione internazionale della liberta religiosa nella Convanzione Europea dei diritti dell’Uomo, Giuffri, Milano, 1967, p. 24-25.

В ст. 9 проводится разграничение между внутренней сферой религии (*forum internum*) и ее внешними проявлениями (*forum externum*). Ограничению подлежат лишь последние. Таким образом, свобода религии занимает привилегированное положение по сравнению с остальными свободами, гарантированными в ЕКПЧ. Как было сказано в постановлении Европейского суда по правам человека, „Основополагающий характер прав, гарантированных статьей 9 п. 1 также находит свое отражение в формулировке параграфа, предусматривающего ограничение на них. В отличие от вторых параграфов статей 8, 10 и 11, охватывающих все права, перечисляемые в первых параграфах этих статей, второй параграф статьи 9 упоминает лишь о „свободе исповедовать свою религию или убеждение”. При такой формулировке этим параграфом признается, что в демократических обществах, где среди одного и того же населения сосуществуют различные религии, возможно, возникает необходимость наложения ограничений на эту свободу в целях примирения интересов различных групп и гарантирования уважения верования каждого.”²⁷ Действительно, тот факт, что свобода религии есть составляющая демократического плюралистического общества, накладывает на нее ограничения, связанные с необходимостью охранять права каждого человека.²⁸ Тем не менее, в отличие от ст. 18 МПГПП, ст. 9 ЕКПЧ не входит в число прав, от которых, в соответствии со ст. 15, могут делаться отступления во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожающего жизни нации. Однако такое отступление допустимо лишь в степени, требуемой обстоятельствами.

Ограничительные положения в последующих разделах статьи сформулированы по той же схеме, и, хотя между ними есть различия, Страсбургский суд обычно рассматривает все эти разделы вместе.²⁹ Определяя, имело ли место нарушение Конвенции, Европейский суд по правам человека задается четырьмя основными вопросами: 1) Имело ли место нарушение прав, предусмотренных Конвенцией? 2) Если да, то предусмотрено ли оно законом? 3) Преследовало ли оно одну из легитимных целей, перечисленных во втором разделе ст. 9? 4) Является ли данная мера необходимой в демократическом обществе для достижения этих целей?³⁰ Расследование „законности” той или иной меры направлено на то, чтобы произвол органов исполнительной власти ограничивался законодательными и судебными органами. Легитимные цели можно разделить на две группы: связанные с общественными интересами, в т.ч. общественной безопасностью, здоровьем населения и пр., и связанные с личными интересами, т.е. свободой других людей.³¹ Если трактовать эти категории широко, то ими можно оправдать какие угодно произвольные действия властей. Поэтому необходимо трактовать их максимально узко.³² „Суд последовательно признавал, что у Государств-участников Договора должен быть некоторый запас при оценке существования и степени необходимости вмешательства, но такой запас должен находиться под европейским наблюдением, охватывающим как законодательство, так и решения его применяющие, даже те из них, которые выносятся независимым судом. Задача суда определить, являются ли принятые меры на уровне государства оправданными в принципе и соразмерными”.³³

²⁷ Коккинакис против Греции, 3/1992/348/421, 25 /5/1993, § 33.

²⁸ Coussirat-Cousture, Vincent, „Article 9 § 2” in La Convention Européenne des droits de l’Homme, Commentaire article par article sous la direction de Louis Edmond Pettiti-Emmanuel Decaux-Pierre Henri Imbert, Economica, 1995, p.361.

²⁹ Ktistakis, Ioannis, La liberté de religion devant les organes de la Convention européenne des droits de l’Homme – Respect des traditions des différents pays européens ou formation d’un jus commune en matière des droits de l’Homme, Mémoire préparé par Ioannis Ktistakis sous la direction de François Rigaux, dans le cadre du Mastère en Théorie du droit, Académie européenne de Théorie du droit, (уәуәнланмағу уәкәк лисанс тези) арыз 1996, p. 37.

³⁰ Greer, Steven, Les exceptions aux articles 8-11 de la Convention européenne des droits de l’homme, éditions du Conseil de l’Europe, Dossiers sur les droits de l’Homme, No. 15, 1997, p. 7.

³¹ Greer, Steven, Les exceptions..., p. 9,18.

³² Martinez-Torron, Javier, „La giurisprudenza degli organi di Strasburgo sulla libertà religiosa” in Rivista internazionale dei diritti de l’uomo, 1993, p. 365.

³³ Коккинакис против Греции, 3/1992/348/421, 25 /5/1993, § 47

1.3. Документы ОБСЕ

ОБСЕ³⁴ была создана как форум для переговоров, деятельность которого должна была способствовать мирному сосуществованию двух непримиримых идеологий, разделявших Восток и Запад в послевоенной биполярной Европе. С распадом советского блока стало ясно, что деятельность ОБСЕ по налаживанию эффективной защиты основных прав человека способствовала также и либерализации восточно-европейских стран.³⁵ На сегодняшний день ОБСЕ – межправительственная организация, цель которой – отстаивать и защищать права человека, верховенство закона и демократический плюрализм. Эта трансформация существенным образом повлияла на ход разработки ОБСЕ правил для развития религиозной толерантности в Европе.³⁶ Можно сказать, что „за исключением прав человека, имеющих трансграничную природу, из всех прав человека более всего внимания в документах ОБСЕ (ОБСЕ) уделяется свободе религии”.³⁷ В том политическом соглашении, благодаря которому стало возможным подписание документов ОБСЕ, и в том, что СССР подписал обязательства в сфере прав человека и, в частности, в области религиозных свобод, можно усмотреть „семена” будущего падения коммунизма в Восточной Европе.³⁸ Немаловажен и тот факт, что Ватикан с самого начала играл очень активную роль в хельсинкских переговорах.³⁹

В документах в области человеческого измерения ОБСЕ, подписанных после Заключительного акта Хельсинкского совещания 1975 г., также уделяется внимание вопросам свободы религии.⁴⁰ Режим допустимых ограничений этих прав особо подробно прописан в Заключительных документах Венского совещания 1989 г. и Копенгагенского совещания 1990 г.

Параграф 17 Венского документа гласит, что „Государства-участники признают, что осуществление вышеупомянутых прав, относящихся к свободе религии или убеждений, может подлежать лишь таким ограничениям, которые установлены законом и совместимы с их обязательствами по международному праву и их международными обязательствами. Они будут обеспечивать в своих законах и административных правилах и при их применении полное и эффективное осуществление свободы мысли, совести, религии или убеждений.”

В Копенгагенском документе также говорится, что любые ограничения действия религиозных прав должны быть предусмотрены законом и соответствовать международным нормам.

В ходе заседания Совета министров ОБСЕ в Бухаресте в декабре 2001 г. страны-участники ОБСЕ заявили, что борьба с терроризмом – это не война против религий и народов, и подтвердили свою приверженность делу защиты прав и основных свобод человека.

³⁴ Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) был переименован в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1994 г. в соответствии с Будапештским документом.

³⁵ Giglio, Cristina, „I diritti umani nel processo CSCE: dalla contrapposizione ideologica all'accordo sui principi” in Rivista internazionale dei diritti dell'uomo, 1993, p. 429.

³⁶ Buergenthal, Thomas, „The CSCE and the Promotion of Racial and Religious Tolerance” in Israel Yearbook of Human Rights, vol 22, 1992, p. 31.

³⁷ Luchterhandt, Otto, „The CSCE Norms on Religious Freedom and Their Effects on the Reform of Soviet Legislation on Religion”, in A. Bloed and P. Van Dijk (eds) The Human Dimension of the Helsinki Process” Kluwer Academic Publishers, Netherlands, 1991, p. 162.

³⁸ Evans, „Religious Liberty...”, p. 366.

³⁹ Barberini, Giovanni, „La partecipazione della Santa Sede alla Conferenza di Helsinki-Un contributo alla tutela dei diritti umani et della liberta religiosa” in La tutela della liberta di religione. Ordinamento internazionale e normative confessionali, a cura di Silvio Ferrai e Tullio Scovazzi, Cedam, Padova, 1988, p. 172-190, Russo, Carlo, „La liberta religiosa nel processo di sicurezza e cooperazione in Europa dall'Atto finale di Helsinki al Documento conclusivo di Vienna” in Presence du droit public et des droits de l'homme. Milanges offerts a Jacques Velu, vol. 3, Bruylant, Bruxelles, 1992, pp. 1824-1827.

⁴⁰ См. Документы по человеческому измерению ОБСЕ (Documents on the Human Dimension of the OSCE, Collection prepared by Dr. Dominic McGoldrick, Warsaw, 1995).

Правовая природа ОБСЕ,⁴¹ и в особенности документов этой организации, давно уже является предметом споров. С теоретической точки зрения, документы ОБСЕ не являются международными договорами, и принадлежат к расплывчатой категории „мягкого права”.⁴² По этому поводу ограничимся следующей цитатой: „Правовая сила этих договоров всерьез никем не подвергается сомнению... Обязательство может не иметь правовой обязательной силы, и при этом быть обязательством. Разграничение правовой и неправовой обязательной силы связано с правовыми последствиями обязательств, а не обязательной силой как таковой”⁴³

2. *Терроризм и допустимые ограничения свободы религии*

„Терроризм – угроза демократии”. Это клише часто употребляется, особенно в политическом дискурсе. На самом деле это высказывание многозначно. Терроризм и в самом деле пытается уничтожить демократию, и поэтому демократия должна защищаться от терроризма. Но демократия может погибнуть не только от самого терроризма, но и от реакции на него. Ведь в основе демократии лежит определенная система представлений о правах человека.⁴⁴ Во имя борьбы с терроризмом может ограничиваться сфера личной свободы человека, представляющая собой ядро либерального общества. Иногда именно она и является настоящей целью террористов.⁴⁵ С другой стороны, „... борьба с терроризмом путем введения особых норм, отличных от обычных... создает на международном уровне необходимость привести эти особые, исключительные нормы в соответствие с обычными конституционными нормами. В противном случае от мер по борьбе с терроризмом пострадают конституции, то есть пошатнется правовая основа легитимной государственной власти”.⁴⁶ Европейский суд по правам человека, „осознавая опасность... подорвать или даже уничтожить демократию в попытке ее защитить, утверждает, что государства-участники не имеют права принимать любые меры, какие сочтут нужным, во имя борьбы со шпионажем и терроризмом”⁴⁷

На самом деле ради борьбы с терроризмом государства могут принимать меры по ограничению или отступлению от прав и свобод человека, и в том числе свободы религии. Однако государства не вправе делать это по своему усмотрению. В своих решениях они обязаны руководствоваться международными нормами. В числе таких нормативных документов особого внимания требует ЕКПЧ, поскольку в ней наиболее подробно прописана система правосубъектности человека в международном праве, и в ее практике имеется широкий спектр правовых ситуаций.

Мы уже рассмотрели здесь ограничительные положения к ст. 9. В упрощенном виде, принципиальную разницу между отступлением от права и ограничением права можно представить следующим образом: если ограничения подразумевают различные препятствия, ввиду которых воспользоваться данным правом становится сложнее, но не невозможно, отступление предполагает невозможность воспользоваться правом.⁴⁸ Ст. 15 ЕКПЧ гласит:

⁴¹ См. Bertrand, Christine, „La nature juridique de l'Organisation pour la securit  et la coop ration en Europe(OSCE)” in *Revue g n rale de droit international public*, 1998-2, pp. 365 and ff.

⁴² См. Karakas, Io l, „Uluslararası Hukukta Yeni Epilimler: ‘Soft Law’ ve  nsan Hakları” (Soft Law and Human Rights) in *Uluslararası Politikada Yeni Alanlar, Yeni Bakımlar*, (New Issues and Perspectives in International Relations edited by Faruk Summezoplu), Der Publishers,  stanbul, 1998, pp. 117 and ff.

⁴³ Wright, Jane, „The OSCE and the protection of Minority Rights”, in *Human Rights Quarterly*, vol18, no. 1, 1996, p.193

⁴⁴ Soulier, G rard, „La lutte contre le terrorisme et droits d el’homme-De la Convention a la Cour europ enne des droits de l’homme” in *Revue de science criminelle et de droit compar *, (3), 1987, p. 663.

⁴⁵ Reisman, Michael, W, „International Legal Responses to Terrorism” in *Houston Journal of International Law*, vol 22:1 1999, p. 61.

⁴⁶ Schiff, David, „Managing terrorism in the British way” in „Terrorism and international law”, Edited by Rosalyn Higgins and Maurice Flory, Routledge, 1999 (reprint), p. 126.

⁴⁷ *Klass and others v. Germany*, 6 September 1978,   49.

⁴⁸ Jean, Patrice, „The jurisprudence of the European Commission and Court of Human Rights with regard to terrorism” in *Terrorism and international law*, Edited by Rosalyn Higgins and Maurice Flory, Routledge, 1999 (reprint), p. 224-225.

1. Во время войны или иного чрезвычайного положения, угрожавшего жизни нации, любая Высокая Договаривающаяся Сторона может принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящей Конвенции только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с ее другими обязательствами по международному праву.
2. Это положение не может служить основанием для отступления от статьи 2, за исключением смерти в результате правомерных актов войны, или от статей 3, 4 (пункт 1) и 7.
3. Любая Высокая Договаривающаяся Сторона, использующая это право отступления, информирует в полном объеме Генерального секретаря Совета Европы о введенных ею мерах и о причинах их принятия. Она также информирует Генерального секретаря Совета Европы о прекращении действия таких мер и возобновлении полного осуществления положений Конвенции.

Как видно из *Подготовительных работ*, ст. 15 была внесена в Декларацию по инициативе Великобритании при поддержке Греции и Бельгии и несогласии Франции и Италии.⁴⁹

Судя по всему, ст. 15 представляет собой положение о чрезвычайном положении. Категория „чрезвычайное положение” пришла в Конвенцию из внутреннего права, в котором она используется в гражданском, уголовном и конституционном праве.⁵⁰ В разделе 2 идет речь о правах, не подлежащих отступлению, которые составляют „твердое ядро” и могут считаться частью *jus cogens*.⁵¹

Согласно требованию § 3 ст. 15, в случае отступления о любых мерах и причинах их принятия должен информироваться Совет Европы. Принятые меры должны быть строго сообразны необходимости, продиктованной чрезвычайной ситуацией, соответственно принципу соразмерности. Кроме того, такие меры могут приниматься лишь при условии, что они „не являются несовместимыми с ее другими обязательствами по международному праву”. Такая формулировка гарантирует дополнительную защиту прав человека.⁵²

В своем заключении по делу Лолесс Европейский суд по правам человека подтвердил свою компетенцию оценивать факт наличия чрезвычайной ситуации, угрожающей существованию нации, и заявил, что „...Суд определяет, были ли в данном случае выполнены перечисленные в ст. 15 условия применения исключительного права отступления”.⁵³

В практике институтов ОБСЕ немного дел об отступлениях от прав и терроризме. В этих вопросах ст. 9 применялась нечасто. Рассмотрев дело, возбужденное в результате акции протеста ряда заключенных, требовавших присвоить им особый статус политзаключенных, Европейский суд по правам человека заключил, что ст. 9 не предполагает права политзаключенных на особый статус, и опроверг утверждение МакФили и др., что обязанность носить тюремную робу и выполнять тюремную работу противоречит их свободе совести.⁵⁴

⁴⁹ Tavernier, Paul, „Article 15” in *La Convention européenne des droits de l’homme. Commentaire article par article*, sous la direction de Louis Edmond Pettiti, Emmanuel Decaux, Pierre-Henri Imbert, Economica, Paris, 1999, p. 490.

⁵⁰ Ergez, Ruoen, *Les droits de l’homme à l’épreuve des circonstances exceptionnelles. Etude sur l’article 15 de la Convention européenne des droits de l’homme*, Bruylant, Bruw xelles, 1987, pp. 39 et ff.

⁵¹ См. Sudre, Frédéric, *Droit international des droits de l’homme*, PUF, 1989, pp. 118-121, Tavernier, Paul, „Article 15” p. 498

⁵² See Jean, *The jurisprudence...*, p. 224

⁵³ *Lawless v. Ireland* 332/57, 1/7/1961, (Merits) § 22.

⁵⁴ *McFeeley and others v. United Kingdom*, Decisions and Reports, 20, pp. 44 and ff.

3. *Свобода объединений и мониторинг финансирования терроризма*

Свобода вероисповедная тесно связана со свободой объединений, поскольку религиозные сообщества образуют различные объединения с целью совершения религиозных обрядов, обучения верующих, в особенности молодежи, публикации религиозной литературы и пр. С другой стороны, так называемые религиозные террористические группировки могут использовать религиозные объединения как прикрытие или источник финансирования преступных действий. В ст. 11 ЕКПЧ говорится о праве на свободу объединений. В ее втором разделе предусмотрен режим ограничений этого права:

„Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступности, защиты здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц...”

Рассматривая дела, касающиеся права на объединение, Европейский суд по правам человека подчеркивает, что исключения из этого права должны трактоваться очень строго. В заключении по делу Сидиропулоса и др. против Греции, Европейский суд по правам человека категорически заявил, что „право образовывать объединения есть составная часть права на свободу объединений”, и что „граждане должны иметь право образовывать юридическое лицо с целью совместно действовать в сфере их общих интересов... Несомненно, государства имеют право потребовать подтверждения того, что цели и деятельность того или иного объединения соответствуют законодательным нормам, но запрашивать такое подтверждение они должны в соответствии с обязательствами, предусмотренными Конвенцией, и их действия могут быть обжалованы”⁵⁵ в органах, контролирующих выполнение Конвенции. Все, что верно для светских объединений, верно и для религиозных объединений. В деле Серифа против Греции речь шла о том, что власти Греции назначили другого человека на место мусульманского религиозного лидера, избранного турецким сообществом в Западной Фракии. В этом деле проблемы свободы религии и свободы объединений фигурируют одновременно. Европейский суд по правам человека заключил, что имело место нарушение ст. 9, и заявил следующее: „в демократическом обществе государству (нет необходимости) принимать меры для того, чтобы у религиозных сообществ сохранялось или появлялось единое руководство”.⁵⁶

Соответственно, ЕКПЧ в целом ряде аспектов защищает свободу ассоциаций, и все же она может ограничиваться из соображений национальной или общественной безопасности, или с целью предотвращения беспорядков и преступлений. В число таких легитимных целей, очевидно, входит и терроризм.

Проблема финансирования терроризма затрагивается и в других международных документах. Этой проблеме целиком посвящена Международная конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма. По поводу объединений и иных юридических лиц ст. 5 гласит:

(§ 1) Каждое государство-участник в соответствии с принципами своего внутреннего права принимает необходимые меры для того, чтобы можно было привлечь юридическое лицо, находящееся на его территории или учрежденное по его законам, к ответственности в случае совершения физическим лицом, ответственным за управление этим юридическим лицом, или контроль за ним, которое выступает в своем официальном качестве, преступления, указанного в статье 2. Такая ответственность может носить уголовный, гражданский или административный характер.

⁵⁵ Sidiropoulos and other v. Greece, 16695/95, 10/7/1998, § 40.

⁵⁶ Serif and other v. Greece, 38178/97, 14 December 1999, § 52.

...
(§ 3) Каждое государство-участник обеспечивает, в частности, чтобы к юридическим лицам, несущим ответственность согласно пункту 1 выше, применялись эффективные, соразмерные и действенные уголовные, гражданско-правовые или административные санкции. Такие санкции могут включать финансовые санкции.

В вопросе международного сотрудничества, ст. 18 гласит, что государства-участники „сотрудничают в предупреждении преступлений, указанных в статье 2, путем принятия всех практически осуществимых мер, в частности путем изменения, при необходимости, их внутреннего законодательства для воспрепятствования или противодействия подготовке в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений на их территории или за ее пределами, в том числе: а) мер, запрещающих на их территориях незаконную деятельность лиц или организаций, которые умышленно поощряют, подстрекают, организуют или совершают преступления, указанные в статье 2...”

В резолюции 1373(2001), принятой после трагедии 11 сентября 2001 г, Совет безопасности ООН постановил, что все государства обязаны :

(Ст. 1...§ b) „ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались – или при осознании того, что они будут использованы – для совершения террористических актов;... § (d) запретить своим гражданам или любым лицам и организациям на своей территории предоставление любых средств, финансовых активов или экономических ресурсов, или финансовых или иных соответствующих услуг, прямо или косвенно, для использования в интересах лиц, которые совершают или пытаются совершить террористические акты, или содействуют или участвуют в их совершении, организаций, прямо или косвенно находящихся в собственности или под контролем таких лиц, а также лиц и организаций, действующих от имени или по указанию таких лиц.

Ст. 6. постановляет учредить комитет Совета Безопасности, состоящий из всех членов Совета, для контроля за осуществлением настоящей резолюции, и призывает все государства представлять комитету доклады о шагах, предпринятых ими для осуществления настоящей резолюции.

Как страна, долгое время страдающая от терроризма и остающаяся одной из главных целей террористов, Турция приветствовала принятие резолюции Совета безопасности ООН № 1373 (2001). Согласно официальной позиции Турции, данная резолюция создает прочную полноценную правовую основу для борьбы с терроризмом в мировом масштабе. Уже в декабре 2001 г. Турция представила доклад в соответствии с требованиями резолюции, в котором были, в том числе, перечислены турецкие законы, которые могут использоваться для предотвращения терактов и борьбы с их финансированием (Закон о борьбе с терроризмом, Уголовный кодекс, Закон о предотвращении отмыывания денег, Закон о предотвращении деятельности преступных коммерческих организаций). Кроме того, в турецком законодательстве имеются положения, запрещающие финансирование террористической деятельности. Реагируя на запрос правительства США о блокировании счетов лиц, компаний и организаций, связанных с Осамой бен Ладеном и террористической организацией Аль-Кайда, правительство Турции провело официальное расследование, в результате которого был выявлен один иностранный гражданин, имевший счета в Турции. Административным решением Следственного совета Министерства финансов его счета были заблокированы.⁵⁷

⁵⁷ „Measures Taken by the Republic of Turkey Against Terrorism”, Report to the Security Council Committee established pursuant to resolution 1373(2001), December 2001.

Вместо заключения. Религия и терроризм несовместимы по своей природе

„Одно из значительных изменений, произошедших в области терроризма за последние 20 лет, состоит в том, что все больше террористических группировок ссылаются на религиозные верования как на источник легитимности своих действий”⁵⁸. Больше всего внимания привлекают к себе радикальные исламские группировки, конечно, особенно после 11 сентября. В общественном мнении во всем мире, с согласия и даже одобрения ряда западных ученых и политиков, возникает тенденция считать, что подлинным источником терроризма является ислам как таковой. При этом игнорируются экономические и социокультурные аспекты этой проблемы.⁵⁹ Трагические события 11 сентября 2001 г. в значительной мере способствовали возникновению этих предубеждений. К счастью, некоторые организации специально указывают на характер ведущейся сейчас борьбы с терроризмом. Так, на пленарном заседании Парламентской ассамблеи НАТО, состоявшемся в Оттаве 9 октября 2001 г., после 11 сентября, было сказано: „3) Мы не попадем в ловушку, расставленную террористами, пытающимися втянуть нас в конфликт между религиями и культурами. Мы даем слово защищать цивилизацию и культуру против варварства. Эта борьба, в основе которой лежат всеобщие ценности, объединяет все религии и все культурные традиции.”⁶⁰

Действительно, так называемые исламские террористы заявляют, что действуют во имя ислама.⁶¹ Но из соображений пропаганды большинство террористов избегают пользоваться термином „терроризм”. Террористы представляют дело так, что они ведут „войну”, а гражданские цели – это „фронт”. Если, в качестве аргумента в споре, на минуту встать на позиции террористов и признать, что терроризм – это война, то и тогда их действия подлежат осуждению с позиций ислама, так как ислам строго ограничивает применение военной силы.⁶² „В исламской религиозной этике подчеркивается необходимость порядка и мира в общественной жизни и осуждается подпольное насилие против беззащитных жертв... В исламском праве запрещено любое насилие, кроме законных наказаний за преступления, самообороны или противостояния войскам противника в ходе объявленной законной войны в соответствии с правовыми нормами.”⁶³

Не будет ни ошибкой, ни преувеличением сказать, что впервые нормы гуманитарного права возникли именно в исламской традиции. Хотя ислам и моложе христианства, исламская традиция войны и мира сложилась раньше христианской.⁶⁴ Еще в 634 н. э. Халиф Абу Бакр установил на основе религиозных предписаний гуманитарные правила ведения войны, которыми он руководствовался в походе своей исламской армии против сирийских христиан.⁶⁵ В эти правила входило, в том числе, уважение к монахам, священникам и монастырям, и строгий запрет на убийство женщин, детей, священнослужителей, не участвующих в боевых действиях, запрет уничтожать сады, пальмы, поджигать дома, обязательство

⁵⁸ Mayer, Jean-Francois, „Cults, Violence and Religious Terrorism: An International perspectives” in *Studies in Conflict and Terrorism*, 24, 200, p. 361.

⁵⁹ В резолюции 1989 г. Генеральная ассамблея ООН призывает государства „...содействовать постепенной ликвидации коренных причин международного терроризма и уделять особое внимание всем ситуациям, включая колониализм, расизм и ситуации, связанные с массовыми и грубыми нарушениями прав человека и основных свобод, а также ситуации, связанные с чужеземным господством и иностранной оккупацией, которые могут порождать международный терроризм и ставить под угрозу международный мир и безопасность (Резолюция ГА ООН 44/29, 4 декабря 1989 г., цит. по Higgins, Rosalyn, „The general international law of terrorism” в сб. *Terrorism and international law*, ред. Rosalyn Higgins and Maurice Flory, Routledge, 1999 (репринт), стр. 19) См. также Fox, Jonathan, „Religion as an Overlooked Element of International Relations” в сб. *International Studies Review*, том 3 выпуск 3, 2001 г., стр. 71: „in much of the Third World, the failure of secular Governments... has led to a legitimacy crisis that has facilitated or even enhanced the ability of religious movements to oppose them”.

⁶⁰ Документ AU 262SA(01) 12 rev 1.

⁶¹ Из истории можно заметить, что терроризм – порождение далеко не только ислама. Свой „вклад” в возникновение терроризма внесли многие религии, в том числе иудей-зилоты (сикарии) и индуисты-бандиты. См.: An-Naim, Abdullahi Ahmed, „Islamic Ambivalence to Political Violence: Islamic Law and International Terrorism” in *German Yearbook of International Law*, vol 31, 1988, p. 310.

⁶² Schwartz, David Aaron „International Terrorism and Islamic Law” in *Columbia Journal of Transactional Law*, 29, 1991, p. 640.

⁶³ An-Naim, Abdullahi Ahmed, „Islamic Ambivalence to Political Violence: Islamic Law and International Terrorism” in *German Yearbook of International Law*, vol. 31, 1988, p. 307.

⁶⁴ Mayer, Ann Elizabeth, „War and Peace in the Islamic Tradition and International Law” in *Just War and Jihad, Historical and Theoretical Perspectives on War and Peace in Western and Islamic Traditions*, edited by John Kelsey and James Turner Johnston, Greenwood Press, Westport, 1991, p. 195.

⁶⁵ Naftzinger, James A. R. „The functions of Religion in the International Legal System” in *Influence Religion on the Development of International Law*, edited by Mark W. Janis, Martinus Nijhoff Publishers, 1991, p. 157.

гуманно обращаться с пленными.⁶⁶ Исламский ученый VIII века Шайбани построил свою доктрину исламского военного права преимущественно на основе хадис Пророка и вышеупомянутых правил.⁶⁷

Поражая гражданские цели, так называемые исламские террористы неизбежным образом нарушают исламские правила ведения войны. Следовательно, идеология исламских террористов представляет собой порочный круг: они якобы защищают ислам тем, что нарушают его основополагающие устои. Предубеждения сторонников различных религий друг против друга или против какой-либо определенной религии основаны на незнании. Чем больше люди знают друг о друге, тем больше они понимают, что у них больше общего, чем поводов для раздоров. Как говорил Леонардо да Винчи – высшее воплощение мысли, искусства и науки эпохи Возрождения – „Великая любовь – дитя великого познания. Чем глубже познание, тем горячее любовь”. Религия обращается к совести человека, к его сердцу, и большинство религий стремятся помочь человеку освободиться от греха, ненависти и озабоченности материальными благами, и от гнета других людей.⁶⁸ Межконфессиональный диалог дает нам надежду „разоружить зло добром”⁶⁹ и преодолеть „столкновение цивилизаций” по Хантингтону, создав на его месте гармонию культур во имя гуманизма, нашедшего свое место в современности и основанного на универсальных ценностях всех религий.⁷⁰

На съезде в Ассизи в сентябре 1994 г. Представители почти всех религий и конфессий подписали декларацию, гласящую: „Во имя Бога мы провозглашаем всем людям, верующим и неверующим: священной войны не бывает. Священ только мир.”⁷¹ С 7 по 9 февраля 1994 г. в Стамбуле проходила Международная конференция по вопросам мира и толерантности, на которой собралось более ста высокопоставленных представителей иудаизма, христианства и ислама. В заключительной декларации конференции говорится, что войну нельзя оправдать именем Бога, а преступление, совершенное во имя веры, есть преступление против веры.⁷²

Использование религии в террористической пропаганде – бессмыслица. Ее основа – искажения священных текстов и злоупотребление социально-экономическими условиями. Не принимая этого во внимание, человечество не сможет победить так называемый религиозный терроризм. С другой стороны, верующие должны взять инициативу на себя, критикуя тех своих единоверцев, кто относится к терроризму с терпимостью или одобрением. Конечно, пожелания ученых не всегда легко воплощаются в жизни, а хитросплетение юридических рассуждений едва ли способно противостоять пропаганде террористов. В заключение я хотел бы выразить надежду на то, что когда-нибудь сбудутся слова царя Соломона, почитаемого в трех монотеистических религиях в качестве символа мудрости: „Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых врачует”⁷³.

⁶⁶ Ahmed Rehid (Turnagil) „L’Islam et le droit des gens” in Recueil des Cours de L’Académie de Droit International, tome 60, 1937, p. 452-453., Truyol y Serra, Antonio, Histoire du droit international public, Economica, Paris, 1995, p 21-22, 37.,

⁶⁷ См. Muhammad ibn al-Hasan ach-Chaibani, Le Grand Livre de la conduite de l’Etat, (Kitab as-Siyar al Kabir, commenté par Abu Bakr Muhammad ibn Abu Sahl Ahmed, Chams al-A’immah as Sarakhsi, traduit par Muhammed Hamidullah, éditions Türkiye Diyanet Vakfı, Ankara, 1989).

⁶⁸ Arinze, Cardinal Francis, „Interreligious Dialogue at the Service of Peace” (Lecture given at the University of Ankara) in Islamochristiana, 13, Rome, 1987, p. 3.

⁶⁹ Talbi, Mohamed, „Le message de paix de l’Islam. Contribution a une théologie oecuménique de la Paix” in Recueil d’articles offerts a Maurice BORRMANS par ses collègues et amis, Rome, 1996, p. 231.

⁷⁰ Bormans, Maurice, „Cultures et civilisations au service de l’homme: du conflit a l’harmonie” in Islamochristiana, (Rome) 27, 2001, p.55.

⁷¹ Cited by Talbi, „Le message de paix ...”, pp. 237-238.

⁷² Jacob, Xavier, „Les relations islamo-chrétiennes en Turquie” in Islamochristiana, (Rome) 21, 1995, p. 111. Пелатр, апостольский викарий Ватикана в Стамбуле, отозвался о конференции следующим образом: „В залах греческой патриархии никогда прежде не видели ни мусульманских тюрбанов, ни скуфей православных священников, ни религиозных албанских лидеров в зеленых одеждах, братающихся с католическим кардиналом. Мы не привыкли, чтобы Патриарх поздравлял мусульман с наступающим Рамаданом. На заседаниях конференции друг рядом с другом сидели Председатель турецкого комитета по религии, греческий Патриарх и Великий рабе Шнайер и другие еврейские делегаты”. (В сб. *Présence*, March 1994, cited by Jacob, p. 111)

⁷³ Книга притчей соломоновых, 12/18.

2. Доклад Доктора Нэнси Норт, сотрудницы Комиссии по благотворительности Англии и Уэльса, эксперта Совета Европы

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ УГРОЗАМ БЕЗОПАСНОСТИ, НЕ НАРУШАЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Примечание: Устный доклад был сделан на основе кратких записей, и данный текст не совпадает с ним дословно. Автор стремился возможно точно отразить здесь основные темы доклада.

В европейской истории мы найдем примеры острейшей религиозной нетерпимости. В Англии XVI века за принадлежность к Римской католической или протестантской церкви – в зависимости от того, какой именно монарх в этот момент правил страной – верующие подвергались гонениям, а иногда и казням. Вероисповедание приравнивалось к политической позиции и могло стать поводом для преследований со стороны государства. Между тем, свобода вероисповедания давно уже считается одной из основ гражданского общества, и сейчас, быть может, более, чем когда-либо, необходимо, чтобы религии всего мира активно отстаивали систему моральных норм, и в первую очередь право на жизнь, в соответствии со Ст. 2 Конвенции о правах человека. Точно так же, в нынешние смутные и трудные времена, государства должны проявлять бдительность в отношении неоправданных нарушений прав человека. Мы должны особенно внимательно защищать свободу вероисповедания, ибо некоторые террористы используют религиозные идеи как оправдание чудовищных преступлений, вовсе не основанных на постулатах веры, и это приводит к неоправданному предубеждению против тех или иных религий. Таким образом, исполняя свой долг по защите своих граждан, государство должно не только проводить различие между исповеданием веры в соответствии с законом, с одной стороны, и ее злонамеренными искажениями – с другой, но и поддерживать, а в случае необходимости и защищать последователей той или иной религии от неразумных и неоправданных действий других людей. В нынешние непростые времена закон – важный моральный критерий главный и гарант прав человека.

Права человека и законодательство Великобритании

Законодательство Великобритании в сфере прав человека основано на Европейской конвенции о правах человека (ЕКПЧ). Ст. 9 ЕКПЧ охраняет право на свободу мысли, совести и религии, и утверждает право человека открыто исповедовать свою веру через богослужение, обучение и соблюдение обрядов. Это право разделяется на две части. Первая из них носит абсолютный характер: никакое государство не должно пытаться воздействовать на образ мыслей человека или принуждать его/ее указать свое вероисповедание или изменить его. Вторая же часть, право исповедовать свою веру, может быть ограничена соображениями общественной пользы, например, общественного спокойствия, охраны общественного порядка, или для защиты прав и свобод других лиц. Поэтому любое решение ограничить это право ради более важных соображений общественного блага должно быть тщательно взвешено.

Со времени принятия Акта о правах человека в 1998 г., суды Великобритании обязаны учитывать ЕКПЧ в вопросах общего права. Прецеденты, противоречащие правам, предусмотренным Конвенцией, не имеют силы в отношении судебных решений. Кроме того, суд высшей инстанции (например, Апелляционный суд) может объявить закон несоответствующим Конвенции. Государство автоматически принимает меры по устранению такого расхождения. В соответствии с Актом о правах человека, все государственные органы обязаны соблюдать предусмотренные Конвенцией права.

На примере Комиссии по благотворительности как государственного органа, я покажу, каким образом защита прав человека должна и может стать одной из функций государственного органа. Я также расскажу о работе сектора благотворительности в Англии и Уэльсе. Обратите внимание на то, что существует очень четкое юридическое определение благотворительной организации, и не все неправительственные организации (НПО) считаются благотворительными, хотя в бытовом смысле слова они и занимаются благотворительной или общественно-полезной деятельностью. Впрочем, все, что я скажу, применимо в равной мере и к НПО.

Комиссия – государственный орган, отвечающий за контроль над благотворительной деятельностью в Англии и Уэльсе. В Шотландии и Северной Ирландии действуют другие органы. В настоящее время насчитывается примерно 185 тысяч зарегистрированных благотворительных организаций, с общим годовым доходом более 25 миллиардов фунтов стерлингов (около 38 миллиардов евро). Регистрация благотворительной организации дает ряд преимуществ. В их числе респектабельность, помогающая убедить людей делать взносы на благотворительность, а также различные налоговые льготы, благодаря которым организация может собрать больше средств на благотворительную деятельность.

Задача Комиссии – поддерживать хорошую репутацию благотворительного сектора в Англии и Уэльсе и охранять благотворительные фонды от неумелых или преступных действий. Комиссия ведет постоянно обновляемый реестр благотворительных организаций; они обязаны предоставлять Комиссии ежегодный баланс и отчет о своей работе. Деятельность благотворительных организаций должна соответствовать их заявленным целям. Если в бухгалтерском балансе обнаруживаются расхождения, или же создается впечатление, что благотворительная организация действует неразумно, Комиссия просит ее дать разъяснения и рекомендует ей, как ей следует действовать в дальнейшем. В случае серьезных оснований для беспокойства, Комиссия обязана расследовать ситуацию и, в случае необходимости, задействовать свои полномочия в соответствии с Актом о благотворительных организациях от 1993 г.

Благотворительные организации/НПО обладают привлекательностью для террористических группировок. Во-первых, привлекательна сама идея благотворительной организации, особенно религиозной. Такие организации воспринимаются как „делающие добро” и потому государство к ним относится без особой подозрительности. Благодаря такой своей репутации, благотворительные организации имеют прекрасную возможность собирать средства на террористическую деятельность, а их инфраструктура может обеспечить и прикрытие, и организационную поддержку террористических операций. Адресатами гуманитарной помощи нередко являются именно политически нестабильные регионы, в которых могут действовать подпольные группировки. С точки зрения террористических организаций, это удачное совпадение, дающее им возможность перечислять деньги из-за рубежа, не вызывая подозрений, тем более, что контроль над потоками благотворительных средств из страны в страну ведется непоследовательно. Следует иметь в виду, что в большинстве своем НПО занимаются законной деятельностью, но, тем не менее, хотелось бы, чтобы они были начеку в случае возможных злоупотреблений извне.

Комиссия в обязательном порядке расследует любые подозрения на связи благотворительной организации с террористами. Разумеется, это относится и к таким благотворительным организациям, в задачи которых входит преподавание и исповедание религии. Комиссия наделена существенными полномочиями, в том числе правом затребовать финансовые отчеты и документацию; замораживать банковские счета, при этом санкционируя необходимые выплаты во избежание ущерба получателям гуманитарной помощи; ограничивать действия попечителей; снимать попечителей и назначать новых; назначать временных получателей и управляющих. Комиссия со всей серьезностью относится

к обязанности следить за соблюдением Европейской конвенции о правах человека в ходе всей своей работы, и это отражено в механизме ее функционирования. Так, правила работы и политика Комиссии четко указаны на ее сайте в интернете (www.charity-commission.gov.uk) и в буклете Комиссии; в своих решениях и действиях Комиссия исходит из объективных данных и стремится к сбалансированности; существует четко прописанная внутренняя процедура апелляции. Наконец, решения Комиссии могут быть обжалованы в судебном порядке. При исполнении своих полномочий Комиссия принимает меры, дабы избежать причинения ущерба получателям благотворительной помощи. Например, разрешаются перечисления средств для покрытия самых необходимых расходов, таких, как плата за отопление и свет, дабы могли продолжаться богослужения.

На нашем сайте опубликованы примеры проведенных Комиссией расследований деятельности благотворительных организаций, в том числе:

- The Trusts of St Michael and St George (Тресты Св. Михаила и Св. Георгия). Эти взаимосвязанные тресты были созданы с целью поддержки римской католической веры. В ходе расследования у них были выявлены недопустимые связи с крайне правым движением „Международная третья позиция”. В Испанию перечислялись средства на цели, не соответствующие уставным задачам организаций. В ходе расследования счета благотворительных организаций были заморожены, с тем, чтобы предотвратить утечку средств. В конечном счете, тресты удалось убедить расторгнуть связи с „Международной третьей позицией”. Они продолжают действовать в качестве зарегистрированных благотворительных организаций.
- Iran Aid (Помощь Ирану). Эта зарегистрированная благотворительная организация перечисляла значительные суммы денег через Германию и Объединенные Арабские Эмираты якобы на помощь нуждающимся в Иране. В Комиссию поступили сведения, что получателем помощи якобы являлась иранская партизанская организация, а вовсе не дети предполагаемых жертв пыток, как то заявляла Iran Aid. Комиссия расследовала перечисление благотворительной помощи в Иран. По ходу расследования попечители не смогли документально подтвердить факт использования средств по назначению. Этого факта не подтвердили и другие действующие в Иране НПО. В результате Iran Aid была закрыта с помощью назначенного Комиссией управляющего, а оставшиеся на ее балансе средства были переданы другой благотворительной организации для оказания помощи нуждающимся в Иране.
- The International Development Foundation.(Международный фонд развития) В Монтебургском докладе Французской национальной ассамблеи было высказано подозрение, что Международный фонд развития связан с Усамой бен Ладеном. Представители Комиссии встретились с попечителем и администратором фонда, но не получили достаточных разъяснений, в связи с чем было начато расследование в соответствии с разделом 8 Акта о благотворительных организациях 1993 г. Комиссия затребовала банковский баланс, а затем и финансовую отчетность фонда и заморозила его банковский счет, так что без санкции Комиссии никакие перечисления не могли производиться. Однако, изучив все материалы, Комиссия пришла к заключению, что обвинения в адрес фонда были безосновательны. Расследование было прекращено. Комиссия дала администрации фонда советы по поводу устранения ряда недочетов в административной и бухгалтерской отчетности, обнаруженных в ходе расследования.

Перечисленные выше примеры показывают, что Комиссия по благотворительности уполномочена вести расследования и налагать санкции. В отсутствие внешнего контроля такие полномочия означали бы чрезмерную власть государственного органа, что несовместимо с демократией. Однако деятельность Комиссии также подчиняется закону. Из приведенных выше кратких описаний не

является та сложная система продуманных и взвешенных мер, основанных на Акте о правах человека, которая действует в ходе расследований и прочих мероприятий Комиссии. Из этой системы и из сегодняшних дискуссий можно вывести важнейшие принципы, из которых должны исходить любые государственные органы, с тем, чтобы их деятельность соответствовала требованиям Конвенции. А именно, любые их действия должны

- Преследовать законные цели.
- Быть предписаны законом.
- Быть необходимыми в демократическом обществе. Для этого необходимо задаться следующими вопросами:
 - Служат ли они решению острых социальных проблем (поддержанию доверия в обществе)?
 - Соразмерны ли они проблеме (не избыточны ли)?
 - Есть ли для них серьезные и достаточные основания?

Мнение всех сторон должно быть выслушано без предубеждения; орган, принимающий решения, должен быть подотчетным.

Вернемся к вопросу, поднятому в ходе первого заседания конференции – как защитить право человека открыто исповедовать свою веру? Во-первых, как граждане, мы должны помнить, что права подразумевают и обязанности. Мы не должны, думать, что права – нечто само собой разумеющееся, и не должны использовать их во зло. Равным образом, и государство обязано защищать граждан от тех, кто пользуется религией для подстрекательства и оправдания убийства, и должно использовать свою власть с оглядкой, так, чтобы не пострадали ни в чем не повинные верующие. В запутанных, опасных ситуациях может оказаться непросто поддерживать такое равновесие, но существуют нормы, предписанные Конвенцией и законом, и на них должны основывать свою политику и работу государственные органы. Если государственная власть будет ограничена Конвенцией о правах и подотчетна международному сообществу, то станут реальностью те основные свободы, которые кажутся многим из нас сами собой разумеющимися.

Автор выражает благодарность сотрудникам Комиссии по благотворительности Саймону Гиллести и Кеннет Дибл за помощь в подготовке устного доклада и настоящей статьи.

3. **Комментарий Председателя Профессора Рафика Алиева Председателя Государственного Комитета Республики Азербайджан по работе с религиозными образованиями**

РЕЛИГИЯ И ГОСУДАРСТВО – ПРИНЦИПЫ АВТОНОМНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ

Многие люди ошибаются, не делая различий между ролью религии и ролью убеждения в демократическом обществе. Они не вникают в смысл этих двух понятий, и, возможно, по причине такого подхода, такие понятия, как терроризм, экстремизм, религия и убеждение, а также взаимосвязь между ними остаются неясными не только для простых граждан, но и для лиц, занятых в этой области. Люди путают свободу убеждения со свободой вероисповедания, свободой религии.

Свобода убеждения признана одним из основных прав человека во многих международных пактах, конвенциях, решениях и резолюциях, и можно сказать, что она нашла свое отражение в конституциях всех государств мира.

Но мы должны принять во внимание и тот факт, что убеждения человека не ограничиваются религией, и что свобода убеждения сама, в принципе, регулируется законами и реализуется в рамках закона.

Если мы сделаем маленький экскурс в историю, то увидим, что убеждения людей, в том числе религиозные убеждения, часто вступали в противоречия с их поступками. Как в обществе, так и в семье, вопросы убеждения зачастую оказываются первичным фактором возникновения целого ряда сложностей и конфликтов.

Ужасные войны, трагические конфликты, неоднократные изменения карты мира, создание и падение империй, начиная с древних времен вплоть до наших дней, не всегда происходили только по причине стремления к власти. Убеждения, и зачастую религиозные убеждения, были составной частью этой борьбы. Исторические факты свидетельствуют, что во время войн, которые велись ради религии или под прикрытием религии, пролилось отнюдь не меньше крови, чем во время I и II Мировых войн.

Разрушение Иерусалима язычниками, падение Римской империи в конце IV – начале V веков в результате распространения Христианства, крестовые походы, мусульманские завоевания, средневековая инквизиция и другие события и факты, непосредственно связанные с религиозными убеждениями, лишней раз свидетельствуют о том, что убеждения, принявшие форму религии, далеко не всегда добивались успеха в обществе мирным путем и для обретения власти иногда прибегали к силе и оружию.

Речь идет не о божественной сути религии, а о различных подходах к пониманию этой сути и к практике религии в обществе.

Сразу после 11 сентября 2001 года появилось много людей, которые стали связывать террор и вообще терроризм с религией. Нашлись и такие люди, которые назвали Ислам религией террора. После этих трагических событий прошел целый год, но никто не хочет проявить смелость и внести ясность в вопрос о наличии связи между религией, религиозными убеждениями и террором. Одни с осторожностью указывают на связь религии с террором и экстремизмом, другие прилагают усилия для того, чтобы доказать отсутствие какой-либо связи между религиозными убеждениями, террором и экстремизмом и тем самым подстраховать религию и религиозные организации.

Однако религия и убеждения не являются абстрактными понятиями. Террористы, экстремисты и люди, жертвующие своей жизнью на пути религии, являются не абстрактными, а конкретными лицами, у каждого из которых есть религия, национальность и гражданство.

Если мы хотя бы поверхностно проанализируем события, произошедшие в XX веке или за последние 50 лет, то приобретем уверенность в том, что присутствие религиозного фактора в „идеологизации” современных войн и конфликтов является бесспорным.

События последних лет, в частности израильско-палестинское противостояние, трагические события в Ольстере, имеющие 30-летнюю историю, происходящее в Югославии, первая и вторая чеченские войны и, наконец, оккупация 20% территории Азербайджана, придают конкретный смысл всему сказанному. Эти войны и конфликты, сопровождающиеся многочисленными человеческими жертвами, подвержены влиянию религиозного фактора, а в некоторых из них религия и религиозные организации играют роль идеологического источника. И хотя армянская апостольская церковь на словах поддерживает попытки мирного урегулирования армяно-азербайджанского нагорно-карабахского конфликта, она до сих пор не признала то, что этот конфликт является результатом оккупационной политики Армении, а в 1988-1989 гг. она даже поддержала сепаратистские идеи карабахских армян.

Поэтому при обсуждении роли религии в демократическом обществе следует обратить внимание на миролюбивый характер небесных религий и священных писаний, рассмотреть деятельность людей, практикующих религию, через призму законов демократического и цивилизованного общества, и, принимая во внимание большой авторитет религиозных лидеров, определить их роль и ответственность в демократическом обществе.

Эта ответственность должна быть, как минимум, адекватной реакцией на привилегии, которые религиозные деятели получают в демократическом обществе, и гражданские права, которые обеспечиваются международным и местным законодательствами. При анализе процессов, протекающих сегодня в демократическом обществе, становится ясно, что для защиты и полного обеспечения прав и свобод человека, в том числе свободы вероисповедания, демократическое общество нуждается в сильной власти и эффективном управлении.

Эти два важных для общества фактора находятся в непосредственной связи с моралью и косвенно связаны с убеждениями людей.

1. Я уверен, что в борьбе с религиозным экстремизмом на передовых позициях должны находиться не танки, пушки и истребители, а истинно религиозные деятели и авторитетные религиозные лидеры, которые должны объявить „духовный джихад” во имя сохранения целостности демократического общества, гражданами которого они являются. В этой борьбе понятие „религия отделена от государства” должно перейти на задний план, и общество должно всеобщими усилиями избавиться от такой ужасной болезни, как террор. Параметры этой совместной деятельности должны быть предельно ясными и понятными. Религия, религиозные лидеры и религиозные организации должны способствовать укреплению государственной власти за счет своей деятельности в сфере духовности, поскольку сильная власть имеет широкие возможности решительно обеспечивать свободу убеждения и вероисповедания.

Такое тесное сотрудничество не должно приводить к увеличению или уменьшению прав, преимуществ и полномочий какой-либо из сторон. Оно должно быть признано особой формой совместной борьбы за всеобщий мир.

2. По моему убеждению, одной из основных составных частей борьбы с религиозным экстремизмом и терроризмом на религиозной почве является организация правильного религиозного просвещения. Общество не должно ощущать недостаток информации о религии. Однако религия не должна становиться приоритетной областью информирования населения. В то же время,

информация о религии должна поступать к людям не только от религиозных деятелей, но и из других источников. Даже государство должно предоставлять такую информацию. Это ослабит склонность к религиозному фанатизму и обеспечит объективность предлагаемой информации.

Преследование лиц, которые сильно привержены религии, в административном порядке и отношение к ним как к людям второго сорта провоцирует их на подпольную религиозную деятельность, которая воспитывает в людях, особенно в молодежи, дух „романтичных революционеров”, что может сыграть основополагающую роль в развитии террора и экстремизма.

3. Государство и религия являются двумя важными элементами, лежащими в основе общества. Первый подразумевает верховенство закона, а второй – суть закона – нравственность и духовность. Власть, мораль и нравственность – в действительности эти понятия дополняют друг друга в жизни общества. Другими словами, власть и законы, являющиеся результатом нравственных и духовных критериев, вместе играют первостепенную роль в обществе.

Закон должен защищать нравственность и духовность. История показывает, что власть, лишенная морали и нравственности, бывает недолговечной. Нравственность же традиционно питается за счет религиозных ценностей. Следовательно, государство и религия нуждаются друг в друге, необходимы друг для друга, но только в условиях **автономного сосуществования**. История не знает убедительных фактов или успешной практики, которая бы доказывала обратное. Здесь встает самый главный вопрос. Каким должно быть это автономное сосуществование для того, чтобы политика не была лишена нравственности и духовности, чтобы она могла создать условия для сохранения истинной значимости небесных религий, и чтобы социальный статус религии в обществе был определен так, чтобы она не мешала государству играть роль регулятора социальных отношений в обществе.

4. В обществе, построенном на демократической основе, государство должно создавать одинаковые условия для всех религий и убеждений. Государство не должно заниматься продвижением какой-либо религии. По-моему, одной из основных причин безуспешности длительного межрелигиозного диалога является именно представление религий привилегированными, традиционными, нетрадиционными и деструктивными и построение взаимоотношений с ними на этой основе. Если речь идет об убеждении, то нас должно интересовать, является оно здоровым или нездоровым, полезным для общества или вредным. Если вредное убеждение примет форму религии, то оно должно встретить серьезное сопротивление со стороны общества, и государство должно содействовать этому. Борьбу с вредной формой убеждения, которая распространяется под прикрытием религии, нельзя расценивать как посягательство на свободу вероисповедания. К сожалению, целый ряд международных организаций подходит к этому вопросу именно так. В обществе единственным всеобщим законом для граждан, исповедующих различные религии и идеологии, является конституция государства.

Для религии и религиозных деятелей духовность человека и религиозные воззрения, конечно же, являются приоритетной областью деятельности. Воспитывая высококонрастных и духовно чистых людей, религиозные деятели и лидеры могут, не вмешиваясь в политику, выполнять свою священную миссию и вместе с тем помогать государству. Препятствуя превращению ультра крайнего религиозного фанатизма в экстремизм, они могут приносить большую пользу обществу. По-моему, это можно признать самой оптимальной формой **автономного сосуществования** в отношениях между религией и государством в современном демократическом обществе, и эти отношения должны строиться на этой фундаментальной основе.

4. **Отчет о работе Первого рабочего заседания Доктора Т. Джереми Гунна, Старшего сотрудника по делам религий и правам человека, Университет Эмори, Члена Консультативного совета экспертов ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам свободы религии и убеждений**

РОЛЬ РЕЛИГИИ В СОВРЕМЕННОМ ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ – КАК ПРОТИВОСТОЯТЬ УГРОЗАМ БЕЗОПАСНОСТИ, НЕ НАРУШАЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Блестящие вступительные доклады специалистов положили основу для обсуждения проблемы. Права на свободу религии и убеждений, а равно и право на свободу объединений, гарантированы многими международными документами по правам человека, а также Конституциями и законами большинства стран. Государства-участники Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе приняли на себя обязательства в полном объеме соблюдать эти права. С другой стороны, и письменные обязательства, и политические реалии предполагают, что государства вправе вводить некоторые ограничения в случае серьезных угроз общественному порядку.

Д-р Октем сделал тщательный обзор международных документов и обязательств ОБСЕ, касающихся ограничений прав, и дал интерпретацию положений этих документов в свете проблем безопасности. Он подчеркнул, что было бы ошибкой связывать насилие с какой-либо определенной религией, и отметил, что среди адептов любых религий встречаются экстремисты, использующие религию для оправдания насилия. Д-р Норт рассказала о британском опыте борьбы с использованием благотворительных организаций как прикрытия террористической деятельности.

Выступления представителей государственных структур и НПО были сосредоточены на двух основных темах: так называемое „столкновение цивилизаций” и практические шаги, которые необходимо предпринять, дабы избежать чрезмерной реакции на реальные, но все же ограниченные угрозы.

Столкновение невежеств

В нескольких выступлениях прозвучало выражение „столкновение цивилизаций”, введенное в обиход политологом Сэмюэлом Хантингтоном. Однако, все выступавшие отказывались описывать нынешнюю ситуацию с помощью этого выражения. Особенно явный вызов этой концепции бросил представитель Совета Европы, выразивший сомнение в существовании „столкновения цивилизаций”. По его мнению, существует лишь „столкновение невежеств”. Противостоят друг другу не цивилизации, а враги цивилизации, пользующиеся символами, образами и языками различных цивилизаций, чтобы провоцировать столкновения между ними. Таким образом, врагами цивилизаций являются не другие цивилизации, а те люди, которые используют язык религии и культуры для оправдания насилия и террора.

Присутствующие поддержали убеждение, что дискриминации религиозных групп быть не должно. Представитель Русской Православной Церкви сделал очень важное выступление, отметив, в том числе, что, конечно же, все религии должны быть равными, и религиозные меньшинства не должны подвергаться дискриминации. Хотя высказывались различные мнения о том, как именно эти принципы должны воплощаться в национальном законодательстве, сами принципы не вызвали у собравшихся никаких сомнений.

Террористы пользуются „религией” для оправдания актов насилия, а государства под предлогом „безопасности” нарушают права человека

В ряде докладов отмечалось, что некоторые государства, в том числе государства-участники ОБСЕ, используют соображения „безопасности” как оправдание для преследований политической оппозиции, давления на правозащитников и отказа от выполнения конституционных принципов и обязательств в сфере прав человека. Таким образом, террористы творят зло именем „веры”, а государства под предлогом „безопасности” репрессируют собственных граждан. В нескольких выступлениях, посвященных этой серьезной проблеме, говорилось о том, как государство может обеспечивать национальную безопасность, не нарушая при этом прав человека, охраняемых законом.

Наиболее подробный доклад сделала участница из Канады, рассказавшая об опыте своей страны. В числе рекомендаций, предложенных ею и другими участниками, были следующие:

Во-первых, правительства должны четко оговаривать, какие законные меры они принимают для борьбы с терроризмом. Законы и распоряжения должны открыто публиковаться, чтобы общество знало, какими законами руководствуется в своих действиях государство, а государство действительно соблюдало эти законы.

Во-вторых, правительства должны с особым вниманием и осторожностью подходить к формулировкам законов, содержащих термины „террорист”, „экстремист”, „опасные секты” и пр., дабы не употреблять эти негативные термины слишком широко и не допустить, чтобы расплывчатые формулировки законов легли в основу преследования объединений, не представляющих реальной опасности для общества. Законы должны составляться таким образом, чтобы они касались только граждан и групп, представляющих опасность для общества, и не могли использоваться для преследования любых непопулярных или необычных объединений.

В-третьих, правительства должны подробно информировать общество о том, как именно применяются такие законы, в том числе сообщать о числе арестованных и заключенных под стражу, и о характере предъявленных им обвинений.

В-четвертых, правительства должны обнародовать информацию о принимаемых ими мерах безопасности таким образом, чтобы обеспечить политическую подотчетность. Например, правительства (или исполнительные органы) должны докладывать парламентам и законодательным органам о ходе борьбы с терроризмом и отвечать на вопросы о том, как именно применяются законы в этой области.

В-пятых, полицейские меры и законы подлежат обжалованию в независимом суде. Обвиняемые должны предстать перед справедливым судом: независимые судебные органы должны заниматься пересмотром законов. Хотя в разных странах для этого могут быть предусмотрены различные процедуры, главное, чтобы действия политических структур подлежали обжалованию в судебном порядке.

Представитель США отметил, что когда законы об охране безопасности применяются для давления на группы, не представляющие реальной опасности для общества, просто потому, что их религиозные убеждения или взгляды отличаются от общепринятых, то такое давление контрпродуктивно и ведет к подрыву политической стабильности.

В Заключительном акте Венского совещания четко сказано, из какого принципа должны исходить государства-участники ОБСЕ, принимая меры по обеспечению безопасности: любое ограничение свободы должно быть минимальным, с тем, чтобы обеспечивать охрану прав человека и долгосрочную политическую стабильность.

IV Второе рабочее заседание

РОЛЬ ДИАЛОГА МЕЖДУ РЕЛИГИЯМИ И КУЛЬТУРАМИ В ПРЕДОТВРАЩЕНИИ ТЕРРОРИЗМА, ЭКСТРЕМИЗМА И НЕТЕРПИМОСТИ И РАЗРЕШЕНИИ КОНФЛИКТОВ

1. Доклад Доктора Абдулджалила Саджида, Имама Брайтонской исламской миссии, Великобритания

РОЛЬ РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: В ПОИСКЕ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Для меня большая честь выступать сегодня перед Вами с докладом на столь важную и актуальную тему, как роль религии в борьбе с терроризмом. Я хотел бы начать с того, чтобы приветствовать Вас от имени мусульманской общины Великобритании и ее представительного органа – Совета мусульман Великобритании (СМВ), и передать Вам поздравления в связи с проведением этой конференции от имени Генерального секретаря СМВ Икбала Сакрание. В его послании к участникам конференции говорится:

„Я был очень обрадован, когда член Центрального рабочего комитета СМВ Д-р Абдулджалил Саджид сообщил мне, что получил приглашение от Министерства иностранных дел Великобритании принять участие в этой весьма актуальной конференции и выступить с докладом на тему „Роль религии и убеждений в демократическом обществе: в поиске методов борьбы с терроризмом и экстремизмом“.

Совет мусульман Великобритании (СМВ) – общенациональная организация; СМВ представляет интересы мусульман Великобритании, действуя на благо всего общества. В сотрудничестве с рядом государственных форумов, таких, как Inner Cities Religious Council и Форум по расовым взаимоотношениям, и с другими крупными религиозными общинами, СМВ стремится к всеобщему благополучию. Культурное разнообразие и религиозный плюрализм способствуют здоровой конкуренции между сообществами и народами, Бог же повелевает нам направить эту конкуренцию в русло борьбы за благо всего человечества. При условии межрелигиозного сотрудничества и солидарности, человеческие сообщества, соревнуясь между собой, стремятся понимать и поддерживать друг друга в стремлении к общечеловеческой этике и общему видению мира.

Совет мусульман Великобритании осуждает все виды насилия и террора, ибо бессмысленным и незаконным убийствам нет оправдания. Терроризм – это зло, это разрушительная сила, приносящая боль и страдания беззащитным людям. Те, кто спланировал и осуществил эти злодеяния – каких бы религиозных, идеологических или политических убеждений они не придерживались – стоят за рамками человеческих ценностей. Ислам велит нам быть справедливыми и никому не чинить зла.

Дабы искоренить терроризм, мы должны устранить причины, его порождающие. Для того, чтобы борьба с терроризмом увенчалась успехом, мы должны выступать против него единым фронтом. Важной составляющей нашей стратегии должно стать построение мостов между нациями и народами. Увы, вместо этого мир толкают к новому насилию и еще большему разделению. Нам нужно правосудие, а не месть, разум, а не лозунги. Мы не должны позволять террористам использовать

в своих целях социальные, экономические и политические проблемы, по-прежнему раздирающие мир.

Реальное, долгосрочное решение, которое позволит преодолеть зло терроризма, состоит в том, чтобы дать людям законное право распоряжаться ресурсами и делами в своем мире. Совет мусульман еще раз подтверждает свою приверженность делу мира и сосуществования в борьбе за всеобщее благо. От имени Совета мусульман Великобритании желаю всяческих успехов Вашей конференции и буду ожидать подробного отчета о ней от Имама Абдуджалила Саджида”.

Позвольте мне сразу же пояснить отличие понятий „ислам” и „мусульмане”. Большинство людей считают, что „ислам” и „мусульмане” – синонимы, взаимозаменяемые термины, и часто говорят „ислам”, тогда как правильно было бы сказать „мусульмане”, и наоборот. На мой взгляд, термин „ислам” должен использоваться только для обозначения „Образа жизни”, предписанного Божественными источниками: Кораном – священным писанием и Сунной – священным преданием о деяниях Пророка. „Мусульмане” же – люди, свободные выполнять или нарушать предписания Божественного провидения по выбору собственной совести. Ислам никогда не претендовал на новизну. Это та самая вера, которую ниспослал на землю Бог, послав на нее первого человека. Ислам признает почти всех библейских и еврейских Пророков, как Пророков ислама, а их послания – как послания ислама, если тому есть подтверждение в священной книге ислама, Коране. Моральные и этические нормы ислама аналогичны предписаниям иудаизма, христианства и многих других больших мировых религий. Отличия касаются лишь теологической основы, основных понятий и обрядов служения единому и единственному Богу, а также методологии, на основе которой мораль и этика должны царить во всех сферах человеческой жизни.

ИСЛАМ: дин, дунья и давла

В основе общей теории ислама лежит применение шариата (исламского права) в повседневной жизни. Согласно учению ислама, Творец создал не только законы природы, но и законы, которым должен следовать человек во всех сферах жизни. В отличие от природы, которая развивается по пред-посланным ей законам, человечество свободно восставать и следовать собственным, человеческим законам, что, впрочем, рассматривается как неверие (**ширк**). Неподчинение воле Аллаха есть не только проявление неблагодарности (**куфр**) за милость Бога, но и путь к злу и несчастьям в этом мире и каре в будущей жизни. Согласно учению ислама, природа во всех ее проявлениях возникла по воле Божьей, и потому конечная цель творения – послушание всех тварей воле Творца.

Исламский образ жизни можно подытожить в трех словах 1) **Дин** (религия), 2) **Дунья** (мир), 3) **Даула** (государство). Все эти три аспекта охвачены шариатом. С точки зрения ислама, жизнь едина, ее нельзя разделить на взаимонепроницаемые части. Шариат содержит предписания для всех сторон жизни в ее единстве. Шариат – полная картина жизни, всеохватный общественный строй, где нет ничего лишнего и ничто не пропущено. Поэтому государство не отделяется от церкви. Согласно учению ислама, секулярность нарушает трансцендентность моральных ценностей. Говоря словами Корана, „не будьте, как те, которые забыли Аллаха, и Аллах заставил их забыть самих себя” (59:19)⁷⁴. Они распадаются и как личности, и как общности людей.

Мусульмане обязаны соблюдать религиозные предписания и устанавливать исламское государство для того, чтобы человек стал праведным. Долг каждого мусульманина – вместе с другими людьми бороться за общее благо. Долг исламского государства – устанавливать справедливый общественный строй,

⁷⁴ Здесь и далее – цитаты из Корана в переводе И.Ю. Крачковского (Москва, „Наука”, 1990 г.) – прим. пер.

основанный на гармонии, уважении, свободе и достоинстве, в котором есть место всем людям во всем их различии. Разнообразие в исламском обществе не просто допускается, но приветствуется. Свой долг мусульмане могут исполнить сообща, создав исламское государство, имеющее полномочия приказывать (**амр**) и налагать запреты (**наха**). Таким образом, исламское государство – непреложное условие исламского образа жизни в подлинном смысле слова „ислам”.

Религия: строим мосты или стены?

Религия – общественная сила. С ее помощью можно наводить мосты; манипулируя ею, можно с ее помощью возводить стены. То, как именно религия функционирует в обществе, зависит от ряда факторов, в том числе от того, в какой политической, экономической и культурной среде существует данная религия. Религию надо рассматривать как образ жизни, основанный на вере в Бога и находящий выражение в этическом поведении в личной и общественной жизни. Главное в нем – справедливость, любовь и милосердие, высшие ценности любой религии, а не внешняя форма, обряды и символы. Поскольку эти ценности универсальны, религию, их предписывающую, надо проповедовать и исповедовать в подлинно универсальном духе. Именно это станет ответом верующих нового века на вызовы глобализации. Они должны отринуть представления об узости и исключительности религии, о том, что добро и добродетель – удел избранных. При таком подходе справедливость и милосердие, как правило, распространяются только на единоверцев. Мы должны навеки преодолеть замкнутость религии.

В каком-то смысле, некоторые аспекты глобализации могут помочь нам в том, чтобы донести до мира универсальность, всеохватность веры и ее основных ценностей. Благодаря всемирному охвату современных СМИ, впервые в истории мы можем донести до всего человечества универсальную природу каждой из религий. Вместо того, чтобы отдавать электронные средства массовой информации на откуп зашоренным шовинистам, почему бы мужчинам и женщинам, стоящим на универсальных позициях, не распространять свои взгляды через глобальные информационные сети? Сегодня мы станем свидетелями еще более важного процесса – повсеместно человеческое общество становится все менее замкнутым, все более поликонфессиональным.

Похоже, что сама общественная реальность заставляет нас отказаться от претензий на исключительность и придать нашей религии универсальный характер, позволяющий ей охватывать и „своих”, и „чужих”. В самом деле, создается ощущение, что каждое общество постепенно, зачастую с трудом, осознает, что такое „человечество как одна семья”. Быть может, именно этот путь приведет народы к созданию единого сообщества на основе единой человечности. Глобализация никогда не сможет сформировать такое сообщество. Когда единое сообщество людей разной веры и национальности, объединенных единой человечностью, станет реальностью, мы поймем, какой смысл вкладывал в свои слова великий мистик Джалал ад-Дин ар-Руми, говоря „Светильники разные, а свет один и тот же”. Одним словом, религия вдохновляет верующих на добрые дела, благотворительность, на действия во благо всего человечества.

Взаимодействие религии и политики

Несмотря на то, что для глубокого понимания того, как взаимодействуют сферы политики и религии, необходимо систематически и подробно рассмотреть сущность каждой из этих сфер, я ограничусь здесь тем, что очерчу их границы и области их пересечения.

Религия касается тех сторон жизни, которые определяют смысл существования в целом. В частности, она обращается к трем великим экзистенциальным вопросам – происхождение жизни, ее смысл и предназначение. Хотя эти вопросы могут ставиться и в философском разрезе, разница в том, что ответы, которые предлагает религия, отличаются от философских ответов глубиной убеждения. То есть

религиозный взгляд на происхождение, смысл и предназначение жизни строится не только на логической аргументации, но и на эмоциях, а, возможно, и на духовном опыте.

Это различие определяет преимущество религии перед философией, состоящее в том, что убеждения, основанные на вере – более прочная основа для действия. Из истории мы знаем, что глубоко верующие люди готовы противостоять трудностям и приносить жертвы во имя своих религиозных убеждений в гораздо большей мере, чем те, чья приверженность тем или иным идеалам строится на одних только разумных соображениях. Но, парадоксальным образом, слабость религии в том же, в чем и ее сила. Ибо переубедить человека, придерживающегося ошибочных взглядов, гораздо легче, если в их основе лежат теоретические выкладки, а не религиозные убеждения. Кроме того, если определенные религиозные убеждения разделяются всем обществом, то это приводит к гармонии общественной жизни, в то время как в поликонфессиональных обществах с большей вероятностью возникают межличностные и межобщинные конфликты.

Демократические корни ислама

В мусульманском мире соотношение религии и политики не сформулировано четко и однозначно, и остается предметом экспериментов и споров. Исторически мусульманский политический строй устанавливался в обществе, отвергавшем идею придания главе государства и политическому руководству статуса религиозных лидеров. Передача политической власти изначально строилась на основе выбора (**ихтияр**), но позднее, со времен Омайядской династии, на смену выборным механизмам пришла клановая система. Поэтому мусульманские ученые пришли к выводу о необходимости ограничить полномочия государственной власти вопросами обороны и поддержания внутреннего порядка, а судебной властью наделить органы правосудия, свободные от диктата государства. Мусульманский мир остро нуждается в модернизации политических процессов и институтов. Демократия, конституционный строй и верховенство закона в большинстве мусульманских обществ – не более чем декорации. Корни этой проблемы легче осознать, имея в виду, что привнесенные извне современные политические структуры накладываются на глубинную традиционную политическую культуру страны.

Крайне актуальна потребность в новом понимании места религии и нравственности в общественной сфере, понимании, основанном на категориях мусульманского мира, а не привнесенном в общество извне, с исторического Запада. С другой стороны, западный мир, в котором продолжается размывание нравственных и трансцендентных основ общественной жизни, может многому научиться, открыв для себя абсолютно иной режим взаимодействия между религией и общественной жизнью, принятый в исламском мире.

Для того, чтобы сделать будущее человечества лучше, Ислам совершенно необходим, ибо его исповедует одна пятая населения Земли. Невозможно ни установить, ни поддерживать в мире демократический строй, игнорируя при этом устремления и этические представления пятой части населения. Но есть и еще одна, более глубинная причина, по которой ислам – ключевой партнер в достижении демократии и мира на планете. А именно, ислам ставит превыше всего как раз те ключевые ценности, на основе которых может быть построено демократическое плюралистическое общество: равенство, свободу, справедливость, межрасовую и межрелигиозную солидарность и сотрудничество. О том, насколько важными в исламе являются такие ценности, как равенство, свобода, справедливость и плюрализм, свидетельствует священная книга ислама, Коран, деяния Пророка и его сподвижников, исторический опыт мусульманского общества и этические принципы, на которых строятся современные реформаторские движения в исламе.

В поиске общих основ

В связи с этой темой нас занимает один вопрос: можно ли найти общую основу, на которой мусульмане и немусульмане смогут спокойно сосуществовать в демократическом плюралистическом обществе? Я настаиваю на том, что это возможно.

Коран велит мусульманам находить почву для сосуществования с другими религиозными общинами. Такой почвой является уважение к свободе и независимости разных религиозных общин. Ни одна из них не должна присваивать право навязывать свой образ жизни другим. Кроме того, в Коране ясно сказано, что силе не место в религиозных делах. Коран призывает мусульман устанавливать политический строй, основанный на мирном сотрудничестве и взаимном уважении, и предостерегает их от того, чтобы ставить религиозную солидарность над установленными правами и принципами справедливости.

Конфликты на религиозной почве, в особенности между исламом и христианством, в прошлом чаще всего происходили вследствие злоупотреблений, стремления разжигать религиозные страсти для достижения политических целей. Действительно, представления о Боге, о взаимоотношениях человеческого и божественного в этих двух религиях в какой-то мере различаются, но ведь теологические различия существуют далеко не только между разными религиями. Внутри каждой из этих религий больше различий в доктринах и течениях, чем между ними. С другой стороны, у мусульман и христиан одни и те же основные ценности – уважение к жизни и достоинству человека, преданность добру и всеобщему благу.

Мусульманин, совершивший тяжкое преступление, убивший немусульманина ради корысти или иной причины, заслуживает справедливого наказания, а немусульманин, спасший жизнь человеку, заслуживает похвалы и восхищения. Точно так же считают и христиане, и иудеи. Дурные поступки надо порицать, добрые дела – одобрять, независимо от того, кто их совершает. Тем самым, общественная значимость человека определяется его поступками, а не вероисповеданием. Установление глобального мира в поликультурном, поликонфессиональном пространстве – в конечном счете вопрос того, удастся ли в общественном развитии и укладе перенести акцент с доктрин на ценности. Поскольку полная секулярность приводит к размыванию морали и подъему нигилизма, религиозные убеждения играют в общественной жизни все более важную роль.

Сейчас мусульманские ученые высказывают, проповедают и преподают на шариатских факультетах исламских учебных заведений такие взгляды, за которые еще сто лет их бы заклеили как еретиков. Ведущие ученые Университета Азхар, в том числе Мухаммад абу Захра, Махмуд Шалтут, Мухаммад аль-Газали и Юсуф аль-Кардави, говорят о равенстве между мужчиной и женщиной, между мусульманами и немусульманами.

Борьба с терроризмом

Терроризм – зло, с которым нужно бороться. Ни самый великий гнев и недовольство не могут быть оправданием кровавых терактов против гражданского населения, свидетелями которых все мы стали 11 сентября 2001 г. Количество жертв среди мирного населения, невиданная жестокость этих террористических актов и то, насколько тщательно и методично они были подготовлены, вызвало волну возмущения во всем мире. Террористов осудили в равной мере и враги, и друзья. Гибель тысяч беззащитных людей, использование террористами гражданских самолетов с гражданскими пассажирами на борту, уничтожение двух из самых замечательных зданий на планете – все это сделало эти теракты особенно ужасными и апокалиптическими.

Но терроризм нельзя победить, мистифицируя его или игнорируя его причины. Первый шаг к разработке эффективной стратегии борьбы с терроризмом – изучить условия, вызывающие гнев, фрустрацию и отчаяние, становящиеся питательной средой терроризма. Сосредотачивая внимание на отдельных людях и организациях, прибегающих к террору, игнорируя при этом социально-политические факторы, вызывающие такие акты отчаяния, мы в конечном укрепляем позиции террористов. Используя против нечетко определенных групп разрушительную силу, можно только усугубить те самые условия, которые породили ненависть, отчаяние и гнев.

Движущей силой терроризма становятся действия политических режимов, которые одним дают преимущества, а другим отказывают в самых элементарных правах, бессовестных правительств, которые душат критику и политическую оппозицию с помощью служб госбезопасности и силовых методов. Для эффективной борьбы с терроризмом мы должны повсеместно осушить болота ненависти и несправедливости, на которых произрастает радикализм.

Терроризм и ислам

Ни одна международная организация не дала общепринятого определения терроризма. Сейчас под терроризмом понимают противозаконное применение силы или насилие в отношении людей или имущества, совершаемое с целью запугивания или принуждения гражданского населения и подрыва государственной власти. Исключением являются действия государств или коалиций государств. Определение терроризма с точки зрения ислама, быть может, шире общепринятого.

Исламские ученые (имамы и улемы) Совета мусульман Великобритании (СМВ) на собрании 29 сентября 2001 г. предложили квалифицировать как терроризм следующее действия:

„Произвольное и бессудное убийство и кровопролитие, изгнание населения из домов и с земель, истребление посевов и скота, распространение на земле **фасад** и **фитна** (разрушения, хаоса, беспорядка и коррупции, в том числе политической, экономической, социальной и моральной) – примеры преступных деяний и дурного поведения, осуждаемого исламом: „те, которые ...разделяют то, что Аллах повелел соединять, и творят нечестие на земле. Это – те, которые окажутся в убытке”. (2: 25). (См. полный текст на сайте www.mcb.org.uk)

Ислам и терроризм – противоположные понятия. Ислам осуждает и отвергает все виды террора, бессудные убийства, несправедливость, коррупцию, тиранию и подавление. Использование выражения „исламские террористы” совершенно безосновательно. Как мусульмане, мы отвечаем за то, что другие мусульмане делают во имя ислама. Я стыжусь того, что другие мусульмане нарушают законы ислама. Я прошу прощения у всех тех, кто пострадал от бессмысленных действий так называемых мусульман. Я молю Аллаха о прощении за совершенные ошибки и прошу прощения у других людей. Но все же мы должны обратиться к причинам этого явления.

Терроризм носит систематический, преднамеренный и продуманный характер. Он охватывает самые разные стороны жизни во всем мире и проявляется в разнообразных формах и видах. Бывает, что ответственность за действия горстки мусульман, совершающих разрушительные теракты, возлагается на ислам как религию. Слово „ислам” означает „мир”; ислам не может вдохновлять верующих на убийства и разрушения. Парадокс нашего времени в том, что на свет исламского знания, когда-то положивший конец темным временам на Западе, теперь возлагают ответственность за наступление эпохи террора. Ислам – это мир, а не террор.

Попытки возложить на ислам вину за терроризм не просто безосновательны и ошибочны, но и несомненно коварны и злонамеренны. Как и многие религии, ислам проповедует добрые дела,

милосердие и сострадание. Исторически для ислама была характерна толерантность по отношению к другим религиям, даже во времена средневековья, когда шовинизм и нетерпимость были повсеместной практикой. Но, как и другие религии, ислам признает за народами право противостоять агрессии, хотя в нем и отдается предпочтение прощению. Идея воздаяния – око за око – содержится не только в исламе, но и в христианстве и иудаизме. Более того, как и в других религиях, в священных текстах ислама есть слова о прощении и мире наряду с разрешением применять силу, чтобы дать отпор агрессии и установить справедливый мир.

Во Второзаконии, второй книге Торы, Моисей пересказывает народу Израиля, собирающемуся ступить на Землю обетованную, яростное послание Бога: „Упою стрелы Мои кровью, и меч Мой насытится плотью, кровью убитых и пленных, головами начальников врага” Точно так же и в Новом завете есть слова, призывающие силой отстаивать права народа и наказывать творящих несправедливость. В Евангелии от Матфея Иисус говорит: „Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч”.

Отрывочное, вырванное из контекста прочтение религиозных текстов, в сочетании с желанием отомстить за реальную или кажущуюся несправедливость, может подталкивать заблудших людей и радикальные группы к тому, чтобы творить зверства во имя веры и справедливости. Мусульманские ученые и лидеры должны высказываться против использования ислама и исламских учений для обоснования действий, в основе которых лежат политические амбиции или фрустрацию. Точно так же, долг средств массовой информации – взвешенно освещать мусульманское общество и веру, а не поддаваться истерии шовинизма и стереотипов. СМИ все чаще выделяют все особенное, из ряда вон выходящее, и оттого рисуют искаженную картину жизни на Ближнем Востоке. Вместо того, чтобы показать, что радикальные исламские группировки лежат за гранью основной части общества, СМИ отражают положение с точностью до наоборот и представляют дело так, как будто радикализм и экстремизм на Ближнем Востоке – это норма. Горстка палестинской молодежи, отмечающей трагедию в Америке как праздник, достойна попасть на страницы новостей, а демонстрация, на которой тысячи арабов выражают сочувствие пострадавшим – нет.

Религиозный экстремизм

Ислам – религия умеренности. В священном Коране мусульмане определяются как „община посредствующей”, примером для других людей (2:143). Коран призывает мусульман „не излишествовать в религии” (4:171, 5:77, 22:78). Святой Пророк предостерегал мусульман: „Остерегайтесь экстремизма в своей вере, ибо до вас люди погибали за собственный экстремизм”, „В мнениях по вопросам веры не будьте слишком строги к себе”, „Выбирайте легкий путь в вопросах веры. Конечно, вера – это легко” (Собрание изречений Пророка. Сост. Ахмед, Низаи, Аль-Хаким и ибн Маджа). По моему скромному мнению, ислам проповедует гражданское общество, основанное на верховенстве закона. Всякий, создающий в обществе хаос (**фитна, фасад**) путем террора, может считаться **харби** (ведущим войну с обществом) и должен предстать перед правосудием в соответствии с законом. Ислам и терроризм – противоположные понятия. Ислам осуждает и отвергает все виды террора, бессудные убийства, несправедливость, коррупцию, тиранию и подавление. Использование выражения „исламские террористы” совершенно безосновательно. Говоря словами Пророка, „Именем Бога, тот не истинно верующий, чьих злых дел остерегаются его соседи” (Хадисы. Сост. Бухари и Муслим).

Святость жизни

Одной из отличительных черт современного мира стало широкое распространение насилия в обществе. Безадресное, бессмысленное насилие считается одной из первейших угроз миру и безопасности во всем мире. Я должен ясно указать на то, что ислам, как и другие религии, охраняет святость

человеческой жизни. Как гласит Коран, „кто убил душу ... тот как будто бы убил людей всех” (5:32, 6:151, 17:33). Первейшее и важнейшее право, данное человеку Богом – право жить в мире и безопасности. Однако ислам разрешает государству, верша правосудие, лишить преступника жизни, и это помогает поддерживать в обществе мир и безопасность. Только справедливый компетентный суд может решать, что человек, пренебрегавший правом других людей на жизнь и спокойствие, утратил право на собственную жизнь. Обвиняемый должен в полной мере пользоваться правом на судебную защиту. Ислам строжайше запрещает внесудебные казни.

Самоубийство

Самоубийство запрещается в исламе (4:29), так как это преступление против Божественного дара жизни. Согласно исламскому праву, совершающий или пытающийся совершить самоубийство совершает великий грех и будет предан адскому огню. Даже больным, мучимым тяжелой болью, запрещается желать собственной смерти. Пророк сказал: „...не убивайте самих себя”. Священное писание не призывает юных добровольцев обвязываться взрывчаткой и взрывать себя в людных местах в Израиле. Это ясно. Террористы-самоубийцы ведут войну совершенно новым методом, не предписанным никакой религией. Многие мусульманские духовные лица и ученые критиковали теологические выкладки, на которых основаны действия террористов-самоубийц, а сами эти действия являются предметом споров в исламском мире. Только за последний год на эту тему высказался верховный духовный лидер Саудовской Аравии Великий муфтий Шейх Абдул Азиз бин Абдулла аль-Шейх, сказавший, что он опасается, что такой способ применения взрывчатки – это форма самоубийства, и потому он подлежит осуждению. Влиятельный Шейх Аль-Азхар Мохаммед Саджид Тантави сказал, что те, кто производят взрывы среди гражданского населения, не воюют по настоящему и потому не могут считаться мучениками. Эти голоса часто остаются не услышанными, поскольку мусульманское сообщество объединено представлением о моральной правоте палестинского движения. Позвольте мне напомнить, что об этом говорится в исламе:

„Не причиняйте вреда никому, чтобы никто не причинил вам вреда. Помните, что вы предстанете перед Богом и он будет судить ваши дела”. Из последней проповеди Пророка Мухаммеда (да пребудет мир с ним).

„Угон самолетов, террор против ни в чем неповинных людей и кровопролитие – несправедливость, с которой не может мириться ислам. С точки зрения ислама это тяжкие преступления и греховные деяния”. Шейх Абдул Азиз аль-Шейх, Великий муфтий Саудовской Аравии, Председатель Совета Улемов, 15 сентября 2001 г.

„Согласно исламскому праву, эти террористические акты представляют собой преступление хираба (развязывание войны с обществом)”. Фетва от 27 сентября 2001 г. Фетву подписал ряд ученых, в том числе: Шейх Юсуф аль-Кардави, великий исламский ученый, Председатель Совета Сунны и Сиры, Катар Судья Тарик аль-Бишри, первый заместитель Президента Совета проповедников, Египет Д-р Мухаммад с. аль-Ава, профессор исламского права и шариата, Египет Д-р Хайсам аль-Хайат, исламский ученый, Сирия Шейх Фахми Хувейди, исламский ученый, Сирия Шейх Таха Джабир аль-Альвани, Председатель Высшего совета Северной Америки

„Ни исламское право, ни исламская этика не оправдывают такого преступления”. Д-р Заки Бадави, ректор лондонского Мусульманского колледжа. Цит. по „Arab News”, 28 сентября 2001 г.

„Невинных людей убивать нельзя. Нельзя и восхвалять тех, кто убивает невинных людей”.
Муфтий Низамуддин Шамзай, Пакистан. Цит. по „Нью-Йорк Таймс”, 28 сентября 2001 г.

(Эти высказывания высокопоставленных мусульманских ученых были опубликованы в объявлении Фонда Бекета за свободу религии, в „Нью-Йорк Таймс” от 17 октября 2001 г. Они были перепечатаны в изданной СМВ книге об 11 сентября, „В поисках разума”).

Корни экстремизма и фанатизма

Среди мусульман есть такие, кто объявляет себя верующим, но пытается навязывать свои взгляды другим силой или насилием. Они забывают о том, что один из основополагающих принципов исламского учения – уважение к свободе совести и вероисповедания. В исламе считается, что свобода веры – основное право, данное Богом всем людям. Экстремизм и фанатизм чужды исламу. Впрочем, некоторые суры Корана иногда интерпретируются в том смысле, что мусульманин может навязывать свои убеждения другим. Например, Коран велит мусульманину руководствоваться в своей жизни священным писанием. Если мусульманин действует не в соответствии с Кораном, он не только совершает зло, нарушает заветы, но и становится неверным (5:44-47). Некоторыми этот стих трактуется как разрешение не подчиниться правителю, полностью отошедшему от исламского права, и силой сместить его. Они считают также, что поскольку в исламе не проводится разграничения между общинами верующих и исламским государством, – поскольку государство есть лишь политическое средство достижения всеобщего блага – то важно, чтобы в исламских обществах устанавливалось исламское право. Преследуя политические цели, они всеми возможными средствами проповедуют свои взгляды.

По моему мнению, фанатизм, терроризм и экстремизм – симптомы, а не причина проблемы. Для того, чтобы успешно бороться с этими явлениями и в долгосрочной перспективе полностью их искоренить, мы должны поставить перед собой цель устранить вызывающие их социально-политические факторы. Мы должны продолжить борьбу с расовыми предрассудками и культурным расизмом, антисемитизмом, исламофобией, ксенофобией и шовинизмом, со всеми их проявлениями – на словах и не деле – во всех аспектах общественной жизни. Параллельно с борьбой против терроризма мы должны не менее активно бороться за свободу, человеческое достоинство, справедливое правосудие и гуманитарные ценности. В числе факторов, способствующих возникновению терроризма, можно назвать следующие:

- 1) Ненависть, обиды и предрассудки
- 2) Страх и беспомощность
- 3) Оккупация и доминирование
- 4) Несправедливость и страдания
- 5) Коррупция и корысть
- 6) Подавление и контроль
- 7) Диктатура и тоталитаризм
- 8) Долги, нищета и голод
- 9) Фрустрация и незащитность
- 10) Предубеждение против открытого общества, и более всего
- 11) Дискриминация и исламофобия

В последнее время возник новый вид терроризма, состоящий в поджогах, бомбардировках и саботаже во имя защиты окружающей среды, природы и животного царства. Мы должны бороться с расовыми

предрасудками и культурным расизмом, антисемитизмом, исламофобией, ксенофобией и шовинизмом на словах и не деле. Я очень рад, что премьер-министр Великобритании и Президент США сразу же заявили, что ислам и мусульманское сообщество невиновны в этой трагедии. Эти чудовищные действия совершили фанатики. Не может идти речи о крестовом походе или конфликте между исламом и Западом. Как заявил Тони Блер, „Обвинять в этом ислам столь же глупо, как считать, что причиной нападений лоялистов на католиков и националистов на протестантов в Северной Ирландии является христианство”.

Разнообразие надо признавать, ценить и приветствовать

Согласно учению ислама, все люди равны, поскольку все мы творения Божьи, независимо от цвета кожи и расы, от того, из какой мы страны, племени, клана и так далее. В конечном счете, фанатизм рождается из ложных предрасудков, из попыток разбить человечество на взаимонепроницаемые части. Никто не может изменить свой цвет кожи или место рождения. Если люди заражены предрасудками, то человечество не сможет слиться в единое целое, и толерантность невозможна.

В исламе человечество воспринимается как единое целое, и неважно, из какого ты племени и расы, какой у тебя цвет кожи, где ты родился, на каком языке говоришь. Ты – человек, и принадлежишь к одной расе – человеческой, к одной семье – человечеству. Ты – член человеческого братства. Разнообразие среди людей надо признавать, ценить и приветствовать во всех его проявлениях. О большинстве всегда судят по тому, как оно относится к меньшинству.

Цель не оправдывает средства

Еще один важный – и уникальный – момент состоит в том, что в исламе четко сказано, что цель не оправдывает средства. Один из источников фанатизма и нетерпимости – ложное представление о том, что цель оправдывает средства. Это бы означало, что можно дурными средствами достичь доброй цели. В исламе же провозглашен совсем иной принцип – „Не равны доброе и злое. Отклоняй же тем, что лучше” (41:34).

В борьбе лжи с ложью побеждает ложь. Если бороться с пороком порочными средствами, побеждает порок. Попытка изменить зло с помощью зла обещает победу зла. В исламе же говорится, что зло нужно заменить добром. Только тогда будет земля полниться добром, справедливостью, миром и братством. Ислам отрицает самые корни фанатизма. Если вдуматься в исламское учение, становится ясно, что фанатизму в нем места нет, а идеализм – его сущность. В Коране говорится, что Бог создал мусульман для того, чтобы призвать людей к добру. Если зло (**munkar**) можно уничтожать, то правду и добродетель (**ma' ruf**) нельзя утвердить силой.

Несложно понять, что ислам проводит четкое разграничение между идеализмом и фанатизмом. Ислам делает все, чтоб воспитать в нас подлинный идеализм, благородный и добродетельный, и защитить нас от тлетворного влияния фанатизма. Как говорил Пророк (да пребудет мир с ним), ислам – религия срединного пути.

В Коране мусульманская нация именуется „**Уммат аль-Вуста**”, народ, выбирающий срединный путь, служащий примером. Это люди, сохраняющие во всех делах своих равновесие. Быть идеалистом, избегать крайностей фанатизма – это и есть срединный путь, и встать на этот путь ислам и призывает человечество. Он велит мусульманам бороться с экстремизмом и фанатизмом во всем мире посредством образования, дипломатии, диалога и твердости.

Мы имеем дело с очень серьезной проблемой, в корне которой – ненависть, страх и предубеждения. Те, на чьей совести убийство тысяч людей в Америке в ходе очевидно тщательно спланированной

и профессионально выполненной операции, должны предстать перед правосудием. И все же мы должны помнить, что с глубоко укоренившейся ненавистью можно бороться только на основе достоинства, образованности, понимания, диалога и дипломатии. Если мы не вырвем корни этой ненависти, всегда найдутся неразумные, способные совершать чудовищные преступления против человечества. Так пусть же все разумные люди выступят за мир и справедливость и объединятся в борьбе против терроризма, искореняя несправедливость и эксплуатацию в своих регионах мира. Я считаю, что всерьез заняться искоренением причин этого злодеяния столь же важно, как и найти его исполнителей. Я думаю, что если в мире не будут возрождаться моральные ценности и воспитываться умение прощать и понимать друг друга, то нам, возможно, угрожает еще большая опасность. Мы должны молиться о том, чтобы преодолеть ненависть и насилие в самих себе. Давайте посвятим себя делу мира, уважения человеческого достоинства и искоренения несправедливости, порождающей ярость и месть. Это потребует совместного труда всех честных людей мира, различной веры и национальности, из разных слоев общества. В Приложении к настоящему докладу приводятся примеры успешной работы по „построению мостов”, которую ведет ряд международных межрелигиозных организаций, три религиозных форума и межрелигиозная сеть.

Глобальная этика и межконфессиональный диалог

Мне приходят в голову слова профессора Ханса Кунга: „Нет мира между народами без мира между религиями, и нет мира между религиями без диалога между религиями”. Со своей стороны, я добавляю: „Нет мира без справедливости и нет справедливости без прощения и сострадания”. Диалог и согласие необходимо сознательно налаживать и поддерживать, дабы создавать узы любви, заботы и доверия. Непременным условием этого должно быть образование и готовность учиться друг у друга. В наших словах и делах должны быть правда и сострадание. Мы должны поступать с другими так, как мы хотим, чтобы поступали с нами. Со всяким человеком должно обращаться справедливо, человечно и достойно, и ему не должна угрожать дискриминация.

Я восхищаюсь тем вкладом, который за долгие годы сделал принц эль Хасан бен Талал в дело взаимопонимания между религиями и урегулирования конфликтов путем диалога Его небольшую книгу „Традиция, новация и перемены” должен прочитать каждый мусульманин. Я не только разделяю его убеждения, но и считаю, что в идущих сейчас дискуссиях о мире во всем мире именно он представляет подлинную исламскую ученость. Чтобы построить на планете мир, мы должны охранять святость жизни, защищать свободу и справедливость, преодолеть бедность, искоренить все формы дискриминации, сберечь окружающую среду для себя и для будущих поколений. Идеалы мира подразумевают основополагающие, глобальные принципы, такие, как:

- Не убивайте, т.е. уважайте жизнь;
- Не крадите, т.е. поступайте честно и справедливо;
- Не лгите, т.е. будьте правдивы в словах и делах;
- Не совершайте аморальных поступков в сексуальной сфере, т.е. уважайте и любите друг друга.

Я утверждаю, что ислам – религия умеренности, основа единства всех людей и благословение для человечества, ибо мусульмане стремятся создавать такие сообщества, где

- Все творения Божьи – люди, животные и природа – ценятся и уважаются;
- Люди стремятся служить другим, а не искать выгоды для себя;
- Никто не нуждается и не излишествует;
- Уважается право других не соглашаться с нами;
- Ко всем относятся с пониманием и любезностью.

Мы утверждаем, что в исламе вера в Бога и в Божественное – это краеугольный камень, на котором зиждутся представления о смысле и цели жизни, о единстве и достоинстве человечества. Человеческое достоинство, таким образом, есть отражение Божественного в каждом из нас, объединяющее нас в одну семью. Наш принцип – „мыслить глобально, действовать локально”. Мир не изменится к лучшему, если каждый человек в отдельности не будет жить по совести.

Мы должны пообещать себе, что будем стремиться к знанию, мыслить конструктивно и понимать друг друга. Мы должны пообещать себе, что будем смело отстаивать миротворческое учение и толкование ислама, что каждый из нас станет образцом миротворчества в личной, семейной и общественной жизни, чтобы в мире воцарился образ жизни, основанный на общественном благе, миротворчестве, построении мостов и охране природы.

Помните. Помните. Помните. Зло не в теле. Зло в помыслах, и потому никому не чините вреда, но лишь изменяйте помыслы людей.

Боже, ты сказал, и слово твое истинно. Любовь сильнее ненависти. О Всемогущий Боже, Ты – мир, и от Тебя исходит мир. Да снизойдет на нас Твой мир, да будет нам суждено завершить свой путь в Твоей вечной юдоли мира. Да будет уважение к земле, мир людям ее, любовь в наших жизнях, радость от добра, прощение за прошлые злые дела. Пусть жизнь наша с сегодняшнего дня пойдет по-новому.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Построение добрых отношений с людьми разных религий и убеждений

Сейчас в Великобритании живут рядом люди разных религий и убеждений. Мы имеем возможность все вместе строить общество, основанное на ценностях, которыми мы дорожим. Но построить такое общество можно только на прочной основе взаимного уважения, открытости и доверия. Это означает стараться честно прожить свою жизнь в вере и давать другим возможность сделать то же. Наши разные религиозные традиции дают нам для этого большие ресурсы и учат нас важности добрых отношений, построенных на честности, милосердии и щедрости духа. Для того, чтобы помочь таким отношениям сложиться и окрепнуть, „Межрелигиозная сеть” предлагает ввести нижеследующие правила поведения.

Как члены рода человеческого, мы должны относиться друг к другу уважительно и вежливо. Для этого в отношениях с людьми другой веры и убеждений мы должны проявлять доброжелательность, а также:

- Уважать данную законом свободу каждого выражать свои верования и убеждения
- Стараться понять, во что именно верят другие и в чем состоят их ценности, и давать им возможность по-своему выражать свои убеждения
- Уважать убеждения других людей, касающиеся пищи, одежды и этикета, и вести себя так, чтобы не причинять им напрасных обид
- Признать, что все мы далеки от идеалов, существующих в наших традициях, и никогда не сравнивать собственные идеалы с реальными поступками других людей
- Стараться, чтобы разногласия не приводили к конфликтам
- Стремиться избегать насилия в отношениях с людьми

Обсуждая друг с другом вопросы веры, мы должны быть чувствительными, говорить искренне и прямо. Это означает:

- Признавать, что в настоящей беседе надо не только говорить, но и слушать
- Честно говорить о своих убеждениях и религиозных пристрастиях
- Не трактовать превратно и не осуждать чужие убеждения и обычаи
- Столкнувшись с превратным пониманием или толкованием убеждений, противостоять этому, даже если речь идет не о наших собственных, а о чужих убеждениях
- Прямо говорить о своих намерениях
- Иметь в виду, что в ходе официальных межрелигиозных встреч особенно важно, чтобы уважались религиозные убеждения всех присутствующих.

Мы все хотим, чтобы другие люди понимали и уважали наши взгляды. Кроме того, некоторые люди пытаются убеждать других перейти в их веру. В поликонфессиональном обществе, где это позволено, такие попытки обязательно должны быть сдержанными и не должны посягать на свободу и достоинство людей. Это означает:

- Уважать желание другого, чтобы его оставили в покое
- Стараться не навязывать свое общество и свои взгляды отдельным людям и сообществам, пользуясь их уязвимостью в каком-либо отношении
- Быть чувствительными и вежливыми
- Избегать грубых, резких действий или выражений, угроз, манипуляции, принуждения и злоупотреблений любого рода властью или силой
- Уважать право других не соглашаться с нами жить и работать вместе не всегда легко. с верой связаны сильные чувства, и они могут принимать разрушительные формы. если это происходит, мы должны черпать в вере силы для примирения и взаимопонимания. истинные плоды веры приносят исцеление и добро. мы многому можем научиться друг у друга, при этом обогащаясь без ущерба своей идентичности. слушая друг друга и отвечая друг другу открыто и уважительно, мы можем вместе научиться жить так, чтобы осознавать подлинные различия между нами и при этом исходить из наших общих надежд и общих ценностей.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Совместное заявление 14 международных межрелигиозных организаций

Четырнадцать международных межрелигиозных организаций выступили с заявлением по следам трагедии 11 сентября. На сайте этих организаций в интернете можно получить сведения о работе этих организаций и их инициативах по установлению диалога между религиями, способствующего миру и справедливости во всем мире.

Реагируя на недавние трагические события в США и продолжающиеся в разных уголках мира конфликты, имеющие религиозную составляющую, международные межрелигиозные организации готовы предоставить свои ресурсы и свой опыт ведения межрелигиозного диалога для урегулирования сложившегося кризиса и развития мирных инициатив. У нас есть непосредственный опыт налаживания мирного и конструктивного диалога между представителями религиозного большинства и маргинальными группами, между умеренными и воинственными течениями среди верующих. Работая с религиозными сообществами во всем мире, мы убедились в том, что межрелигиозный диалог может залечить раны, нанесенные несправедливостью, изоляцией и неравенством.

Международные межрелигиозные организации и созданные ими сети во всех уголках мира предлагают мирные альтернативы войнам и конфликтам. Наши координаты (*в алфавитном порядке*)

- **Совет за создание парламента мировых религий
(Council for a Parliament of the World's Religions)**
E: info@cpwr.org
W: www.cpwr.org
- **Международная ассоциация за религиозную свободу
(International Association for Religious Freedom)**
E: hq@iarf.net
W: www.iarf-religiousfreedom.net
- **Международный межрелигиозный центр
(International Interfaith Centre)**
(Coordinating organisation)
E: iic@interfaith-center.org
W: www.interfaith-center.org
- **Межрелигиозная молодежная организация
(Interfaith Youth Core)**
E: jpinzino@ifyc.org
W: www.ifyc.org
- **Саммит тысячелетия религиозных и духовных лидеров за мир во всем мире
(Millennium World Peace Summit of Religious and Spiritual Leaders)**
E: info@milleniumpeacesummit.org
W: www.milleniumpeacesummit.org
- **Европейские меньшинства
(Minorities of Europe)**
E: deepak@gnaik.freemove.co.uk
W: www.moe-online.com
- **Совет мира
(Peace Council)**
E: icpc@peacecouncil.org
W: www.peacecouncil.org
- **Храм понимания
(Temple of Understanding)**
E: templeunderstanding@prodigy.net
W: www.templeofunderstanding.org
- **Духовный форум ООН за мирные инициативы во всем мире
(United Nations Spiritual Forum for World Peace Initiative)**
E: ggonzale@netline.cl
- **Движение объединенных религий
(United Religions Initiative)**
E: office@uri.org
W: www.uri.org
- **Всемирная конференция по религии и миру
(World Conference on Religion and Peace)**
E: info@wcrp.org;
W: www.religionsforpeace.org
- **Мировой конгресс религий
(World Congress of Faiths)**
E: worldconfaiths@aol.com
W: www.worldfaiths.org

- **Диалог о развитии мировых религий (World Faiths Development Dialogue)**
E: wfdd@btinternet.com
W: www.wfdd.org.uk
- **Всемирное товарищество межрелигиозных советов (World Fellowship of Inter-Religious Councils)**
E: upasana_dr@satyam.net.in

Мы занимаемся следующими видами деятельности:

- Работа с религиозными лидерами и активистами в конфликтных ситуациях в любых частях мира, включая Балканы и Африку.
- Разработка добровольных „кодексов поведения” для религиозных и духовных сообществ.
- Подготовка саммита для верующих и духовных женщин в ООН (Женева).
- Создание для маргинализованной молодежи во всей Европе возможности высказывать свои взгляды.
- Международные усилия по разрешению таких проблем, как расизм, коммунизм, трансформация конфликтов, разоружение, безопасность, нужды сирот, чьи родители умерли от СПИДа, религиозная свобода.
- Участие местного населения в диалоге – на местной основе, но в глобальном контексте.
- Разработка мирных конструктивных решений в сложных ситуациях
- Обучение молодежи межрелигиозной и социальной работе на общинном уровне.
- Разработка Глобальной сети для разрешения глобальных кризисов.
- Созыв парламента мировых религий.
- Установление активного диалога по вопросам бедности и развития между сообществами верующих и агентствами развития различных стран.
- Проведение международных встреч в целях взаимопонимания между религиями и сотрудничества ради мира.
- Внедрение ряда информационных и образовательных программ, способствующих расширению знаний в духовной, религиозной, культурной, интеллектуальной и социальной сфере

В перечисленных ниже организациях Вы можете получить полезную информацию о межрелигиозных программах и материалах.

- **Поликонфессиональный ресурсный центр „Коннексус” (Conexus Multifaith Media Center)** занимается распространением пособий и материалов по межконфессиональному взаимопониманию и сотрудничеству. Особо полезную информацию можно найти в следующих изданиях на английском языке: *Sourcebook of the World's Religions: An Interfaith Guide to Religion and Spirituality* (путеводитель по мировым религиям); *All in Good Faith: A Resource Book for Multifaith Prayer* (материалы для поликонфессиональной молитвы); *The 2002 Multifaith Calendar* (поликонфессиональный календарь); *the Golden Rules Poster* (versions from 13 religions) („золотые правила” 13 разных религий), и *Multifaith Information Manual* – справочник по религиям, предназначенный для использования в больницах, профессиональных училищах, тюрьмах и пр. Подробная информация по данным и прочим изданиям и заказы по тел. 1-877-784-7779 (бесплатно в США) или на сайте www.conexuspress.com
- **Совет по американо-исламским отношениям (Council on American-Islamic Relations (CAIR))** – влиятельная организация по отстаиванию интересов, расположенная в Вашингтоне. Занимается защитой прав мусульман и распространением достоверной информации об исламе. Кроме того,

Совет регулярно выпускает бюллетени о положении семимиллионного мусульманского населения Северной Америки. См. www.cair-net.org

- **Институт гуманитарных ресурсов** (Humanitarian Resource Institute (HRI)). На сайте института сосредоточены новости, ссылки, информация о том, где можно получить экстренную помощь и защиту. Сайт предназначен в первую очередь для религиозных и гражданских организаций. См: www.humanitarian.net. См. также материалы по теракту 11 сентября в недавно открытой институтом Сети межконфессиональных новостей по адресу www.humanitarian.net/interfaith/tradecenter.
- **Храм взаимопонимания** (Temple of Understanding) проводит образовательные программы, конференции и оказывает услуги в межконфессиональной сфере в Нью-Йорке, через органы ООН и на международном уровне посредством распространения видеофильмов, личных контактов, экспериментальных программ, конференций и поликонфессиональных богослужений и молитв. См. сайт www.templeofunderstanding.org
- **Всемирная конференция по религии и миру** (World Conference on Religion and Peace) – крупнейшая межрелигиозная организация в мире, имеющая филиалы во многих странах. Работает на международном уровне с религиозными организациями, НПО и органами ООН. Занимается широкой миротворческой деятельностью, координирует межконфессиональные проекты в таких областях, как урегулирование конфликтов, разоружение и свобода убеждений. См. Сайт www.wcrp.org
- **Межрелигиозная сеть Северной Америки** (North American Interfaith Network (NAIN)) включает в себя примерно 60 межрелигиозных организаций Канады, Мексики и США. На сайте МССА имеется реестр межрелигиозных организаций, список религиозных сайтов, интернет-бюллетень, Межрелигиозный дайджест, чат, молодежные страницы и другая справочная информация. Ежегодная конференция МССА состоится в Вичита, штат Канзас, США, в августе 2003 г. См. сайт www.nain.org
- **Инициатива объединенных религий** (United Religions Initiative) – международная межрелигиозная организация, имеет более 130 сетей сотрудничества, множество филиалов и сотрудников. Созданная ИОР Сеть экстренной помощи в Сан-Франциско объединяет более ста религиозных лидеров в районе залива Золотые ворота, готовых немедленно отреагировать на достоверные случаи насилия на почве дискриминации религиозных, этнических, расовых и гендерных меньшинств в Северной Калифорнии См. сайт www.uri.org
- **Всемирный межрелигиозный конгресс** (World Interfaith Congress). На сайте этой межрелигиозной сетевой организации имеются бесплатные реестры, содержательные материалы, дискуссии и сетевые услуги. Пользователи услуг сайта – более 800 религиозных, экуменических и межрелигиозных организаций, а также большое количество индивидуальных пользователей. Организации, желающие принять участие в работе конгресса, могут сообщить данные о себе, принять участие в дискуссиях, получить доступ к документам религиозных и межрелигиозных организаций, описаниям проектов, контактной информации об организациях различного профиля и пр. См. сайт

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Первый на Ближнем Востоке межрелигиозный саммит лидеров трех монотеистических религий

Настоящий саммит, первый на Ближнем Востоке, состоялся по инициативе заместителя министра иностранных дел Израиля Раввина Михаэля Мельхиора (Малькиора) в сотрудничестве с главой англиканской Церкви Архиепископом Кентерберийским Джорджем Кэри.

премьер-министр Израиля Ариэль Шарон, Председатель ПА Ясир Арафат, Президент Египта Хосни Мубарак и премьер-министр Великобритании Тони Блер приветствовали проведение этого знаменательного мероприятия. Из числа региональных лидеров на саммите присутствовали: Глава сефардской общины Раввин Бакши-Дорон, Раввин Мельхиор, Раввин Дэвид Розен, Раввин Фроман, Раввин Бродман, Шейх Мохаммед Саджид Тантави (Великий шейх Аль-Азхара), Шейх Тайсир Тамими (Верховный судья шариатских судов в Палестине), Шейх Таль Эль Сидер (гос. министр и один из религиозных лидеров Палестины) и Главы церквей региона во главе с Латинским Патриархом Иерусалима Мишелем (Майклом) Саббахом.

Ниже приведен текст Первой Александрийской декларации от 21 января 2002 г.:

Во имя Бога всемогущего, всемилостивого и милосердного, мы, собравшиеся здесь религиозные лидеры мусульманских, христианских и еврейских общин, молимся за истинный мир в Иерусалиме и на Святой земле, и объявляем о своем стремлении положить конец насилию и кровопролитию, лишаящим людей права на жизнь и достоинство.

В соответствии с нашими религиозными традициями, убийство невинных во имя Бога есть хула на Его Святое Имя и оскорбление религий всего мира. Насилие на Святой земле – зло, которому должны противостоять все люди истинной веры. Мы стремимся жить как добрые соседи, уважая целостность исторического и религиозного наследия друг друга. Мы призываем всех противостоять розни, ненависти и взаимонепониманию.

1. Святая земля – святыня для всех трех религий. Поэтому последователи всех трех божественных религий должны уважать ее святость и никому не позволять осквернять ее кровопролитием. Необходимо охранять святость и целостность святых мест и обеспечить свободу богослужения для всех.
2. Палестинцы и израильтяне должны уважать волю Творца, милостью Которого они призваны жить бок о бок на Святой земле.
3. Мы призываем политических лидеров обоих народов добиваться справедливого, безопасного и надежного урегулирования в духе заветов Всевышнего и Пророков.
4. В качестве первого шага мы призываем объявить прекращение огня на религиозной почве, который будет уважаться и соблюдаться всеми сторонами, а также воплотить в жизнь рекомендации, предложенные Митчелом и Тенетом, в том числе снятие ограничений и возврат к переговорам.
5. Мы стремимся способствовать созданию атмосферы, в которой нынешние и будущие поколения могли бы мирно сосуществовать в духе взаимного уважения и доверия. Мы призываем всех воздерживаться от разжигания розни и демонизации, и соответствующим образом воспитывать новое поколение.
6. Мы, как религиозные лидеры, обязуемся продолжить совместную борьбу за справедливый мир, за примирение всех враждующих в Иерусалиме и на Святой земле на общее благо наших народов.
7. Мы объявляем о создании постоянного совместного комитета, который будет отвечать за осуществление рекомендаций настоящей декларации и вести работу с политическим руководством соответствующих стран.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Полный текст послания Генерального секретаря СМВ Икбала Сакрание к участникам международной конференции ОБСЕ, проходящей в Азербайджане, в „Гюлистан-Паласе” г. Баку, 10-11 октября 2002 г.

„Я был очень обрадован, когда член Центрального рабочего комитета СМВ д-р Абдулджалил Саджид сообщил мне, что получил приглашение от Министерства иностранных дел Великобритании принять участие в этой весьма актуальной конференции и выступить с докладом на тему „Роль религии и убеждений в демократическом обществе: в поиске методов борьбы с терроризмом и экстремизмом”.

Совет мусульман Великобритании (СМВ) – общенациональная организация; СМВ представляет интересы мусульман Великобритании, действуя на благо всего общества. В сотрудничестве с рядом государственных форумов, таких, как Inner Cities Religious Council и Форум по расовым взаимоотношениям, и с другими крупными религиозными общинами, СМВ стремится к всеобщему благополучию. Культурное разнообразие и религиозный плюрализм способствуют здоровой конкуренции между сообществами и народами, Бог же повелевает нам направить эту конкуренцию в русло борьбы за благо всего человечества. При условии межрелигиозного сотрудничества и солидарности, человеческие сообщества, соревнуясь между собой, стремятся понимать и поддерживать друг друга в стремлении к общечеловеческой этике и общему видению мира.

Совет мусульман Великобритании осуждает все виды насилия и террора, ибо бессмысленным и незаконным убийствам нет оправдания. Терроризм – это зло, это разрушительная сила, приносящая боль и страдания беззащитным людям. Те, кто спланировал и осуществил эти злодеяния – каких бы религиозных, идеологических или политических убеждений они не придерживались – стоят за рамками человеческих ценностей. Ислам велит нам быть справедливыми и никому не чинить зла.

Дабы искоренить терроризм, мы должны устранить причины, его порождающие. Для того, чтобы борьба с терроризмом увенчалась успехом, мы должны выступать против него единым фронтом. Важной составляющей нашей стратегии должно стать построение мостов между нациями и народами. Увы, вместо этого мир толкают к новому насилию и еще большему разделению. Нам нужно правосудие, а не месть, разум, а не лозунги. Мы не должны позволять террористам использовать в своих целях социальные, экономические и политические проблемы, по-прежнему раздирающие мир.

Реальное, долгосрочное решение, которое позволит преодолеть зло терроризма, состоит в том, чтобы дать людям законное право распоряжаться ресурсами и делами в своем мире. Совет мусульман еще раз подтверждает свою приверженность делу мира и сосуществования в борьбе за всеобщее благо. От имени Совета мусульман Великобритании желаю всяческих успехов Вашей конференции и буду ожидать подробного отчета о ней от Имама Абдулджалила Саджида”.

Икбал Сакрание
Генеральный секретарь
Совет мусульман Великобритании

2. Доклад Протоиерея Всеволода Чаплина, Заместителя Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата

РЕЛИГИОЗНЫЙ ВАКУУМ ПРИМАНИВАЕТ ЭКСТРЕМИСТОВ

Проблема злоупотребления религией со стороны экстремистских сил всерьез волнует многих в Европе и мире. Это совершенно неудивительно, если мы вспомним, как радикалы пытались – подчас небезуспешно – использовать чувства верующих для разжигания балканского и армяно-азербайджанского конфликтов, для эскалации целого ряда драматических ситуаций на Северном Кавказе. Что же делать, дабы противостоять экстремизму, прикрываемому религией?

Конечно, в этом противостоянии важны усилия правоохранительных органов, решительное осуждение терроризма и экстремизма со стороны религиозных лидеров, их активный диалог, многое другое. Однако мне хотелось бы выделить один весьма важный аспект проблемы. Самым действенным и устойчивым способом противодействия псевдорелигиозному экстремизму является поддержка традиционных религиозных общин, доказавших свою благонамеренность, приверженность миру и диалогу. Такая поддержка часто уже наличествует в обществах. К ней должно прислушиваться и государство, делая соответствующие правовые и политические выводы.

Впрочем, к сожалению, подобная поддержка нередко блокируется во имя идеологии жесткого разделения религии и государства, утрированного понимания светскости. Например, в России Церковь отделена от государства. Прежде всего это означает, что она не может брать на себя функций государственного управления, не имеет властных полномочий. Именно так принцип светскости государства понимается в большинстве стран мира. Не склонно расширять его трактовку и международное право. Данный принцип отнюдь не означает, что религия должна быть совершенно удалена из школы, армии, милиции, дипломатии, бюджетных СМИ, социальной системы и вообще всех государственных институтов.

Да, религиозные объединения по российской Конституции равны перед законом. Каждое из них может совершать богослужения и обряды, распространять свое учение. Ни к одному такому объединению не должны проявлять пристрастность в суде или в правоохранительных органах. Но точно так же равны перед законом профсоюзы, творческие ассоциации, благотворительные фонды, негосударственные театры, музеи и телеканалы. Почему одни из них государство поддерживает больше, другие меньше, а третьи вообще не поощряет? Наверное, потому, что они неодинаково воспринимаются гражданами, имеют разный вес в жизни страны, приносят обществу неравнозначную пользу, да и просто отличаются друг от друга по социальным масштабам.

Равенство базовых прав религиозных объединений, одинаковость их юридической ответственности не отменяет права народа – главного субъекта власти – выбирать, кого поддерживать, а кого нет. Такое право должно быть признано положительной ценностью на уровне международного права и мировой политики. Ведь устойчивая реализация обществом этого права лишает псевдорелигиозных экстремистов почвы под ногами. Обратим внимание: в странах Западной Европы, где многие поколения людей получили религиозное воспитание, экстремизм не так популярен. На постсоветском же пространстве, где долгие годы пытались, да и сейчас иногда пытаются „держать религию в ограде храмов”, радикалы и аферисты „от религии” привлекли миллионы людей и развернули обширную деятельность, которая лишь недавно пошла на убыль.

Перейдем к теме образования – среднего и высшего. Современная российская Конституция не случайно отказалась от советского принципа „отделения школы от Церкви”. Присутствие уроков религии в системе среднего образования не принесет никакой опасности, если будет осуществляться на строго добровольной основе, при ясно выраженном желании учащихся и их родителей. Это, между прочим, даст твердые гарантии того, что „нетрадиционные религии”, равно как и любые другие, не будут навязаны школьникам помимо их воли.

В высшей школе теология и секулярное религиоведение способны прекрасно сосуществовать, причем в рамках одного и того же вуза верующий студент должен получить возможность выбрать первое, а неверующий – второе. Сегодня же в России и многих других странах СНГ сформировалась монополия скептического, агностического взгляда на религию в системе образования. Уместно вспомнить: международное право предоставляет родителям возможность требовать, чтобы их дети воспитывались согласно убеждениям, разделяемым в семье. Наверное, и студенты могут ожидать большего уважения государства к их мировоззрению.

Сейчас российские государственные власти рассматривают возможность подготовки исламских священнослужителей в светских вузах за государственный счет. Такие планы совершенно естественны, поскольку еще недавно мусульманское духовенство воспитывалось почти исключительно за рубежом, иногда в сомнительных центрах, известных своим радикализмом. Точно так же, полагаю, должна быть оказана государственная поддержка христианскому религиозному образованию.

Религиозный вакуум, отсутствие у людей просвещенной веры и знаний о духовной сфере отнюдь не способствуют преодолению экстремизма. Мало того, подобный вакуум опасен, ибо – как показывает опыт – с легкостью заполняется радикальными учениями. Речь идет не только об отдельных толках ислама, но и о парахристианском радикализме, а также о тоталитарных псевдорелигиозных организациях. Отказ от искусственной консервации такого вакуума должен быть осознан как важное средство противостояния экстремизму. Об этом следует помнить как национальным властям, так и международным организациям.

3. Комментарий Председателя господина Анара Рзаева, Председателя Комитета по вопросам культуры Парламента Азербайджана

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ НЕОБХОДИМ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Сегодня мы принимаем участие в очень интересном и важном событии. Международная Конференция на тему „Роль религии и убеждений в демократическом обществе: поиск путей противостояния терроризму и экстремизму”, организованная Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека при поддержке Правительства Республики Азербайджан, затрагивает тему, которая имеет большое значение для современного демократического общества. Принимая во внимание проблемы, которые будут обсуждены, я думаю, что эта конференция встает в один ряд с другими конференциями ОБСЕ, в частности, с конференциями в Бухаресте (3-4 декабря 2001 г.) и в Мадриде (23-25 ноября 2001 г.), и встречами, которые были проведены после трагедии 11 сентября в США.

Сегодня мы стали свидетелями конфликтов, возникающих по причине религиозных, национальных и расовых различий; мы наблюдаем за кровавыми войнами, террористическими актами и проявлениями экстремизма. Местные конфликты, которые не были подавлены в свое время, превращаются в конфликты между целыми странами, а затем провоцируют подобные конфликты в других странах. Нерешенные в свое время социальные, политические и экономические проблемы – еще одна причина для актов экстремизма и терроризма. Результат этих конфликтов – пролитие крови невинных граждан, ведь именно они больше всего страдают от этих конфликтов, и поэтому в обществе начинает царить страх.

Следует отметить, терроризму и экстремизму надо противостоять, поскольку они чужды тому уровню прогресса, который сегодня достигнут почти во всех сферах человеческой деятельности. Но я думаю, что эту проблему нужно решать культурным образом.

Контакты между различными культурами и их взаимное влияние составляют элементы общего развития. Однако новшества не всегда понимаются адекватно. Мы следим за этими процессами, но не видим, мы слушаем, но не слышим, и поэтому мы не можем оказать серьезное сопротивление негативным процессам, и это тормозит процесс мирового возрождения.

Ситуацию, с которой мы сталкиваемся сегодня, можно объяснить следующим образом: с одной стороны, можно предположить, что конфронтация в современном обществе возникла между различными культурами, или точнее, между традиционной исламской культурой и современной западной культурой. Конечно же, это – неверно. Вышеупомянутые культуры знают свои достоинства и недостатки и постоянно стремятся получить выгоду друг от друга. Следовательно, конфронтации возникают на социальной, политической и экономической почве, и межкультурный диалог способен решить эту проблему.

Однако межкультурный диалог можно вести, если для этого есть основание, то есть мы должны осознавать необходимость в таком диалоге и заполнении этого культурного „пробела”. Я думаю, время для этого уже наступило.

Независимо от того, как эпоха технологического прогресса влияет на нашу жизнь, независимо от того, как единое информационное пространство расширяется, проблема терроризма и экстремизма должна решаться не только на социально-экономическом, но и на культурном уровне. А для этого необходим межкультурный диалог.

Изо дня в день мы чувствуем потребность в продолжении этого диалога. Представители различных культур способны примирить стороны, вовлеченные в конфронтацию, пробуя найти у них общие идеи и мысли. Прежде всего, они должны правильно информировать людей о разных культурах, проповедовать принцип терпимости и мирного сосуществования, заботиться о соблюдении прав человека, несмотря на религиозную и национальную принадлежность. Они должны бороться против несправедливости, вызванной нарушением свободы религии и совести. Все эти усилия должны составить неотъемлемую часть межкультурного диалога.

Азербайджанские писатели считают важным установить природу терроризма и экстремизма, и мы думаем, что в сфере религиозного просветительства нужно сделать еще очень многое, чтобы определить социальные и психологические причины религиозной нетерпимости. Мы надеемся, что литературные труды азербайджанских писателей, посвященные этой теме, очень скоро будут изданы.

Я хотел бы еще раз пожелать успеха всем участникам конференции и выразить мою уверенность в том, что ваши предложения и рекомендации по проблеме нетерпимости в современном демократическом обществе принесут большую пользу в противостоянии терроризму и экстремизму.

4. Отчет о работе Второго рабочего заседания Доктора Йоланты Амбросевич-Якобс, Центр Европейских исследований, Ягилонский университет г. Кракова, Член Консультативного совета экспертов ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам свободы религии и убеждений

РОЛЬ МЕЖРЕЛИГИОЗНОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ, ЭКСТРЕМИЗМОМ И НЕТЕРПИМОСТЬЮ И В УРЕГУЛИРОВАНИИ КОНФЛИКТОВ

Общий Обзор

Со времен подписания Хельсинкской декларации в 1975 г. вопросы свободы религии находятся в сфере деятельности ОБСЕ. Неотъемлемое право человека на убеждения и право религиозных сообществ иметь статус юридического лица получило дальнейшее подтверждение в ходе многочисленных совещаний, во многих документах и хартиях. В Итоговом документе Венской встречи государства приняли на себя обязательство „принимать эффективные меры по предотвращению и ликвидации дискриминации лиц или объединений на почве религии или убеждений в отношении признания, осуществления и пользования правами человека и основными свободами во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни и по обеспечению действительного равенства между верующими и неверующими”. Кроме того, государства-участники ОБСЕ обязались способствовать созданию обстановки толерантности и взаимного уважения между представителями различных религиозных общин, а также между верующими и неверующими.

Трудные вопросы

Второе заседание было посвящено конкретным стратегиям предотвращения эскалации межэтнического, межкультурного и межрелигиозного насилия. В ходе заседания был поднят ряд трудных вопросов, в ответ на которые был дан ряд рекомендаций.

Один непростой вопрос состоял в том, есть ли в самих религиях ключ к решению проблемы. Содействие межрелигиозному диалогу – одна из органичных функций религии. Религия как таковая не является источником насилия. Наоборот, религиозный принцип состоит в том, чтобы делать добро другим, дабы и они не делали нам зла. Тем не менее, как подчеркнул Имам д-р Абдулджалил Саджид во вступительном докладе, из религиозных убеждений может рождаться как гармония, так и конфликт. Конечно же, убеждениями можно злоупотреблять, используя их как средство для достижения собственных целей.

Следующий вопрос касался роли межрелигиозного диалога в сохранении мира на земле. Религиозные лидеры обладают потенциалом для сглаживания, урегулирования и улаживания противоречий, пусть и на сугубо локальном уровне. Влияние религиозных лидеров нередко возрастает на фоне конфликтных ситуаций, поскольку в периоды эскалации напряженности на этнической, экономической или иной почве, могущей перерасти в конфликт, население обращается именно к авторитету религиозных лидеров. К сожалению, история полна примеров, когда этот потенциал не использовался.

Прежде, чем перейти к упоминавшимся в докладах положительным примерам и важным рекомендациям, я бы хотела обратиться к тем ключевым идеям, которые были высказаны в ходе заседания. В первую очередь, принципиально важна концепция „инклюзивного” общества, то есть общества, открыто принимающего те идеи и убеждения, которые подвергаются отторжению. Была также высказана идея о том, что без религиозного плюрализма невозможен плюрализм в принципе. Далее был сформулирован универсальный принцип, состоящий в том, чтобы „мыслить глобально,

действовать локально”. Наконец, на заседании был выработан ряд конкретных рекомендаций. Я начну с перечисления положительных примеров, приведенных участниками заседания:

Положительные примеры

Можно привести следующие положительные примеры сотрудничества и диалога:

- Встречи между религиозными лидерами – это уже делается, но явно недостаточно
- Межрелигиозный научный диалог
- Межконфессиональное сотрудничество: совместная работа и молитва, выступления представителей одних религий в храмах других религий, так, как это делается в Брайтоне

Рекомендации

Исходя из представления, что в обществах существует культурное и религиозное разнообразие, были предложены следующие рекомендации:

- Способствовать открытой общественной дискуссии, в ходе которой станут явными случаи скрытой напряженности, зачастую не имеющие внешних проявлений и/или подавляемые правовыми системами.
- Признать тот факт, что религиозные общины могут быть источником новых, стимулирующих общество идей и насущных реформ, и вовсе необязательно угрожают общественному порядку.
- Определить причины экстремизма/терроризма, и на их основании разрабатывать стратегии борьбы с этими явлениями. В числе таких причин, которые необходимо осознать и попытаться преодолеть, назывались отторжение обществом тех или иных взглядов и убеждений, несправедливость, коррупция, маргинализация.
- Интегрировать маргинализированные группы в процессы принятия решений. Попытка игнорировать их интересы приведет лишь к тому, что потребности отдельных людей и сообществ останутся неудовлетворенными, и это может вызвать вспышки различного характера.
- Обязать государства
 - принять законы, запрещающие дискриминацию;
 - разработать механизмы для придания маргинализированным сообществам статуса юридических лиц;
 - отменить законы, предполагающие наказания за религиозные верования;
 - проследить за тем, чтобы законы, запрещающие преступления на почве дискриминации, были
 - четко сформулированы
 - основаны на международных нормах
- Создавать советы религиозных лидеров с целью диалога и урегулирования конфликтов.
- Воспитывать в гражданах умение прощать как основу мирной жизни – этим могут заниматься религиозные лидеры.
- Создать, силами государства, межрелигиозные форумы, в состав которых войдут представители государственных органов, политики и члены религиозных общин.
- Просить ОБСЕ оказать помощь в организации регулярных межрелигиозных круглых столов по актуальным региональным проблемам.
- Способствовать взаимодействию между государством и религиозными организациями путем учащения встреч между религиозными лидерами, верующими, представителями НПО и государственных органов.
- Проводить межгосударственные конференции, в особенности для государств с неокончательно решенными конфликтами в прошлом.

- Борьба с невежеством, подключая преподавателей школ и вузов к работе по привитию знаний о религиозном наследии.

Главным достоинством данного заседания стал прагматический подход к проблеме. Попытки проводить широкомасштабные социальные реформы не всегда дают искомые результаты. Таким способом мы можем научиться иметь дело друг с другом, но никогда не станем друг другу дороги и близки. В выступлениях на Заседании 2 не раз упоминалось то, что составляет суть толерантности – право человека вести себя соответственно своей вере, даже если нам это не нравится. Быть толерантным – значит, никого не понуждать изменить свои убеждения, уважать мнения и привычки, кардинально отличные от собственных, быть свободным от предубеждений. Толерантность в широком смысле слова – это готовность каждого признать право других быть не таким, как он сам, и уважать чужое мнение, а не оценивать его. Носителем этой ценности является не государство, а человек. Однако государство обязано принимать меры, дабы обеспечить уважение ко всем людям и воспитывать в обществе толерантность – залог мира и безопасности.

V Третье рабочее заседание

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В СТИМУЛИРОВАНИИ ТЕРПИМОСТИ И БОРЬБЕ С РОСТОМ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

1. Доклад госпожи Ингвилл Т. Плеснер, Ословская Коалиция по вопросам свободы религии и убеждений

ВОСПИТАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОДЫ РЕЛИГИИ В ШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

1. Введение

Настоящий доклад посвящен педагогическим методикам, способствующим мирному сосуществованию путем воспитания толерантности и обеспечения свободы религии в плюралистическом обществе. Я начну с изложения целей и стратегий, лежащих в основе таких методик. Затем я укажу на ряд проблем, которые необходимо учитывать, с тем, чтобы школьное образование достигало указанных целей, не нарушая при этом основных принципов свободы религии. В докладе будут описаны различные подходы к вопросам религии и убеждений, использующиеся в государственных школах в западных странах, и будет дана оценка таких подходов с точки зрения названных выше основных целей и проблем. Я завершу свой доклад рассказом о ряде проблем, связанных с отличием между государственными и частными школами, и рассмотрением того, как в разных странах Запада по-разному подходят к преподаванию ислама в государственной школе.

2. Цели и стратегии

Существует тесная связь между задачами государственного школьного образования в целом и задачами образования в сфере религии, убеждений и прав человека, в частности. Поэтому не только образование в сфере религии и убеждений (далее ОРУ), но и другие школьные предметы (например, граждановедение) могут способствовать межрелигиозной толерантности и уважению прав человека. Хотя в настоящем докладе я буду говорить в основном о различных моделях ОРУ, перечисленные ниже цели могут быть и должны учитываться в школьном обучении в целом.

Основные цели

- *Уважение к идентичности и к личности в целом* должно ложиться в основу любого образования. Сюда входит и уважение к религиозным и/или философским убеждениям ученика, и это особенно важно иметь в виду в ходе преподавания в школе религиозных предметов.
- Воспитание *межкультурной и межконфессиональной солидарности*, при которых взаимопонимание и осознание идентичности друг друга не ограничивается культурными и религиозными рамками – еще одна цель, которую должно преследовать образование в плюралистическом обществе. Более широкая категория „мы” (глобальная идентичность) не только не противоречит признанию идентичности каждого, но, наоборот, строится на основе такого признания.

Основные стратегии

Задачей школьного образования в целом должно стать *воспитание культуры толерантности* – необходимое условие достижения названных целей. Толерантность не предполагает признания того,

что чужие взгляды и убеждения так же верны, как и собственные, хотя человек и может отдавать себе отчет в том, что с научной точки зрения доказать свою правоту он не может. Напротив, толерантность по определению означает, что, хотя чужие убеждения отличаются от собственных, человек относится к ним терпимо, толерантно.⁷⁵ Таким образом, индивидуальная вера в исключительную правоту определенных религиозных или философских взглядов и убеждений не означает отрицания толерантности. Толерантность означает, что человек с пониманием и уважением относится к людям, придерживающимся других взглядов и убеждений.

Таким образом, наличие *знаний о других религиях и мировоззрениях* – важное условие воспитания культуры толерантности. На некотором этапе все школьники должны получить хотя бы базовое представление о других религиях и мировоззрениях. Точно так же, как право на свободу религии включает в себя право не иметь религиозных убеждений, я хотел бы подчеркнуть тот факт, что широкое ОРУ должно включать в себя изучение мировоззрений и философских убеждений. ОРУ может включаться в курс истории, граждановедения или иных предметов, и/или преподаваться как отдельный предмет по отдельной программе. В любом случае, преподавание ОРУ не должно противоречить праву детей и их родителей выбирать для себя религиозное, философское и моральное воспитание.

Представление о праве других на свободу убеждений и уважение такого права – еще одно обязательное условие толерантности и мирного сосуществования в плюралистическом обществе.⁷⁶ Мы должны не просто терпимо относиться к *праву* других людей думать иначе, чем мы сами, но и признавать за ними это право, даже если мы считаем, что их убеждения неверны. Поэтому образование в области прав человека в целом и свободы религии в частности должно войти в школьную программу.

Хотелось бы также обратить внимание на то, что *диалог* о межкультурном и межконфессиональном консенсусе в области прав человека и основных ценностей есть важная часть – и обязательное условие – деятельности, направленной на обеспечение толерантности и мирного сосуществования в плюралистическом обществе. Такой диалог может стать важной предпосылкой школьного образования в области свободы религии и убеждений. Проекты и научные исследования в области межкультурного и межконфессионального диалога показывают, что большая часть религиозных концепций и иных мировоззрений (светских мировоззрений, философских убеждений) содержит в себе представления о человеке и основные ценности, предполагающие человеческое достоинство и права человека. Поэтому преподавание в школах основ соответствующих религий наряду с ОРУ может сыграть важную роль как в обучении правам человека, так и шире, в поиске общих межкультурных ценностей. Можно выделить как минимум два подхода к межкультурному и межконфессиональному диалогу. Он может рассматриваться в первую очередь как

- поиск наименьшего общего знаменателя (например, межкультурный консенсус об универсальном характере основных прав человека)
- и/или поиск наибольшего общего знаменателя (представление об „общих ценностях” в широком смысле)

Эти два подхода к целям межконфессионального диалога отражают две основные концепции о том, каковы должны быть обязательные общие ценности в плюралистическом обществе. Конечно, такой

⁷⁵ См. статью автора в сб. Durham, Lindholm, Bahia: *Freedom of Religion or Belief. A Deskbook*, Kluwer Law International 2003.

⁷⁶ „Свобода мысли, совести и религии является одной из основ „демократического общества” в значении, принятом Конвенцией. Именно этот ее религиозный параметр является одним из наиболее важных элементов, из которых складывается личность верующих и их мировоззрение, но это же является и ценнейшим достоянием для атеистов, агностиков, скептиков и безразличных. Плюрализм, неотделимый от демократического общества и который дорогой ценой был завоеван на протяжении веков, основывается на нем. (*Европейский суд по правам человека. 1993 г. Коккинакис против Греции*).

диалог предполагает наличие платформы для дискуссий между представителями разных религий. Как будет показано ниже, в некоторых странах такой платформой является или должна являться государственная школа.

3. Проблемы

Положения о свободе религии, предусмотренные международными конвенциями о правах человека, ограничивают свободу государства определять содержание обязательных школьных курсов религиозного воспитания. Ряд международных конвенций о правах человека предусматривают права ребенка и его родителей в этой сфере.⁷⁷ Декларация ООН 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений гласит: „Каждый ребенок имеет право на доступ к образованию в области религии или убеждений в соответствии с желаниями его родителей или, в соответствующих случаях, законных опекунов и не принуждается к обучению в области религии или убеждений вопреки желаниям его родителей или законных опекунов, причем руководящим принципом являются интересы ребенка.” (ст. 5, часть 2). Кроме того, в основных декларациях и конвенциях о правах человека подчеркивается тесная связь между воспитанием толерантности и свободой религии. Так, Декларация ООН 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений гласит: „Ребенок ограждается от любой формы дискриминации на основе религии или убеждений. Он должен воспитываться в духе понимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства, уважения к свободе религии или убеждений других людей, а также с полным осознанием того, что его энергия и способности должны быть посвящены служению на благо других людей.” (ст. 5, часть 3).⁷⁸ В соответствии с этими документами, содержание религиозного обучения в школе должно строиться на двух основных принципах:

- 1) с одной стороны, цель государственного образования – способствовать толерантности и взаимопониманию между представителями разных конфессий;
- 2) с другой стороны, родители имеют право выбирать, какое религиозное, философское и нравственное образование получают их дети.

В ходе разработки и внедрения школьных программ ОРУ надо стремиться сбалансировать эти два принципа. На опыте разных стран мы увидим, что для проблем, связанных с необходимостью соблюдать оба принципа, можно найти такие решения, которые будут способствовать воспитанию толерантности и уважению прав на свободу религии.

4. Модели

Во многих странах, таких, как США и Франция, главный вопрос в том, должно ли ОРУ вообще преподаваться в (государственных) школах. В других странах ОРУ преподается в том или ином виде в государственной школе, и вопрос в том, должен ли этот предмет быть обязательным или факультативным, и должны ли классы (целиком или частично) во время его преподавания делиться на

⁷⁷ Право родителей (опекунов) выбирать религиозное и нравственное воспитание детей предусмотрено рядом международных соглашений о правах человека, в т.ч. Всеобщей декларацией ООН о правах человека 1948 г. (ст. 26, 3), Европейской конвенцией о правах человека 1950 г. (ст. 2 Первого протокола конвенции), Конвенцией о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 18, 4), Конвенцией об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 13,3), Декларацией ЮНЕСКО об искоренении дискриминации в сфере образования 1969 г. (ст. 5,1) и Конвенцией о правах ребенка 1989 г. (ст. 14, 28 и 29).

⁷⁸ Эти цели и принципы позднее были включены в Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г. В статье 3 далее углубляется базовый принцип, которому государство обязано следовать в сфере образования: в любых действиях в отношении ребенка „первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка” (ст. 3,1). В статье 29 изложены цели и принципы образования ребенка: оно должно быть направлено на „развитие личности, талантов и умственных и физических способностей ребенка в их самом полном объеме” (ст. 29,1 а). Кроме того, оно должно „обеспечивать воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает, страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной” (ст. 29,1 с). Образование должно готовить ребенка к „сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, терпимости, равноправия мужчин и женщин и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами...” (29,1 d).

группы по конфессиональному признаку. Согласно исследованию Специального докладчика по свободе религии, Абделфаттаха Амора, подготовленному для прошедшей в Мадриде в 2001 г. Консультативной конференции о школьном образовании и его связи с толерантностью, свободой от дискриминации и свободой религии, в большинстве стран мира ОРУ – факультативный школьный предмет. Во многих странах ученики разделяются на группы по конфессиональному признаку, причем в некоторых странах при этом ученики не получают знаний о других религиях, кроме собственной, а в некоторых – получают в той или иной степени. В некоторых странах разработаны школьные программы, куда входит изучение различных религий и верований, и в занятиях принимают участие все ученики независимо от вероисповедания. Таким образом, изучая ситуацию в разных странах, можно выделить два *основных типичных* подхода к ОРУ:

- Модель плюралистическая/интеграционная
- Модель конфессиональная/сегрегационная

Впрочем, классифицировать конкретные страны по этому признаку не так просто. Например, в разных странах, в частности, в Европе, по-разному реализуется на практике так называемый „плюралистический” или „интеграционный” подход. Английская модель – ее часто называют „поликонфессиональной” – предполагает больше сравнительных и поликонфессиональных черт, чем норвежская и датская модели. В Норвегии и Дании все еще делается больший акцент на христианской традиции, хотя в учебные программы и включены сведения о других религиях и философских традициях.⁷⁹ И все же было бы неверным относить эти две страны к числу стран, где школьники проходят „религиозное обучение” в традиционном смысле слова. Подтверждением тому является тот факт, что приверженность определенной конфессии уже не является обязательным требованием к преподавателям религиозных предметов в государственных школах Норвегии и Дании, в отличие от, например, от тех немецких земель, в которых „религиозное обучение” включено в школьную программу. Кроме того, в данном отношении во всех названных странах имеются любопытные региональные и местные особенности. В некоторых частях Англии делается особый упор на плюрализм как в программе ОРУ, так и в педагогической концепции в целом.⁸⁰ Особое внимание уделяется конфессиям, исповедуемым в данной местности. На принципе „местной дифференциации” основана и новая программа религиозного обучения, введенная в Норвегии, и в результате на местном уровне этот предмет преподается по-разному. В большинстве школ Германии классы делятся на группы, обучающиеся каждая только своей конфессии. Но в некоторых землях, например, в Берлине и Бранденбурге, обучение ведется иначе. Во Франции нет общегосударственных программ религиозного обучения, но в Эльзасе-Лотарингии, в провинции Эльзас-Мозель, религиозное обучение – обычный школьный предмет.

В большинстве стран и регионов, где принята „конфессиональная/сегрегационная” модель религиозного обучения, в составлении учебных программ и подборе учителей по данному предмету наряду с образовательными учреждениями принимают участие церкви. Кое-где, например, в Австрии и в некоторых землях Германии, ответственность за преподавание религиозного предмета лежит, в основном, на соответствующей церкви или религиозной общине. В большинстве стран, где принята „плюралистическая/интеграционная” модель обучения, право на окончательное решение принадлежит школе, но есть и исключения. В Англии учебные программы по религиозным предметам составляются

⁷⁹ Парламент Норвегии недавно подтвердил положение о том, что не менее 50% учебного времени в курсе религиозного воспитания должно уделяться христианским традициям. В Дании нехристианские религии начинают проходить не раньше второй ступени начальной школы (примерно в 11 лет).

⁸⁰ Поликонфессиональный характер английской школы отражается и в том, что школы обязаны проводить „коллективные богослужения”, в ходе которых все ученики вместе поклоняются некой божественной сущности или силе. Как правило, коллективные богослужения носят „преимущественно христианский” характер, хотя и не „явным образом не относятся к какой-либо определенной конфессии” (Циркуляр Департамента образования 1994 г.). По своему усмотрению, школа может проводить коллективные богослужения преимущественно нехристианского характера, если это в большей мере соответствует конфессиональному составу учеников (там же).

специальными местными советами, куда входят представители школьной администрации и местных религиозных общин.

Вопрос в том, в какой мере эти разнообразие модели способствуют толерантности и защите свободы религии.

На первый взгляд кажется, что поликонфессиональная/плюралистическая модель, при которой школьники обучаются совместно, в большей мере способствует толерантности и при этом не создает проблем со свободой религии, так как обучение не носит сугубо конфессионального характера, во всяком случае, в традиционном смысле слова. Кроме того, эта модель, видимо, в большей мере соответствует перечисленным выше целям, чем конфессиональная/сегрегационная модель, поскольку при таком подходе школьники больше узнают о религиозных традициях друг друга; ученики, исповедующие разные конфессии, обсуждают различие и сходство своей трактовки нравственных и экзистенциальных вопросов. И все же опыт разных стран показывает, что это мнение разделяют не все родители и ученики. В ряде стран были случаи, когда родители использовали свое право освободить детей от занятий по религиозному предмету, хотя обучение и строилось как неконфессиональное и „нейтральное”. Так было с предметом „мировоззрение, этика и религия” в земле Бранденбург в Германии и с предметом „христианство, религия и жизненная позиция” в Норвегии. В Норвегии, как и в Швеции, в 1997/1998 гг. были введены ограничения на право родителей требовать освобождения детей от предметов, заявленных как неконфессиональные/плюралистические, прививающие *знания о различных религиях*. В Норвегии были даже судебные процессы, на которых родители с разным мировоззрением (светские гуманисты и мусульмане) требовали, чтобы их детей освободили от этих занятий, ссылаясь на приведенные выше положения международных документов по правам человека, защищающие право родителей отказываться от образования детей, если оно противоречит их религиозным или философским убеждениям. Из этих примеров ясно, что и в случае „нейтрального” „неконфессионального” обучения необходимо уважать права родителей. Если школа будет нарушать свободу религии, вряд ли это научит детей толерантности.

С другой стороны, и конфессиональная/сегрегационная модель может, как показано выше, включать сведения о других религиях, как это делается, например, в Финляндии. Тогда у детей сформируется и здоровая религиозная идентичность, и представление о вере других. Наличие твердой платформы есть обязательное условие толерантности, по определению предполагающей терпимое отношение к взглядам и убеждениям, отличным от собственных. Однако, если ученики, исповедующие разные религии, не участвуют в дискуссиях в ходе религиозного обучения, понятие „толерантности” будет, вероятно, преподаваться в более теоретическом разрезе. Кроме того, сегрегация по конфессиональному признаку сама по себе может углублять различия между детьми, вместо того, чтобы укреплять их общность независимо от религиозной принадлежности. Конфессиональный подход не входит в противоречие со свободой религии, до тех пор, пока существует свобода выбора, включающая в себя право отказаться от изучения предмета или право выбирать между конфессиональными и неконфессиональными предметами, как это делается в Германии и в Финляндии. Если обучение определенному конфессиональному предмету вводится как обязательное для детей всех конфессий, то это явным образом противоречит названному выше праву родителей.

Как мы видим, обе описанные выше модели – и конфессиональная/сегрегационная модель, и плюралистическая/интеграционная – приводят к целому ряду проблем. Более того, то, что в некоторых странах, например, во Франции и в США, религиозное обучение в государственных школах не ведется, можно расценить как еще одну „модель”, конечно же, не противоречащую праву на свободу религии. Кроме того, толерантность как жизненная позиция может преподаваться в курсе других школьных предметов, а сведения о различных религиях дети могут получать в процессе изучения

различных культур и регионов, например, в школьном курсе истории или граждановедения. Так, во Франции сейчас обсуждается возможность включения в школьную программу информации о различных конфессиях, с упором на культурную составляющую религии. Однако в отсутствие отдельного религиоведческого предмета школьники, скорее всего, не получают углубленных представлений о различных верованиях, и будут иметь меньше возможности обсуждать эти темы с учениками, придерживающимися иных убеждений, чем они сами.

Таким образом, представляется, что, с учетом требования свободы религии и в то же время воспитания толерантности, проблемы возникают при любой модели обучения.

5. ОРУ – дело государственное или частное?

Как показано выше, страны различаются как в том, преподается ли в них ОРУ или нет, так и в том, кто определяет содержание этих предметов – государственные образовательные институты или церкви/религиозные общины, или и те, и другие совместно. Конечно, и конфессиональное, и поликонфессиональное обучение ведется также и в частных школах. В данном случае упомянутые выше проблемы стоят не так остро, поскольку родители сами принимают решение отдать детей в частную школу и могут их забрать, если их не устраивает содержание того или иного предмета. Конечно, из государственной школы родители тоже могут забрать ребенка и отдать в частную школу. Но для многих родителей эта возможность существует чисто теоретически, так как поблизости частных школ нет или они не в состоянии платить за обучение. Кроме того, в некоторых странах действуют очень строгие правила учреждения частных школ, в том числе религиозных.

Особая проблема возникает в тех случаях, когда администрация государственной школы разрешает религиозным общинам вести обучение детей своих прихожан в здании школы, в учебные часы или после уроков. В такой ситуации возникает два вопроса: всем ли общинам должна предоставляться такая возможность, и должна ли школа вмешиваться в проводимое ими обучение с точки зрения его формы и содержания? В частности, в Нидерландах и в Германии эти вопросы ставились в связи с преподаванием ислама имамами. Так, скажем, надо ли требовать от частных педагогов, ведущих занятия в помещении государственной школы, чтобы они придерживались ценностей, считающихся „общими” для большей части общества, таких, как права человека, равноправие полов и пр.? Кроме того, обучая детей соответствующим религиям, обычные школьные учителя должны выбирать некую интерпретацию той или иной религии, например, христианства или ислама. При этом должны ли они отдавать предпочтение тем теологическим и нравственным положениям этих религий, которые в большей мере соответствуют ценностям, лежащим в основе государственной школы (правам человека, толерантности и пр.), и как они должны комментировать те религиозные традиции и положения, которые этим ценностям противоречат? Эти вопросы требуют дальнейшего обсуждения.

И на национальном, и на международном уровне, педагоги и представители государства должны вести диалог с представителями религиозных общин и специалистами по правам человека. Участие этих – а, возможно, и других – групп необходимо для полноценного понимания и успешного решения всех проблем. Кроме того, не следует пытаться разработать единую модель для всех стран. Напротив, необходимо развернуть междисциплинарную интернациональную дискуссию вокруг различных моделей обучения и того, насколько они способствуют толерантности и защите свободы религии. Конкретные же подробности каждой модели должны разрабатываться на национальном и местном уровне.

2. Доклад Профессора Владимира Бобровникова, Институт востоковедения Российской Академии Наук, Москва

ИСЛАМОФОБИЯ И РЕЛИГИОЗНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ПОСТСОВЕТСКОМ ДАГЕСТАНЕ

В этой статье на примере Дагестана будет прослежено формирование у постсоветского руководства Российской Федерации и ее субъектов новой религиозной политики на Северном Кавказе. Какие цели ставят перед собой федеральные и республиканские власти? Чего они боятся, и на чем основаны эти опасения? Какие отношения установились в регионе между органами местного самоуправления, республиканскими и федеральными структурами? Насколько властям удастся контролировать религиозную обстановку в республике? Почему в регионе продолжает распространяться так называемый „ваххабизм”? Чтобы ответить на эти вопросы, я попытался сопоставить федеральное и дагестанское законодательства со статистикой последних лет, а также с полевыми и архивными материалами, собранными мной на Северном Кавказе в 1992-2001 годах.

1. Концепция „исламской угрозы” на Северном Кавказе

Прежде всего, разберем сложившийся у федеральных властей образ „исламской угрозы” на постсоветском Северном Кавказе. Именно это представление в значительной степени определяет сегодня кавказскую политику российского центра.

Во второй половине 90-х годов федеральный центр на опыте убедился, как опасно игнорировать развитие социально-политических и внутрирелигиозных противоречий в кавказском регионе и особенно в его северо-восточной части (Дагестан и Чечня). Две российско-чеченские войны, ожесточенные столкновения между сторонниками разных направлений в исламе на Северном Кавказе, не прекращающиеся захваты заложников, волна терроризма, пиком которого стали недавние взрывы жилых домов в Москве, Петербурге и других городах России, привели московских политиков к мысли о необходимости скорейшего укрепления властных структур и проведения более жесткой религиозной политики в этом регионе. В противном случае, по их мнению, неизбежно перерастание российско-чеченского противостояния в новую Кавказскую войну.

Эти опасения определяют целый ряд заявлений федерального правительства и парламента, бывшего президента Российской Федерации (РФ) Б.Н. Ельцина, часто сменявшихся российских премьеров конца 90-х годов, вплоть до нового президента РФ В.В. Путина.

Характерный документ такого рода был обнародован Советом Федерации задолго до начала второй российско-чеченской войны, в январе 1997 г. В нем говорилось: „В последнее время на Северном Кавказе сложилась взрывоопасная ситуация, чреватая дальнейшим обострением и возможностью возобновления военных действий, которые могут при соответствующих условиях перерасти в широкомасштабную кавказскую войну и привести к развалу России... Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации выражает тревогу в связи о сложившейся обстановкой и обращается ко всем народам, ко всем гражданам России, проживающим в этом регионе, с призывом проявить благоразумие и выдержку, не поддаваться на провокации, не дать втянуть себя в вооруженное противостояние, которое принесет новые неисчислимые жертвы и беды...”⁸¹.

⁸¹ Заявление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (РФ) „О ситуации на Северном Кавказе” от 23 января 1997 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 5, ст. 630, с. 1001, 1002. Ср.: Обращение Госдумы Федерального Собрания РФ к верующим гражданам России в связи с вооруженным конфликтом в Чеченской республике // *Там же*. 1994, № 35, ст. 3671; *Мир за неделю*. 11-18.12.1999 и проч.

Призрак грядущей Кавказской войны давно пугает и высшее мусульманское духовенство РФ, занимающее в столичной политической элите важное и близкое к федеральным властям место. Накануне первой российско-чеченской войны московский муфтий и председатель Духовного Управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЦЕР) Равиль Гайнутдин (Р.И. Гайнутдинов) опубликовал „Обращение к президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину”. В нем он сравнивал действия российских военных под Грозным с „военной авантюрой” царских генералов, развязавшего в конце XVIII в. Кавказскую войну.⁸² 21 августа 1996 г. с своим обращением к российскому правительству Р. Гайнутдин предупредил власти об опасности превращения чеченского конфликта в войну мусульман с христианами и просил правительство В.С. Черномырдина остановить генерала Пуликовского, пока тот не начал штурм Грозного.⁸³

В современной ситуации на Северном Кавказе федеральные власти видят две основные опасности, которые, по их мнению, могут вовлечь Россию в Кавказскую войну. Во-первых, это социально-экономический кризис, поразивший регион с конца 80-х годов. По признанию российского правительства наиболее серьезная ситуация сложилась на северо-востоке региона – в Дагестане и Чечне. В сентябре 1997 г. было отмечено, что „...по показателям социальной сферы (Республика Дагестан – В.Б.) находится на одном из последних мест в Российской Федерации”. По мнению правительственных кругов, растущая безработица, инфляция, низкий уровень жизни подавляющей части населения и неуправляемые миграции создали почву для местных сепаратистских движений.⁸⁴

Второй серьезной опасностью для мира и стабильности на Северном Кавказе федеральный центр считает подрывную деятельность западных и мусульманских стран, стремящихся к расчленению России и включению Кавказа в свою сферу влияния. Если в первой половине 90-х годов руководство РФ полагало главным врагом России на Кавказе местных националистов, то в последние два-три года все большие опасения у него вызывают исламские реформаторы-радикалы, которых называют „ваххабитами”.⁸⁵ Именно в них видят зачинщиков Кавказской войны. Для федерального и дагестанского правительства это ставленники антироссийских сил, пытающихся оторвать не только Дагестан, но и весь Кавказ от России.

Кто же такие „ваххабиты”? На Северном Кавказе этот термин по имени известного религиозного саудовского реформатора XVIII в. Мухаммеда ибн Абд ал-Ваххаба вот уже почти десять лет используется как ругательная кличка для обозначения идейных и политических противников официально признанного властями мусульманского духовенства. Сами „ваххабиты” видят в этом слове оскорбление и не приемлют его. Среди тех, кого так называют, выделяется радикальная по взглядам группа молодежи и людей среднего возраста, выступающая за религиозные реформы. Она резко критикует руководство Духовного управления мусульман Дагестана (ДУМД) и захвативших в нем ключевые позиции последователей шейхов суфийских братств *накибандия* и *шазилия*, возобновивших свою деятельность в 90-е годы.

Своей целью исламские реформаторы провозглашают очищение ислама от недозволенных новшеств (араб. мн. ч.: *бида'*, ед.ч. *бид'а*), таких как суфизм и культы святых, возвращение к нравам времен пророка Мухаммеда. Сами себя „ваххабиты” называют „братьями” (араб. *ихван*) или сторонниками восстановления религии предков (араб. *ас-салаф*, отсюда арабское название движения *ас-салафия* и его

⁸² *Муфтий Равиль Гайнутдин. Обращение к президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину // Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации. М., 1999, с. 139.*

⁸³ *Муфтий Шейх Равиль Гайнутдин. Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину, Председателю Правительства России В.С. Черномырдину, Секретарю Совета Безопасности А.И. Лебедю // Там же, с. 141.*

⁸⁴ *Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 37, ст. 4307, с. 7412, № 52, ст. 5909, с. 10425; ср.: Послание президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ „Россия, за которую мы в ответе” // Этнополитический вестник. 1996, № 2, с. 11-14.*

⁸⁵ Ср. мнения близких к российскому парламенту газет: *Известия*. 19.02.1998; *Независимая газета*. 18.03.1998.

участников *салафиты*), а свою общину – *джамаатом*.⁸⁶ В догматике, толковании шариата, организации общин и обрядности между последователями Мухаммеда ибн Абд ал-Ваххаба и „ваххабитами” на современном Северном Кавказе есть существенные различия. Исторические условия возникновения, социальная база и политические формы этих движений не сходны. По взглядам и организации „ваххабиты” в Дагестане ближе к фундаменталистским движениям конца XX в. в арабских странах, вроде египетских „Братьев-мусульман” или алжирского Фронта исламского спасения.

Для целей данной работы еще важнее отметить, что во второй половине 90-х годов „ваххабизм” все чаще используется как ярлык для шельмования политических противников ДУМД. Под „ваххабитами” нередко понимаются представители чуть ли не диаметрально противоположных взглядов. В их число включают и умеренного „ваххабита”-реформатора Ахмед-кади Ахтаева, о котором мы еще расскажем ниже, и не очень-то религиозного, хотя и выдающего себя за мусульманина, радикального политика Мовлади Удугова, и даже известного террориста Шамиля Басаева, а также многих других, порой чистых бандитов, не имеющих никакого отношения к движению кроме своей „кавказской национальности”.⁸⁷

Утвержденная указом президента Ельцина 17 декабря 1997 г. „Концепция национальной безопасности Российской Федерации” подразумевает для Северного Кавказа в основном движение „ваххабитов”, когда говорит о необходимости „учитывать (в религиозной и социальной политике центра – В.Б.) разрушительную роль различных религиозных сект, наносящих значительный ущерб духовной жизни российского общества, представляющих собой прямую опасность для жизни и здоровья граждан России и зачастую используемых для прикрытия противоправной деятельности”.⁸⁸

Мне кажется, что к мысли о „ваххабитской опасности” для России федеральное руководство пришло под влиянием высшего мусульманского духовенства Дагестана и Москвы, занявшего непримиримую позицию по отношению к своим политическим и идейным противникам в постсоветской мусульманской общине. Недаром шельмование „ваххабитов” на Кавказе начали не российские власти, а дагестанское духовенство. Покойный муфтий Дагестана С.-М. Абубакаров не раз заявлял, что „ваххабизм – это псевдорелигиозное политическое течение с крайне экстремистским уклоном”, с которым нужно бороться.⁸⁹ Совет муфтиев России, – высший координационный орган мусульманского духовенства РФ, тесно связанный с дагестанским муфтиятом, – после столкновения „ваххабитов” с их противниками в дагестанских с. Карамахи, Чабанмахи и Кадар 12 мая 1997 г. резко осудил „неуемные амбиции и жажду духовной власти деятелей ваххабизма – течения, возникшего в России совсем недавно и чуждого абсолютному большинству мусульман”.⁹⁰

„Ваххабитская угроза” на Северном Кавказе и особенно в Дагестане пугает столичные СМИ самых разных ориентаций, а также высокопоставленных чиновников из администрации президента. Недаром заместитель бывшего министра РФ по делам национальностей В.М. Михайлова К.М. Цаголов, вернувшись в 1997 г. из поездки в Дагестан, отметил в своем интервью столичной прессе, что в республике „налицо угроза мусульманского фундаментализма”. По словам прежнего начальника Управления президента по вопросам внутренней политики А.В. Логинова, „все большее опасение вызывает... мусульманский экстремизм”.⁹¹ Эти страхи, судя по публикациям столичных газет,⁹²

⁸⁶ Подробнее об исламском реформаторском течении в „ваххабизме” на Северном Кавказе см.: Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. Ваххабиты на Северном Кавказе // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1999, вып. 2, с. 19-23.

⁸⁷ См., например: *Знамя ислама (Лива' ал-ислам)*. 1999, № 1-2, с. 8; *Известия*. 14.08.1999.

⁸⁸ Указ Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300 // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 52, ст. 5909, с. 10432.

⁸⁹ Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации, с. 17.

⁹⁰ Заявление Совета муфтиев России по поводу событий в Дагестане // Там же, с. 145.

⁹¹ *Халиф*. Исламская общественно-политическая газета. 1997, № 2; *Московский комсомолец*. 11.11.1997.

⁹² Ср.: *Независимая газета*. 18.03.1998, с. 12.

разделяют не только ЛДПР, русские националисты и коммунисты, но и сторонники демократической ориентации в российском правительстве и Госдуме.

За последние два-три года такие настроения активно распространяют СМИ. „Ваххабизм” на Северном Кавказе вызывает у многих столичных журналистов панический ужас. Время от времени московские газеты пестрят заголовками типа „Джихад подошел к границам Дагестана” (Известия, 10.02.1998), „Эль Ваххаб пришел в Дагестан” (Известия, 19.02.1998), „Кавказ все больше тлеет джихадом” (Известия, 21.04.1998), „Фронт освобождения” приблизился к Ставрополю” (Известия, 25.04.1998), „Затишье в Дагестане тревожнее криков „Аллах акбар!”” (Новые Известия, 29.05.1998), „Ваххабизм – логическое следствие всей истории Кавказской войны” (Известия, 14.08.1999). По справедливому замечанию министра РФ Р.Г. Абдулатипова, „на фоне войны в Дагестане и ухудшающейся обстановки на Северном Кавказе в целом в России укрепляется стереотипное представление о любом мусульманине как об исламском экстремисте”.⁹³

Наряду с общим усилением исламофобии следует отметить и появление в федеральном руководстве лиц, симпатизирующих исламу. Среди них немало выходцев из Дагестана и других мусульманских республик РФ, недавно влившихся в новую федеральную элиту, например, уже упоминавшийся Р.Г. Абдулатипов, член Госдумы Г.Г. Гамидов, Н.М. Хачилаев, председатель Союза мусульман России (СМР), заменивший Гамидова в Госдуме после его убийства в Махачкале в августе 1996 г. Последний лишился депутатского мандата и какое-то время скрывался в Чечне после скандала мая 1998 г., когда его сторонники захватили здание правительства в Махачкале, но и поныне сохраняет тесные связи с мусульманской политической элитой Москвы. Все эти и другие известные российские политики мусульманского происхождения, – такие как Руслан Хасбулатов, Аман Тулеев, Минтимер Шаймиев, Муртаза Рахимов, Аслан Масхадов, Руслан Аушев и другие, – демонстративно объявляют о своей принадлежности к исламу. В 90-е годы все они совершили (а большинство по несколько раз) хадж.⁹⁴

Несмотря на различия в политических и религиозных взглядах все вышеупомянутые политики видят в исламе источник будущего культурного возрождения и стабилизации обстановки на Северном Кавказе. Их усилиями ислам получил у федеральных властей несколько привилегированный статус⁹⁵, которым он не пользовался прежде со стороны ни советских, ни дореволюционных российских властей. Глава ДУМЦЕР (в декабре 1998 г. переименованного в ДУМЕР – Духовное Управление мусульман Европейской части России) Р. Гайнутдин нашел общий язык с влиятельным мэром Москвы Ю.М. Лужковым.⁹⁶ Последний не раз заявлял о поддержке московским правительством „традиционной для России мусульманской общины”. Мэр нередко участвует в мероприятиях московского муфтията, в частности Международной исламской конференции „Роль мусульман в духовном возрождении России”, прошедшей в Москве 5-6 июня 1999 г.

Благодаря сближению с московскими и федеральными властями мусульманская община столицы смогла вернуть в 1991 г. историческую соборную мечеть, построить в 1995-1998 годах несколько новых больших мечетей в разных районах Москвы и Подмосковья. При поддержке администрации Ю.М. Лужкова в Нагатинской пойме строится колоссальный Восточный гуманитарный центр, включающий в себя мечеть, колледж-медресе, помещения для научных конференций, мусульманского бизнес-клуба и т.д.⁹⁷ Федеральные власти не раз заявляли о своей поддержке ислама как одной из конфессий россиян.

⁹³ Северный Кавказ: ислам в политике и политика в исламе. „Круглый стол” в Московском Центре Карнеги 19 августа 1999 г.

⁹⁴ Подробнее об этом см.: Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М., 1998, с. 85.

⁹⁵ В „Концепции национальной безопасности Российской Федерации” Б.Н. Ельцин, несколько безграмотно объявив традиционный ислам одной из „церквей” (?), отметил: „Важнейшую роль в сохранении традиционных духовных ценностей играет деятельность Русской православной церкви и церквей других конфессий” // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 52, ст. 5909, с. 10432.

⁹⁶ Подробнее об этом см.: Малащенко А.В. Исламское возрождение., с. 122.

⁹⁷ Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации, с. 45-46.

С середины 90-х годов президент Ельцин ежегодно поздравлял не только христиан с Пасхой и Рождеством, но и мусульман с Курбан-байрамом. В одном из таких выступлений, произнесенном в апреле 1998 г., было отмечено „глубочайшая признательность мусульманской общественности России за содействие в решении стоящих перед страной проблем”⁹⁸. С 2000 г. эту традицию продолжил В.В. Путин. Характерно, что накануне своей инаугурации на встрече с Советом муфтиев России он назвал Россию „великой христианской и исламской державой”.

Курс на союз с „традиционным исламом” парадоксальным образом обусловил поддержку правительством РФ торжеств по поводу 200-летия со дня рождения такого известного врага России на Кавказе XIX в., как имам Шамиль. Этот юбилей широко справлялся по всему Дагестану в октябре 1997 г. Важнейшие улицы Махачкалы были переименованы: Проспект Калинина стал Проспектом им. имама Шамиля, улица 26-ти Бакинских комиссаров – улицей Магомеда Ярагского, духовного наставника (*муршида*) Шамиля.⁹⁹ На 50% празднества финансировались из федерального бюджета. В Организационный комитет по проведению юбилейных мероприятий от федерального центра вошли Р.Г. Абдулатипов, бывший министр по делам национальностей и федеральных отношений В.А. Михайлов, руководители Государственного комитета по делам молодежи, Министерств культуры и внутренних дел, Российской академии наук.¹⁰⁰

Ныне Совет муфтиев России совместно с московским и федеральным правительствами готовится к празднованию 14-векового юбилея (по *хиджре*) с начала распространения ислама на территории России, намеченному на апрель 2000 г.¹⁰¹ Весной 2000 г. в Москве начал действовать Органи-зационный комитет по празднованию юбилея. Его сопредседателями стали московский мэр Ю.М. Лужков и председатель ДУМЕР, председатель Совета муфтиев России Р. Гайнутдин. 6 апреля 2000 г., в помещении МХАТа им. М. Горького состоялся праздничный концерт, посвященный 1400-летию ислама в России.¹⁰² 11 мая 2000 г. в Государственной Думе РФ прошла конференция „Ислам и политическая стабильность в России”, приуроченная к этому событию. В ней приняли участие политические деятели и ученые, такие как Р.Г.Абдулатипов, М. Заргишиев, известный специалист по мусульманскому праву Л.Р. Сюкияйнен. В 2001 г. 1400-летие ислама будет праздноваться в Москве, Махачкале и Дербенте.

При всей непримиримости сторонников и противников ислама в московской федеральной элите в их взглядах есть и нечто общее. Оба течения весьма плохо разбираются как в исламе, так и в современной религиозной ситуации на Северном Кавказе вообще и в Дагестане в частности. В постсоветское время между Москвой и Кавказом, а также другими мусульманскими и немусульманскими регионами постепенно выросла настоящая стена взаимонепонимания. Столичные СМИ, как правило, рисуют крайне превратную картину религиозной обстановки в регионах. Судя по выступлениям российского руководства, подобным же образом представляют себе обстановку в регионе высшие федеральные и московские власти.

Приведу характерный пример. Зимой 1998 г. корреспондент „Известий” Ю. Снегирев, побывавший в Махачкале и в „ваххабитских селениях” Карамахи и Чабанмахи, писал: „Словом “ваххабиты” в дагестанских семьях пугают маленьких детей. Когда в Махачкале предотвращают очередной теракт, заговорщиков ищут именно среди них. Образ бородатого, но безусого религиозного боевика в по-

⁹⁸ *Российская газета*. 8.04.1998, № 68.

⁹⁹ Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в Дагестане в 1997 г.; Longuet-Marx F. Le retour de l'imam? // *Nouveaux mondes*. Caucase: axes anciens, nouveaux enjeux, ити 1998, No 8, p. 169-175.

¹⁰⁰ Распоряжение правительства РФ № 1166-р от 18 августа 1997 г. // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 34, ст. 4023. Longuet-Marx F. Le retour de l'imam? // *Nouveaux mondes*. Caucase: axes anciens, nouveaux enjeux, ити 1998, No 8, p. 169-175.

¹⁰¹ Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации, с. 27.

¹⁰² *Ислам минбэре*. № 4 (65), с. 1, 2.

следнее время встал страшной тенью над Дагестаном”. На самом же деле, как показал проведенный чуть позже среди дагестанцев опрос общественного мнения, только 4,2% опрошенных связывали рост терроризма в республике с „религиозным экстремизмом”¹⁰³. Большинство (66,2%) связывали терроризм „с борьбой политических, клановых и мафиозных группировок за власть и передел собственности”¹⁰⁴. В современной московской прессе почти ежедневно встречается масса подобных искажений фактов.

Еще важнее отметить, что у федеральных властей сложился крайне фантастическое представление о „традиционализме” постсоветского Северного Кавказа и других регионов. Многие из московских политиков уверены, что после падения советского строя в регионах началось возрождение „традиционных” досоветских институтов и ценностей, на которые в будущем государство сможет опереться, чтобы укрепить свою пошатнувшуюся власть на местах. К таким институтам относят прежде всего сельскую общину, родовые структуры, церковь и духовенство. По верному замечанию А.А. Никишенкова, в постсоветское время „сложились особые публицистические жанры „воспевания” традиционной культуры различных народов”¹⁰⁵. В регионах Северного Кавказа с преобладанием мусульманского населения к „традиционалистам” относят тех представителей мусульманского духовенства, которые сотрудничают с властями.¹⁰⁶

На самом деле, как было показано в ряде недавно опубликованных работ¹⁰⁷, современный исламский подъем повсюду на постсоветском Востоке не начался бы без советских реформ, вследствие которых здесь сложилось квази-традиционное общество*. Местные „традиции”, к которым апеллируют как власти, так и многие представители духовенства на деле были неизвестно изменены или созданы в ходе этих реформ. Некоторые из таких „традиций”, на которые пытается опереться пошатнувшееся государство, – такие как местное самоуправление, кланы, – сегодня несут в себе не столько стабилизирующий, правоохранительный, сколько дестабилизирующий, противоправный импульс.¹⁰⁸

Противостояние официально признанного мусульманского духовенства и оппозиционных ему мусульманских общин Дагестана и Северного Кавказа воспринимается правительством РФ в виде борьбы пророссийского „традиционного” и антироссийского „ваххабитского” ислама. Однако на самом деле и руководство ДУМД, и оппозиционеры вышли из единого мусульманского движения. Антироссийские настроения среди кавказских „ваххабитов” появились только во второй половине 90-х годов. Лет десять тому назад будущие „ваххабиты”, еще не занимая антироссийской позиции, боролись за свободу совести совместно со своими идейными противниками. В 1989 г. они вместе низложили муфтия Духовного управления мусульман Северного Кавказа М. Геккиева и разошлись только через несколько лет на почве идеологических разногласий и борьбы за власть.¹⁰⁹ Интересно отметить еще мало известный факт, что Б.М. Кебедов и другие руководители „ваххабитов” получили традиционное мусульманское образование у суфийских шейхов, возглавлявших подпольные *медресе* в Дагестане.¹¹⁰

¹⁰³ Снегирев Ю. Эль Ваххаб пришел в Дагестан // *Известия*, 19.02.1998.

¹⁰⁴ Опрос общественного мнения, проводившийся в Махачкале Региональным центром этнополитических исследований при Дагестанском научном центре РАН. Цит. по работе: Шихсаидов А. Ислам в Дагестане // *Центральная Азия и Кавказ*. 1999, № 4 (5), с. 111.

¹⁰⁵ Никишенков А.А. Обычное право и проблемы его библиографии // *Обычное право народов России*. Библиографический указатель. Сост. А.А. Никишенков. Под ред. Ю.И. Семенова. М., 1998, с. 3.

¹⁰⁶ См., например: *Известия*. 10.02.1998.

¹⁰⁷ См., например: Бобровников В.О., Роцин М.Ю. Судьба мусульманской общины в колхозной деревне Нагорного Дагестана // *Этнополитический вестник*, 1996, № 2; Абашиев С.Н. Социальные корни среднеазиатского исламизма // *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*: сб. статей под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малащенко. М.: Московский Центр Карнеги, 1997.

¹⁰⁸ Подробнее об этом см.: Бобровников В. Mythologizing Sharia Courts in the 20th Century Caucasus // *ISIM Newsletter*, 2000, № 5.

¹⁰⁹ Бобровников В. The Islamic Revival and the National Question in Post-Soviet Dagestan // *Religion, State & Society*. 1996, vol. 24, No. 2/3, p. 235.

¹¹⁰ Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в Нагорном Дагестане в 1995-1996 гг. Ср.: Бобровников В.О., Ярыкапов А.А. Ваххабиты на Северном Кавказе // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. М., 1999, вып. 2, с. 20.

* Несмотря на расплывчатость и неточность понятий „традиционные” и „нетрадиционные религии” я буду использовать их в данной работе, вкладывая в них не реальное историческое, а формальное юридическое значение. Дело в том, что оба этих термина прочно вошли в словарь федеральных законодателей и обойтись без них при разборе федеральных политических концепций будет затруднительно.

„Ваххабитский” ислам характеризуется СМИ и властями как политический и религиозный экстремизм. Однако большая часть политических радикалов и особенно террористов, „приписанных” к движению, – таких как Мовлади Удугов, Зелимхан Яндарбиев, Шамиль Басаев или Салман Радуев – нельзя назвать не только исламскими реформаторами, но даже просто по настоящему глубоко верующими мусульманами. Это чисто светские люди, плохо знакомые с элементарными представлениями и обрядами ислама. В последние годы некоторые из них стали заявлять о своей близости к исламским реформаторам, но это просто блеф.¹¹¹ Причем, в исламские радикалы многих из них записали первоначально российские СМИ.

В собственно исламском движении радикалы до 1998 г. были в меньшинстве. К середине 90-х годов „ваххабиты” распались на несколько разрозненных групп. Среди них выделялось три крыла.¹¹² Наиболее умеренное крыло „ваххабитов” возглавлял А. Ахтаев из с. Губден. Он был противником использования ислама в политике и выступал за „исламское просвещение” российских мусульман. В 1996 г. он основал в Махачкале движение „ал-Исламия”, имеющее целью возрождение исламской культуры и особенно сети примечательных медресе Дагестана, разрушенной в советское время. Идеи А. Ахтаева популяризировала газета „Знамя ислама (Ар-райа ал-исламия)”, выходившая в 1995-1998 годах в Махачкале на русском языке.

Центр движения группировался вокруг имама и руководителя медресе в г. Кизилюрт Багаутдина Магомедовича Кебедова (или Баха ад-дина Мухаммеда, как он предпочитает называть себя на арабский лад) родом из с. Сантлада. Он активно участвовал в политике, пикировался с суфийскими шейхами и муфтиями ДУМД, но до 1998 г. не выступал за вооруженную борьбу с российскими властями. Во время российско-чеченской войны 1994-1996 годов он еще был равнодушен к движению за независимость Чечни. При поддержке международных миссионерских организаций типа ВАМИ сторонники Б.М. Кебедова издали в Москве и Махачкале несколько сотен тысяч просветительских брошюр. Их темы – правила совершения мусульманских обрядов, элементарные предписания шариата, жизнь пророка Мухаммеда. Перу самого Кебедова принадлежит брошюра „Намаз” (молитва, изд-во „Сантлада”, М., 1993; 2-е изд., М., изд-во „Бадр”, 1999) и учебник арабского языка для начинающих.

Немногочисленных радикалов возглавлял ученик Б.М. Кебедова совсем еще молодой Айуб (Ангута) Омаров из с. Кваната, создавший свою общину среди дагестанцев в Астрахани. Его сторонники выступали за создание исламского государства в Дагестане. Дагестан, власти которого „погрязли в неверии (*ширк*)”, А. Омаров считал „территорией войны” (*дар ал-харб*), на которой шариатом позволено вести „священную войну” (*малый джихад*) с неверными. Однако, по имеющимся у меня сведениям, никто из них не принимал участия ни в российско-чеченских войнах, ни в терактах на Северном Кавказе и центральной России.¹¹³

Военизированных групп, которых так боятся дагестанские и федеральные власти, среди „ваххабитов” первоначально не было. Они появились скорее как реакция на действия сил МВД и федеральных войск, а также на усилившиеся гонения против „ваххабитов”, ближе к концу российско-чеченской войны 1994-1996 годов. Тогда чеченец иорданского (или саудовского) происхождения, скрывающийся под псевдонимом Хаттаб, организовал в дагестанском с. Кармахи военизированную школу для подготовки „братьев” к джихаду. Позже он с отрядом местных ополченцев перебрался в Чечню и включился

¹¹¹ Бобровников В.О. Абреки и государство: культура насилия на Кавказе // *Вестник Евразии*. 2000, № 1 (8), 40.

¹¹² Подробнее об этом см.: Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. Ваххабиты на Северном Кавказе // *Ислам на территории бывшей Российской империи*. М., 1999, вып. 2, с. 21-23.

¹¹³ Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в Дагестане и Москве в 1996-1999 гг.

в партизанскую борьбу с федеральными войсками. Центр по военной подготовке „ваххабитов” продолжал действовать в Карамахи под руководством Джаруллы Гаджибагомедова.¹¹⁴

В мае 1998 г. карамахинцы разгромили сельское отделение милиции и изгнали со своей территории представителей дагестанских властей, объявив себя отдельной исламской территорией, управляющейся по законам шариата. В то же время в Чечне о своей солидарности с дагестанскими „братьями” объявил Конгресс народов Ичкерии и Дагестана (КНИД) под руководством М. Удугова. В декабре 1998 г. КНИД „в интересах безопасности Чеченского исламского государства, а также за торжество исламских идей во всем мире (так в тексте обращения – В.Б.)” сформировал Исламский миротворческий батальон. Руководство им было поручено Хаттабу и известному террористу и полевому командиру Шамилю Басаеву.¹¹⁵

Правительство РФ преувеличивает роль арабских миссионеров и финансовой поддержки из Саудовской Аравии в возникновении „ваххабизма”. Судя по моим полевым материалам, которые я собрал на родине Б.М. Кебедова, движение зародилось в Дагестане еще в середине 70-х годов.¹¹⁶ Тогда никаких денег и миссионеров из арабских стран здесь конечно не было. Начало финансовой поддержки Б.М. Кебедова и его сторонников из-за рубежа относится к началу 90-х годов, когда окончательно пал „железный занавес”, более 70-ти лет отделявший северо-кавказских мусульман от их зарубежных единомыслителей. Размеры финансовой помощи сильно завышаются. Ходят совершенно нелепые слухи, что за каждого новообращенного „ваххабита” получают от нескольких сот до нескольких тысяч долларов США. Но никаких фактов, подтверждающих эти слухи, пока не опубликовано.

Как мы убедимся ниже, некомпетентность в вопросах современного религиозного и социального положения на Северном Кавказе существенно ослабляет эффективность федеральной программы реформ в регионе.

II. Программа религиозных и социальных реформ

В 1994-1999 годы правительство Ельцина разработало вместе с Госдумой и Советом Федерации целый комплекс нормативных актов, при помощи которых в начале третьего тысячелетия оно надеется стабилизировать религиозную и социальную обстановку на Северном Кавказе. Среди них только часть непосредственно относится к этому региону, остальные же касаются всех субъектов РФ, но в них важное место отведено Северному Кавказу. Можно выделить два основных направления реформы федерального законодательства: религиозно-политическое и социально-экономическое. Рассмотрим сначала первое.

Его стержнем стал федеральный закон „О свободе совести и религиозных объединениях”. Как известно, вокруг него в Госдуме развернулась серьезная борьба между сторонниками либерального и жесткого отношения государства к нетрадиционным религиям и зарубежной миссионерской деятельности. Законопроект лоббировала Русская Православная Церковь (РПЦ). Против него выступила российская исламская оппозиция, в том числе глава СМР Н.М. Хачилаев. Закон также подвергся резкой критике со стороны правительства США и тех стран Запада, в которых сосредоточены основные протестантские центры, ведущие миссионерскую деятельность в России. Под нажимом из-за границы 23 июля 1997 г. президент Ельцин наложил на закон вето.¹¹⁷ Однако после трех чтений в Госдуме он был все таки утвержден ею, а 26 сентября 1997 г. подписан президентом.

¹¹⁴ Полевой материал Д. Нечитайло, опубликованный в изд.: *ИГ-Религии*, 24.11.1999, с. 4. Ср.: *Мусульмане*. 1999, № 2 (3), с. 69-70.

¹¹⁵ *Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А.* Ваххабиты на Северном Кавказе, с. 22.

¹¹⁶ Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в Цумадинском, Хасавюртовском и Кизилюртовском районах РД в 1992-1997 гг.

¹¹⁷ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 26, ст. 3009, № 28, ст. 3382 и 3357, № 39, ст. 4515; ср.: *Московский комсомолец*. 11.11.1997; *Roschin M. Legislating Religion // War report*. November 1997, p. 40.

Принятие этого закона знаменует собой поворот российской религиозной политики к более жесткому контролю со стороны государства за религиозными общинами, в том числе и исламскими. Действовавший до него федеральный закон „О свободе вероисповеданий”, принятый Верховным Советом РСФСР в 1990 г., не ставил препон миссионерской деятельности, созданию новых приходов, открытию церквей и молельных домов, религиозных школ, распространению религиозной литературы и прессы. Впервые после почти семидесятилетних преследований он на деле гарантировал северокавказским мусульманам и представителям других конфессий свободу совести и право на создание религиозных организаций. Подобные гарантии давал верующим Дагестана закон „О свободе совести и религиозных организациях”¹¹⁸, принятый Верховным Советом ДАССР 5 мая 1991 г.

Новый федеральный закон о свободе совести подтвердил светский характер государства (Статья 4.1) и права граждан России, а также иностранных подданных, находящихся на ее территории, „исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними” (Статья 3.1)¹¹⁹. Вместе с тем преамбула к закону утвердила приоритет ислама наряду с РПЦ, и другими традиционно существовавшими на территории страны конфессиями, которые российское руководство обязуется уважать и поддерживать. Ислам назван среди религий, „составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России”¹²⁰.

Существенно ограниченными оказались права „нетрадиционных” религиозных объединений, под которыми понимаются движения, появившиеся в России в постсоветское время. Для них был введен 15-летний испытательный срок. Теперь они могут существовать только при условии ежегодной перерегистрации (Статьи 11; 27.3)¹²¹. Кроме того, они не имеют права на материальную и иную поддержку со стороны федеральных и республиканских властей, их священнослужители не освобождаются от военной службы, им запрещено открывать религиозные школы и давать религиозное образование детям, проводить религиозные обряды в лечебных и исправительных учреждениях, издавать и распространять религиозную литературу, иметь при себе иностранные религиозные представительства и приглашать из-за рубежа проповедников и других религиозных деятелей (Статьи 27.3; 3.4; 5. 3 и 4; 13.5; 16.3; 17. 1 и 2; 18.2; 19; 20.2)¹²².

Вслед за новым федеральным законом Народное Собрание РД утвердило 30 декабря 1997 г. новый республиканский закон „О свободе вероисповедания и религиозных организациях”. Он заменил „Закон о свободе совести и религиозных организациях”, действовавший в Дагестане с мая 1991 г. Его принятию также предшествовала долгая борьба между республиканскими властями, национальной и исламской оппозицией. После всенародного обсуждения и первого чтения законопроекта в Народном Собрании 27 февраля 1997 г. его подвергли существенной правке. Дагестанский закон отнюдь не копирует текст федерального. В нем нет 15-летнего „ценза” для нетрадиционных религий, ведь перешагнуть его кроме РПЦ не сможет ни одна дагестанская религиозная организация. В то же время, закон продолжает федеральный курс на ужесточение государственного контроля за религиозными общинами и разграничение „традиционных” и „нетрадиционных” конфессий¹²³. Для этого ряд общероссийских норм здесь конкретизирован применительно к северо-кавказской специфике.

¹¹⁸ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990, № 21, ст. 240, 241; Собрание законодательства Российской Федерации. 1995, № 5, ст. 346; Дагестанская правда. 14.05.1991.

¹¹⁹ Федеральный закон „О свободе совести и религиозных объединениях” от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 39, ст. 4465, с. 7667-7668.

¹²⁰ Кроме православия и ислама в этот список входят также „буддизм, иудизм и другие религии (под последними подразумеваются языческие культуры народов Севера – В.Б.)”. Ислам занимает в нем второе место. См.: Федеральный закон „О свободе совести и религиозных объединениях” // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 39, ст. 4465, с. 7666.

¹²¹ Там же, с. 7671-7672, 7677.

¹²² Там же, с. 7677-7678, 7667, 7669, 7673, 7674-7676.

¹²³ Дагестанская правда. 6.03.1997; Собрание законодательства Республики Дагестан. 1997, № 12.

Если федеральный закон лоббировала РПЦ, то его дагестанский вариант – Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД), главным врагом которого являются местная исламская оппозиция. Поэтому в нем появились положения, запрещающие мусульманским общинам, не зарегистрированным в ДУМД, иметь свои мечети и религиозные школы, издавать и распространять исламскую литературу, поддерживать связи с арабскими миссионерскими организациями (Глава I, Статьи 4, 7; Глава III, Статья 12; Глава IV, Статьи 15, 22)¹²⁴. В дагестанский закон введено положение о том, что „религиозной организации может быть отказано в государственной регистрации.., если на территории, на которой данная религиозная организация предполагает действовать, уже существует ранее зарегистрированная религиозная организация с тем же названием” (Глава IV, Статья 19)¹²⁵. Для Дагестана это означает запрет не признающих власти муфтията мусульманских общин, поскольку они, как и зарегистрированные отделения ДУМД, называются „мусульманскими джамаатами” (т.е. примечательными общинами).

Следует отметить, что в федеральном и дагестанском законах по сравнению с законами 1990-1991 годов лучше учтены особенности современной религиозной ситуации в целом в РФ и в ее регионах. Так, например, в новом федеральном законе религиозные организации разделены на имеющие отделения в разных регионах („централизованные”, Статья 8.2, 5, 6; Статья 9.2), внутрорегиональные („местные”, Статья 8.2-3; Статья 9.1) и локальные („религиозная группа”, Статья 7)¹²⁶. В дагестанском законе от 5 мая 1991 г. неоправданно много места уделялось монастырям и религиозным миссиям (Статьи 11, 14, 18, 28), которых в республике не было. В тоже время в нем ни разу не упомянуты наиболее характерные для Дагестана понятия „ислам”, „мечеть” и „джамаат” (община при мечети). В редакции 1997 г. эта диспропорция была устранена¹²⁷.

В новых законах есть и серьезные просчеты. Оба они не могут действовать сами по себе. Для того, чтобы начался предусмотренный ими процесс регистрации и перерегистрации религиозных объединений, должны быть разработаны и опубликованы обширные комментарии к обоим законам и ряд нормативных актов, которые сейчас разрабатываются правительствами РФ и РД. Поэтому, в частности, РПЦ даже при поддержке Госдумы не смогла возбудить уголовное дело против компании НТВ, нарушившей пункт 6 статьи 3 и статью 26 федерального закона, после того, как она показала 9 ноября 1997 г. по российскому телевидению фильм „Последнее искушение Христа”, оскорбивший религиозные чувства верующих-христиан¹²⁸.

Наряду с разработкой религиозного законодательства федеральный центр попытался приостановить углубление социального кризиса на Северном Кавказе. Еще в 1990 г. была принята „Декларация о защите прав и свобод граждан Российской Федерации”. Однако, по признанию бывшего президента Ельцина, в России часто „провозглашались новые права и свободы, но не предусматривались „механизмы их реализации, гарантии и ответственность”¹²⁹. Закрыть эту брешь должны были нормативные акты 1995-1999 годов.

По мысли федеральных законодателей, для стабилизации социальной обстановки в Дагестане и шире – на Северном Кавказе, – одновременно проводится целый ряд мероприятий на трех уровнях:

124 Там же. 1998, № 1, ст. 123.

125 Там же, с. 237.

126 Федеральный закон „О свободе совести и религиозных объединениях” // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 39, ст. 4465, с. 7669-7671; ср.: *Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР*. 1990, № 21, ст. 240.

127 Закон Дагестанской Автономной Советской Социалистической Республики „О свободе совести и религиозных организациях” // *Дагестанская правда*. 14.05.1991; *Собрание законодательства Республики Дагестан*. 1998, № 1, ст. 123. Ср. мнение о законе 1991 г. тогдашнего главы ДУМД муфтия Б.-Х. Исаева: *Дагестанская правда*. 15.05.1991.

128 См.: Заявление Госдумы „Об Обращении Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации” // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1998, № 2, ст. 245.

129 Послание президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ „Россия, за которую мы в ответе” // *Этнополитический вестник*. 1996, № 2, с. 6.

федеральном, региональном и республиканском. Во-первых, в регионе осуществляется „Программа социальных реформ в Российской Федерации на период 1996-2000 гг”. Ее важнейшие цели: подъем уровня жизни населения; ликвидация скрытой и явной безработицы, рост качества и конкурентоспособности рабочей силы; гарантия конституционных прав граждан на труд, образование, здравоохранение, жилье, в первую очередь для молодежи, женщин и детей; снижение детской смертности; улучшение социальной инфраструктуры. Выполнение программы предусмотрено в два этапа. Второй из них начался в январе 1998 г. В 1998-2000 годах в регионе вводится часовая тарифная ставка. Начато уменьшение налогообложения малоимущих слоев населения. Планируется создание новых и сохранение старых рабочих мест, принятие нового Кодекса законов о труде, широко-масштабная пенсионная реформа и начало реформы социального страхования.

Согласно XI главе Программы, посвященной региональным аспектам реформ, „особое внимание будет обращено на... регионы и территории, попавшие в кризисную ситуацию в результате стихийных бедствий, экологических и техногенных катастроф, военных действий, острых межнациональных конфликтов, а также на регионы, принимающие неконтролируемые потоки беженцев и вынужденных переселенцев. Таким регионам должен быть предоставлен особый статус и оказана помощь, как правило, в рамках специальных федеральных программ”¹³⁰. Северный Кавказ и особенно Дагестан, не оправившийся от последствий российско-чеченской войны и сезонных стихийных бедствий в горных районах, получили такой статус. После этого с сентября 1997 г. в Москве началась разработка „Федеральной целевой программы экономического и социально-политического развития Северо-кавказского региона на период до 2005 года”¹³¹. В ней приняли участие центральные и республиканские министерства по делам национальностей и экономики.

Кроме вышеперечисленных широкомасштабных программ власти РФ участвуют в долевым субсидировании дагестанских региональных мероприятий. Это действующие с 1992 г. социально-экономические программы „Горы” и „Дагестанский Юг” и начатая в 1993 г. программа „Дагестанский Север”. Как известно, социально-экономический кризис, охвативший Дагестан после распада СССР, сильнее всего сказался на положении этих регионов. В ходе постепенной реализации трех программ к 2001 г. власти рассчитывают поднять здесь уровень жизни при помощи возрождения местной сельской экономики, прекращения оттока из них основной массы трудоспособного населения. Другая цель программ заключается в укреплении правопорядка, особенно сильно пошатнувшегося в пограничных с Чеченской республикой северных районах РД.

Осуществление дагестанских региональных программ возможно только благодаря финансовым дотациям из Москвы. С 1995 г. около 15% федерального бюджета стало перераспределяться между субъектами федерации. Только в 1997 г. трансферы из федерального фонда поддержки субъектов РФ для Дагестана составили 4 трлн. (неденоминированных) руб. В том числе из средств Государственного фонда занятости республике было выделено 14 млрд. руб. на погашение задолженности в выплате пособий безработным, 8 млрд. руб. – от Фонда обязательного медицинского страхования на территориальные программы по охране материнства и детства. За счет дотаций из федерального бюджета только в 1997 г. из местного населения были укомплектованы дополнительные подразделения дагестанской милиции и ОМОН, численностью в 1000 человек.¹³² Кроме того, с 1995 г. для перестройки дагестанской экономики федеральные власти разрешили привлекать на конкурсной основе средства

130 Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 10, ст. 1173, с. 2109.

131 Постановление Правительства РФ от 28 августа 1997 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 36, ст. 4186, с. 7196-7197.

132 Новое дело. 14.06.1997, с. 1; Постановление Правительства РФ от 10 сентября 1997 г. о неотложных мерах по стабилизации и развитию экономики Республики Дагестан” // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 37, ст. 4307

иностранных государств и банков под гарантии российского правительства. В 1997-1998 годы было предусмотрено привлечение в Дагестан иностранных капиталов на сумму до 300 млн. долларов США.¹³³

На первый взгляд, такая широкая комплексная система мер, кажется, имеет все шансы на успех. Однако, на деле социальная программа, разработанная федеральным центром, не свободна от недостатков. Во многом ее эффективность снижается из-за коррумпированности органов исполнительной власти в Москве и на Северном Кавказе. Коррупцию госаппарата признают сами федеральные власти, но избавиться от нее им пока не удается. По словам Б.Н. Ельцина, „сегодня это явление стало вызывающим, масштабы его опасно расширились“¹³⁴. По этой причине значительная часть федеральных выплат в республиканский бюджет, захваченный на откуп коммерческими банками, не доходит до дагестанцев. Несмотря на обилие постановлений Госдумы об упорядочении оплаты труда¹³⁵ остается задолженность по заработной плате и пенсиям работникам бюджетной сферы. В особенно тяжелом положении оказались врачи и учителя. Последние неоднократно проводили в 1997-1999 годы забастовки и демонстрации протеста в Махачкале и других городах республики.¹³⁶ Вышеприведенные факты свидетельствуют, что основные задачи первого этапа федеральной Программы социальных реформ в Дагестане выполнить не удалось.

Несмотря на широко разрекламированные федеральные и региональные программы социального и медицинского страхования по уровню жизни Дагестан продолжает занимать 87 место в РФ. В 90-е годы увеличилась смертность, в основном детская. 40% детей рождается больными. Прожиточный минимум здесь – один из самых низких в стране. На 1 января 1999 г. службой занятости были зарегистрированы 64,5 тыс. безработных, к которым нужно прибавить около 70 тыс., охваченных скрытой безработицей. Пособие по безработице получают лишь 17,2 тыс. чел.¹³⁷ По результатам проверки Счетной Палаты РД, более 55% многодетных семей в Дагестане являются остро нуждающимися. В наиболее тяжелом положении оказались горные районы республики. Самый низкий среднедушевой доход в многодетных семьях Ахвахского, Ахтынского, Ботлихского, Лакского, Хивского и Цумадинского горных районов. Тут остро не хватает сельских учителей и врачей. Больницы есть только в районных центрах, регулярное транспортное сообщение с которыми часто прерывается зимой. Судя по моим личным наблюдениям, в Цумадинском и Рутульском районах на двадцать-тридцать тысяч населения приходится один хирург и 8-10 больничных коек в районном стационаре.¹³⁸

Существенный недостаток социальной политики федеральных властей в Дагестане и на всем Северном Кавказе – чрезмерное абстрагирование от местной специфики. В этом отношении нормативные акты последних лет напоминают партийно-правительственные документы времен „застоя“. Вроде бы в них учтены все важные направления социального развития, и при этом не сказано ничего конкретного. Из социальных проблем постсоветского Кавказа и Дагестана федеральные программы умалчивают о массовом бегстве из региона русских в Центральную и Южную Россию и горских евреев в Израиль. Между тем, в 1991-1999 годы из Дагестана уже выехали более 11,5 тыс. русских, 5,1 тыс. горских евреев и татов. Только в 1997 г. эмиграция из республики составила 1298 человек. Большинство из них – горожане из Махачкалы, Дербента, Каспийска, Кизляра, Кизилюрта.¹³⁹ Выезд русских и горских

¹³³ Там же. Ср.: *Новое дело*, 09.05.1997, с. 2.

¹³⁴ Послание президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ „Россия, за которую мы в ответе“ // *Этнополитический вестник*. 1996, № 2, с. 7. Ср. проект закона о борьбе с коррупцией: *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 49, ст. 5578.

¹³⁵ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 1, ст. 21; № 43, ст. 5525; № 26, ст. 300; № 47, ст. 5358; № 9, ст. 1049, 1086; № 13, ст. 1497, 1519; № 24, ст. 2740, 2442; № 28, ст. 3417; № 51, ст. 5731 и проч.

¹³⁶ *Аргументы и факты. Дагестан*. 1997, №20, с. 2, № 22, с.2; Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в 1997 г.

¹³⁷ *Дагестанская правда*, 16, 22, 27, 2.03.1999; *Махачкалинские известия*, 29.01.1999. Ср.: *Новое дело*, 13.01.1995, с. 3; *Профсоюзная трибуна*, №№ 7-8, 1996, с. 4.

¹³⁸ *Новое дело*, 14.04.1997; Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в 1997 г.

¹³⁹ *Дагестанская правда*, 12, 25.01.1994; *Махачкалинские известия*, 21.01.1994, *Новое дело*, 17.05.1997, с. 8. Ср.: Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в 1997 г.

евреев, в основном, занятых в социальной сфере и промышленности, наряду с развалом военно-промышленного комплекса нарушил нормальную жизнедеятельность крупнейших городов Дагестана. Однако эта проблема пока не очень беспокоит федеральные власти.

Кроме того, даже успех федеральной социальной программы отнюдь не означает автоматического решения проблемы „ваххабизма”. Как уже говорилось выше, в правительственных кругах укоренилось превратное представление о том, что „ваххабиты” появились на Северном Кавказе вследствие углубляющегося экономического кризиса и падения жизненного уровня местного мусульманского населения. Однако, это представление совершенно не подтверждается фактами. Судя по моим полевым материалам, первоначальные общины „ваххабитов” – в городах Кизилюрте и Астрахани, селениях Первомайское, Карамахи, Чабанмахи и Кадар, – состояли главным образом из состоятельных средних слоев населения. В постсоветское время главным источником их существования была транзитная торговля между Ираном, Азербайджаном и Южной Россией. Даже московские журналисты, побывавшие в Карамахи, отметили, что здесь редкая семья не имеет своего КАМаза.¹⁴⁰

III. Союз с „традиционным” исламом и борьба с „ваххабизмом”

Проведение в жизнь разобранной выше программы религиозных и социальных реформ в Дагестане и в целом на Северном Кавказе возможно только при условии постоянного взаимодействия светских и религиозных властей на федеральном, республиканском и местном уровнях. Руководство РФ давно уже осознало эту необходимость, но только в последнее время у него появились реальная возможность наладить такое взаимодействие.

Дело в том, что в во время распада СССР и десоветизации России существенно ослабленными оказались прежние иерархические связи между субъектами Федерации и Москвой. Правительство и органы госбезопасности потеряли былой контроль над мусульманской общиной республики, а это 90,9% всех дагестанцев. В 1989-1992 годы Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК) распалось на ряд самостоятельных республиканских муфтиятов. В столице Дагестана было создано Духовное управление мусульман Дагестана (ДУМД), в свою очередь расколовшееся на национальные муфтияты на III съезде мусульман республики в феврале 1992 г. Новое аварское руководство ДУМД, пришедшее к власти 29 февраля 1992 г., поддержали в основном аварцы. В 1992-1994 годы от него откололись самостоятельные Кумыкское (КДУ) и Лакское духовные управления в Махачкале и даргинский Казият в Избербаше.¹⁴¹ В 1999 г. появилось еще одно, „ногайское”, Духовное управление мусульман в райцентре Ногайского района РД с. Терекли-Мектеб.

С середины 90-х годов начался обратный процесс восстановления связей между религиозными и светскими властями Дагестана, Северного Кавказа и Москвы. Причем инициатива их воссоздания исходила не из Москвы, а от местного, признанного властями республики мусульманского духовенства, объявляющего себя сторонниками „традиционного” ислама и врагами „ваххабитов”. К сентябрю 1994 г. ДУМД смогло сплотить вокруг себя подавляющее большинство мусульманских общин, зарегистрированных в республике (850 из 1270). В мае 1995 г. Совет Алимов ДУМД распорядился „1. создать Советы (*шура*) мечетей при всех джума-мечетях республики. 2. создать районные Советы духовенства, состоящие из имамов Совета мечетей каждого населенного пункта данного района. 3. создать Верховный Совет духовных авторитетов при Духовном Управлении мусульман Дагестана из председателей районных Советов Духовенства”.¹⁴²

¹⁴⁰ *Известия*, 29.08.1998.

¹⁴¹ Подробнее об этом см.: *Bobrovnikov V. The Islamic Revival and the National Question in Post-Soviet Daghestan // Religion, State and Society*. (Oxford, 1996, vol. 24, no 2/3), p. 235-236.

¹⁴² *Ас-салам*, 1995, № 1.

С другой стороны, ДУМД образовало сильное лобби в Верховном Совете РД через Исламскую партию Дагестана (ИПД), к которой принадлежало и само руководство муфтията. 26 февраля 1994 г. под нажимом ИПД был принят закон о запрете в республике всех прочих кроме ДУМД духовных управлений мусульман. После столкновений 12 мая 1997 г. „ваххабитов” с „традиционалистами” в Буйнакском районе ДУМД направило правительству РД обращение с требованием „законодательного запрета агрессивно-реакционных религиозных течений (т.е. „ваххабизма” – В.Б.)”¹⁴³.

В августе 1998 г. по инициативе ДУМД и ряда других северо-кавказских муфтиятов для совместной борьбы с „ваххабизмом” в Назрани был создан Координационный центр мусульман Северного Кавказа (КЦМСК). Кроме Дагестана в нем представлены Духовные управления мусульман (ДУМ) Чеченской Республики, Республики Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Ставропольского края, Адыгеи, Северной Осетии-Алании. Его председателем был избран муфтий Ингушетии и председатель ДУМ республики Магомед Албогачев.¹⁴⁴ По словам учредителей КЦМСК, их цель – „воспрепятствовать силам, пытающимся отделить Северный Кавказ от России”. На заседании Центра в феврале 1999 г. новый муфтий Дагестана и глава ДУМД Ахмад-хаджи Абдуллаев признал долговременной целью КЦМСК „организацию совместной деятельности с Государственной Думой РФ... по установлению политической стабильности и религиозного согласия в регионе, а также противодействие религиозным течениям экстремистского характера (ваххабизм и др.)”¹⁴⁵.

На федеральном уровне ДУМД вышло на руководителей правопреемника общесоюзного КГБ – Федеральной службы безопасности (ФСБ). Уже весной 1994 г. в Управлении ФСБ по РД состоялась встреча представителей спецслужбы с тогдашним главой ДУМД М. Дарбишевым, его заместителем С.-М. Абубакаровым и председателем ИПД С. Асиятиловым. На встрече, по словам муфтия, обсуждались перспективы совместной борьбы ФСБ и ДУМД „с преступностью, противостояния ваххабизму – реакционному течению в исламском мире, культу насилия, аморализму...” установления контроля за набором дагестанцев в исламские университеты за рубежом. Связи муфтията с органами госбезопасности укрепились в 1996-1997 годах. В отношении борьбы с „ваххабизмом” Управление ФСБ по РД как правило поддерживает ДУМД и его руководителей.¹⁴⁶

Важно отметить, что ДУМД, пытаясь контролировать все созданные на территории республики муфтияты и подчиняющиеся им мусульманские общины, само не захотело полностью подчиняться республиканским и федеральным властям. Поэтому оно в штыки приняло создание 23 декабря 1993 г. *Управления по делам религий* при Совете министров РД (позднее переименованного в Комитет по делам религий – КДР), расценив это как „антиконституционное вмешательство в дела верующих”¹⁴⁷.

Но уже к концу 90-х годов между ДУМД с одной стороны, КДР, Государственным Советом и Народным Собранием РД – с другой, установились прочные контакты. Выходцы из коммунистической номенклатурной верхушки, вставшие во главе постсоветского Дагестана, сегодня выступают за союз с „традиционным исламом”. Председатель Народного Собрания М.Г. Алиев в своей недавней речи так определил их нынешнее кредо: „Без религии нет нашей истории и мы будем помогать нашим традиционным религиозным течениям... и укрепим в этих целях позиции Духовного управления”¹⁴⁸. Правительство РД оказывает немалую финансовую помощь ДУМД. Например, в октябре 1998 г. оно выделило ему 250 тыс. руб. из республиканского бюджета.¹⁴⁹

¹⁴³ *Дагестанская правда*, 26.02.1994; *Аргументы и Факты. Дагестан*. 1997, № 22, с. 1.

¹⁴⁴ Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации, с. 18.

¹⁴⁵ *Ас-салам*, 1999, №5.

¹⁴⁶ *Дагестанская правда*, 06.04.1994; *Аргументы и факты. Дагестан*. 1997, №22, с. 1; Нурул ислам. 1997, № 5, с. 2; Новое дело. 21.11.1997.

¹⁴⁷ *Дагестанская правда*, 27.01.1994; *Северный Кавказ*, 29.01.1994, с.1.

¹⁴⁸ Цит. по работе: *Шихсаидов А. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ*. 1999, № 4 (5), с. 113.

¹⁴⁹ Мусульманские духовные организации и объединения Российской Федерации, с. 31.

В настоящее время ДУМД оказывает немалое влияние на религиозную политику дагестанских властей. После столкновений федеральных сил с „ваххабитами” в Буйнакском районе в августе-сентябре 1999 г. при лоббировании ДУМД Народное Собрание Республики Дагестан приняло 16 сентября 1999 г. закон „О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан”. Его главной целью было „запретить на территории Республики Дагестан создание и функционирование ваххабитских и иных экстремистских организаций” как „противоречащие Конституции Республики Дагестан” и „угрожающие территориальной целостности республики”(Ст. 1)¹⁵⁰. В конце сентября 1999 г. в Махачкале при республиканском МВД было создано „Отделение по борьбе с ваххабизмом”¹⁵¹.

На деле это постановление представляет собой конкретизацию целого ряда положений, имевшихся в последнем законе РД „О свободе вероисповедания и религиозных организациях” и направленных против нетрадиционных религиозных общин в РД. „Ваххабитам” было запрещено организовывать независимые от ДУМД мечетные общины, молельные дома, школы (Ст. 1, 3). Запрещались деятельность в Дагестане религиозных миссий, распространение и хранение печатных изданий, аудио- и видеоматериалов, вышедших из лагеря „ваххабитов” (Ст. 1). Отправляясь учиться в религиозные вузы за рубежом, дагестанская молодежь теперь должна получить направление ДУМД по согласованию с Управлением по делам религий в РД (Ст. 3). Все религиозные организации на территории республики должны были пройти перерегистрацию в трехмесячный срок с момента ввода закона в силу (Ст. 4). За нарушение положений закона было предусмотрено административное наказание в виде ареста до 15 суток и штрафов в размере от 100 до 500 минимальных оплат труда (Ст. 7).¹⁵²

В новом законе есть серьезные недочеты. Прежде всего, он крайне широко и неясно толкует „ваххабитов и иных экстремистов”. Есть серьезная опасность, что под это определение могут подпасть все политические и идеологические враги нынешнего руководства ДУМД. Кроме того, создатели закона фактически предлагают вернуться к чисто советской практике администрирования при решении религиозных вопросов. Однако в настоящее время ни у дагестанских, ни у федеральных властей и тем паче у ДУМД нет реальных сил, чтобы воплотить в жизнь все положения закона и установить строгий контроль над деятельностью религиозных организаций на территории республики. Религиозные же гонения могут только усилить „ваххабитов”, ушедших в подполье в последнее время.

Федеральное руководство в свою очередь пришло к идее сотрудничества с представителями ислама и других традиционных религий. Но произошло это только в последние годы. Его контакты с ними начались во второй половине 90-х годов при разработке нового религиозного законодательства РФ, о котором речь шла выше. В июне 1995 г. при президенте РФ был создан Совет по взаимодействию с религиозными объединениями. Его председателями назначались часто сменявшие друг друга руководители Администрации президента РФ. В члены совета были включены иерархи РПЦ, Армяно-григорианской церкви и других „традиционных конфессий”. Интересы ДУМД и других северокавказских муфтиятов в Совете защищал председатель Совета муфтиев России, председатель ДУМЕР Р. Гайнутдин.¹⁵³ За последний год состав Совета не раз менялся, однако РПЦ, представленная в нем тремя иерархами, постоянно сохраняла в нем значительное влияние. Плодом работы Совета был разбавившийся выше федеральный закон „О свободе совести и религиозных объединениях”.

Подобные совещательные органы с участием представителей РПЦ, Духовных управлений мусульман Центральной России и Поволжья были созданы в 1995-1996 годы при федеральном правительстве

¹⁵⁰ Дагестанская правда, 24.09.1999.

¹⁵¹ Бобровников В.О., Ярыкапов А.А. Ваххабиты на Северном Кавказе // Ислам на территории бывшей Российской империи. М., 1999, вып. 2, с. 22.

¹⁵² Дагестанская правда, 24.09.1999.

¹⁵³ Распоряжение Правительства РФ от 13 октября 1996 г. № 505-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996, № 43, ст. 4909; Распоряжения Президента РФ от 14 мая 1997 г. № 185-рп и от 17 декабря 1997 г. № 529-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 20, ст. 2269, № 51, ст. 5801. Ср. интервью с А.В. Логиновым: *Московский комсомолец*. 11.11.1997.

и парламенте. В Правительстве РФ вопросы религиозной и социальной политики курирует Комиссия по вопросам религиозных объединений под руководством министра труда и социального развития РФ. В Госдуме религиозно-социальные реформы проходят через Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций. Большой вес в обеих организациях имеют ныне представители российских конфессий, признанных традиционными, в первую очередь РПЦ.¹⁵⁴ ДУМД и другие „традиционалисты” с Северного Кавказа здесь не представлены. Однако благодаря участию в их работе таких исламофобов, как например К.М. Цаголов, отношение разрабатываемых здесь законопроектов к исламу здесь как правило негативно.

В последнее время федеральное правительство ищет постоянных контактов с религиозными и светскими и руководителями не только на республиканском, но и на местном уровне. Для этого еще в 1993 г. были начаты перестройка и укрепление органов исполнительной власти в субъектах федерации. Вместо упраздненных низовых советов в регионах были образованы органы местного самоуправления (ОМС). В Дагестане они появились позже, чем в других республиках Северного Кавказа – только в конце 1995 г. В них вошли и местные исламские лидеры, большинство из которых поддерживают ДУМД.¹⁵⁵ По мысли российских законодателей, ОМС продолжают традиции возрождающейся здесь дореволюционной самоуправляемой общины и институтов „народной дипломатии”¹⁵⁶. В 1996-1999 годы ОМС Дагестана и других субъектов федерации были значительно усилены за счет переданных им широких управленческих функций и средств из республиканского бюджета.

Координацию всех трех уровней власти – местной, региональной и центральной, – стали осуществлять полномочные представители президента РФ в регионе. Положение о них было подписано президентом еще 5 февраля 1993 г. и несколько видоизменено в 1995 и 1997 годах. Обязанностью полномочных представителей президента РФ стало „информировать президента о политическом, социальном и экономическом положении” в регионе; „взаимодействовать” с органами исполнительной власти РФ, субъектов федерации и ОМС, а также „с политическими партиями, иными общественными и религиозными объединениями, действующими в регионе,” для осуществления распоряжений и указов президента.¹⁵⁷

Судить об эффективности сложившейся к настоящему времени федеральной системы религиозного и социального управления Дагестаном и другими субъектами федерации на Северном Кавказе еще рано. Реформа аппарата исполнительной власти здесь не завершена. Однако уже сейчас можно указать на основной просчет федеральной политики в регионе. Создание бесчисленных советов, комиссий и комитетов чрезмерно бюрократизировало госаппарат. Московская и махачкалинская бюрократия, по признаниям самих властей РФ, поглощает значительную часть средств, выделенных на стабилизацию религиозной и социально-политической обстановке в крае.¹⁵⁸

Ни религиозным, ни светским властями пока не удается контролировать религиозную и социальную обстановку в Дагестане и в целом на Северном Кавказе. Судя по итогам последних выборов в Народное Собрание РД, прошедшим в марте 1999 г., ДУМД не пользуется особой поддержкой дагестанских мусульман. Недаром заместитель председателя ДУМД, баллотировавшийся в депутаты, провалился на

¹⁵⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 1997, № 20, ст. 2269, № 51, ст. 5801; № 14, ст. 1720; № 23, ст. 2718, № 47 ст. 5489; № 39 ст. 4488.

¹⁵⁵ Бобровников В. О. Ислам и советское наследие в колхозах Северо-Западного Дагестана // *Этнографическое обозрение*. 1997, № 5, с. 137.

¹⁵⁶ Закон РД „О местном самоуправлении в Республике Дагестан”. Махачкала: Народное Собрание РД, 1995. Постановление Правительства РФ от 11 июня 1997 г. № 568 „Об основных направлениях реформы местного самоуправления в Российской Федерации” // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 34, ст. 3984.

¹⁵⁷ Указы Президента РФ от 5 февраля 1993 г., № 186, от 17 января 1995 г. № 53 и от 9 июля 1997 г. № 696 // *Собрание актов президента и правительства Российской Федерации*. 1993, № 6, ст. 481; *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995, № 4, ст. 282; 1997, № 28, ст. 3421. Ср.: Положение о полномочном представителе Президента Российской Федерации в Республике Адыгея, Республике Дагестан, Кабардино-балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике и Ставропольском крае // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 12, ст. 1420.

¹⁵⁸ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1997, № 48, ст. 5525; № 49 ст. 5578.

выборах. В высший законодательный орган республики не попал ни один из имамов и других религиозных деятелей Дагестана.¹⁵⁹ Вопреки официальному запрету деятельности национальных муфтиятов кумыкские джамааты по-прежнему подчиняются КДУ в Махачкале во главе с Багаутдин-хаджи Исаевым, а большинство даргинских – Казияту в Избербаше под руководством Абдуллы-хаджи Алигаджиева. Большинство мусульманских общин ногайцев признает своим муфтием А.С. Арсланова, председателя Духовного управления мусульман Ногайского района РД.¹⁶⁰ По данным Госкомнаца РД, в 90-е годы открыто возобновили свою деятельность более 20 отделений (*вирдов*) суфийских братств *накибандия*, *кадирия* и *шазилия*, ни одно из которых пока еще не прошло государственной регистрации.¹⁶¹

В 1997-1999 г. по всему Северному Кавказу и отчасти Центральной России началась волна репрессий против „ваххабитов”. Вскоре после теракта против воинской части, расквартированной в Буйнакске, приписанного „ваххабитам”, Б.М. Кебедов с 18-ю последователями вынужден был укрыться от преследований милиции на территории Чечни. Возглавляемое им Кизилюртовское медресе было разгромлено. В Махачкале был закрыт Исламский центр Кавказ, тесно связанный с Б.М. Кебедовым и карамахинским джамаатом. Его руководитель Мухаммед-Шафи Джангишиев был арестован в 1998 г. по обвинению в незаконном ношении оружия и связях с гражданином Кувейта Аби Оваром, руководителем регионального „ваххабитского” центра в Баку.¹⁶² Выпускавшаяся Центром газета „Халиф” была закрыта. После того, как в марте 1998 г. скончался А. Ахтаев, его обширная библиотека арабских книг и рукописей в Губдене была уничтожена.

Наконец, после вторжения на территорию Северного Дагестана отрядов Конгресса народов Ичкерии и Дагестана 30 августа 1999 г. федеральные войска окружили мятежные „ваххабитские” селения Карамахи, Чабанмахи и Кадар.¹⁶³ После длительного штурма они были взяты. Осенью и зимой 1999-2000 годов по Северному Кавказу начались аресты *имамов* „ваххабитов”, уничтожение их газет и книг, видеозаписей проповедей Б. Кебедова, разрушение молельных домов и мечетей. В Карачаево-Черкессии была разогнана объявленная „ваххабитской” партия Имамат Карачая. Ее руководство подверглось аресту.

Однако чисто репрессивными и военными мерами не удастся искоренить „ваххабитское” движение. В Дагестане „ваххабиты” ушли в подполье, но не прекратили своей деятельности. Центр движения переместился в Чечню. Б. Кебедов, обосновался в чеченском с. Урус-Мартан и вскоре нашел себе влиятельных сторонников и покровителей в лице М. Удугова, З. Яндарбиева и Ш. Басаева. Он сформировал организацию „Исламский Джамаат” и Исламскую армию Кавказа, участвующую ныне в российско-чеченской войне. По непроверенным сведениям, она также похищала дагестанских милиционеров с целью обмена их на захваченных федеральными силами чеченских „боевиков”. Есть основания полагать, что Дж. Гаджибагомедов, руководивший обороной Карамахи в августе-сентябре 1999 г., после взятия селения укрылся со своим отрядом в Чечне.¹⁶⁴ К зиме 1999 г. федеральные силы захватили Урус-Мартан. Однако захватить Б.М. Кебедова и уничтожить партизанские отряды „ваххабитов” в Чечне пока не удается.

Гонения на „ваххабитов” в какой-то мере способствовали дальнейшему распространению радикального исламского движения по Северному Кавказу. Вместе с потоками беженцев из районов Чечни, охва-

¹⁵⁹ Шихсаидов А. Ук. соч., с. 112.

¹⁶⁰ Ярлыкапов А.А. Ислам у степных ногайцев в XX веке (историко-этнографическое исследование). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1999, гл. III.

¹⁶¹ Нурул ислам. 1997, № 1, с. 1, 5; ср.: Дагестанская правда, 18.12.1996.

¹⁶² Известия, 14.08.1999.

¹⁶³ The Moscow Times, 1.09.1999; Дагестанская правда, 24.09.1999.

¹⁶⁴ НГ-Религии, 24.11.1999.

ченных военными действиями, они переместились в сопредельные с Чечней республики Северного Кавказа. Общины „братьев”, насчитывающие от нескольких десятков до нескольких тысяч человек, отмечены во Владикавказе, Нальчике, ногайских селах и землячества дагестанцев-переселенцев Нефтекумского района Ставропольского края. Есть сведения о появлении „ваххабитов” в Карачаево-Черкессии. По неофициальным федеральным данным, в последние месяцы 1999 – весной 2000 г. немало „ваххабитов” из Чечни и Дагестана перебрались в Ставропольский край и Астраханскую область. В Астрахани значительно укрепилось радикальное крыло движения, возглавляемое имамом Айубом Омаровым.¹⁶⁵

Несмотря на блокаду Чечни и принятое в сентябре 2000 г. решение МИД РФ о введении визового режима со странами СНГ сегодня уже не возможно помешать развитию связей Северного Кавказа через Закавказье с мусульманскими миссионерскими центрами за рубежом. Благодаря массовому участию дагестанцев в хадже, в который только в 1999 г. отправились около 14 тыс. граждан республики¹⁶⁶, а также развития торговли с арабскими странами через „челноков” и дагестанские коммерческие компании укрепились контакты Дагестана с зарубежным исламским миром. Быстро развиваются культурно-религиозные связи Дагестана с мусульманами Ближнего и Среднего Востока. В Дагестане открыто около десятка „центров знания”, созданных в 1997-1998 годах исламской организацией „Эль-Хайрийя” из ОАЭ. В исламских вузах арабских стран учится сегодня более тысячи дагестанцев.¹⁶⁷ В некоторых из стран Ближнего Востока растет современная дагестанская диаспора.

Довольно активно проявляет себя землячество дагестанцев в знаменитом мусульманском университете ал-Азхар в Каире. Немалую роль в нем играет брат Б. Кебедова Аббас. В начале 90-х годов он участвовал в политической жизни Северного Кавказа. В 1990 г. на учредительном съезде Всесоюзной Исламской партии возрождения (ИПВ) он был избран в состав Совета алимов, а в январе 1991 г. стал ее председателем (*раисом*). Позднее он поехал учиться в ал-Азхар. В настоящее время он почти постоянно живет в Египте, но поддерживает связи со своим братом и „ваххабитами” на Северном Кавказе.¹⁶⁸ Современная религиозная и социальная обстановка в Дагестане пока отодвигает осуществление программы реформ федерального центра, которую мы рассмотрели выше, на неопределенное время.

IV. Выводы

Подведем основные выводы. Анализ реформ, проведенных с участием федеральных властей в Дагестане, показывает, что в 1994-1999 годы произошел крутой поворот в религиозной и социальной политике РФ в северо-кавказском регионе. Правительство Б.Н. Ельцина взяло курс на воссоздание вертикальных иерархических связей между субъектами федерации и федеральным центром, нарушенных в 1991-1993 годы. Этому курсу придерживается и нынешнее руководство страны во главе с В.В. Путиным. В религиозно-социальной области целью Москвы является стабилизация обстановки в регионе и установление контроля над оппозиционными религиозными группировками. Главную угрозу стабильности в регионе федеральное руководство видит в деятельности исламских фундаменталистов, так называемых „ваххабитов”. В значительной степени это представление определяется страхом перед „исламской угрозой”, усилившимся среди московских политиков в 90-е годы.

В союзе с РПЦ, ДУМЕР и ДУМД федеральный центр пытается вытеснить „ваххабитов” с Кавказа. Этой задаче служат закон „О свободе совести и религиозных объединениях”, его дагестанская версия,

¹⁶⁵ Бобровников В.О., Ярлыкапов А.А. Ваххабиты на Северном Кавказе, с. 23.

¹⁶⁶ Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в 2001 г.

¹⁶⁷ Дагестанская правда. 14.06.1997.

¹⁶⁸ Дагестан: этнополитический портрет. Сост. В.Ф. Грызлов. Т. 2, М., 1994, с. 39, 300; т. 4, М., 1995, с. 176; Полевые материалы А. Шурпаева; Полевой материал В.О. Бобровникова, собранный в 1999 г.

закон „О запрете ваххабизма и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан” и комплекс постановлений об укреплении органов местного самоуправления. С другой стороны российские власти хотят вывести республику и регион из глубокого социально-экономического кризиса при помощи усовершенствования трудового, пенсионного, медицинского и страхового законодательств, привлечения в республиканский бюджет новых негосударственных, в том числе и иностранных, инвестиций. Однако эффективность принимаемых мер значительно ослабляется из-за коррумпированности и чрезмерной бюрократизации государственного аппарата.

Еще более серьезным недостатком религиозной политики федеральных и дагестанских властей является их неспособность разобраться в сложной религиозной и социальной ситуации, сложившейся в Северо-кавказском регионе. Появление тут „ваххабитов” связано не столько с экономическим кризисом, сколько с разрушением местной мусульманской культуры и социальными потрясениями, пережитыми северо-кавказскими мусульманами при советской власти. Недаром исламское реформаторское движение зародилось в Дагестане еще в конце 70-х годов, когда экономический кризис еще не поразил республику. Неумелые действия правительства РД обострили обстановку в республике. Во второй половине 90-х годов внутрирелигиозная борьба между различными течениями среди мусульманского духовенства Дагестана вышла на общedaгестанский и даже федеральный уровень. Пойдя на поводу у нынешнего руководства ДУМД, дагестанские и федеральные власти включились в начавшуюся в 1998 г. вооруженную борьбу между „ваххабитами” и „традиционалистами”.

Ставя знак равенства между исламом и политическим экстремизмом, прикрываемым исламскими лозунгами, федеральное и республиканское религиозное законодательство постоянно допускает грубое администрирование, рождающие насилие в виде ответной реакции исламской оппозиции. Расширительное толкование „ваххабизма” таит в себе угрозу начала религиозных преследований инакомыслящих в Дагестане и других северо-кавказских республиках. Причем, поскольку сегодня ни дагестанские, ни федеральные власти не располагают достаточными силами для насильственного подавления „ваххабитов”, радикальное исламское движение начинает уходить в подполье. Религиозные гонения оказываются скорее выгодными для оппозиционных исламских лидеров, приобретающих себе все новых последователей в разных республиках Северного Кавказа и даже в Москве. В последние годы к „ваххабитам” все чаще примыкают политические экстремисты и простые террористы, для которых ислам является удобным прикрытием и оправданием их антироссийской деятельности.

Сегодня назрела необходимость скорейшей корректировки федеральных программ религиозных и социальных реформ в регионе с участием представителей религиозной общественности и квалифицированных специалистов из Дагестана, Москвы и Петербурга в сторону приближения этой программы к реальным потребностям и нуждам северо-кавказских мусульман.

3. Доклад господина Бориса Милошавлевича, Заместителя Федерального Секретаря Секретариата Федеральной Республики Югославия по делам религий

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОГО ОБУЧЕНИЯ В ШКОЛЕ И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РЕЛИГИОЗНЫМИ ОБЩИНАМИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЮГОСЛАВИЯ (СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ)

Концепция сотрудничества между государством и религиозными общинами

Стремясь выработать оптимальный режим взаимоотношений между государством и религиозными общинами, с учетом того факта, что в Югославии, как и во всех странах Восточной Европы, государство на протяжении длительного периода навязывало гражданам атеизм, мы исследовали существующие формы разделения Церкви и государства. Исследование стало первым этапом работы над проектом нового Закона о свободе религии, начатой два года назад. Поначалу мы не имели ни малейшего представления о том, как должен выглядеть такой закон, но понимали, что ввиду существовавших в недавнем прошлом многочисленных проблем во взаимоотношениях государства и религиозных общин, а равно и религиозных общин друг с другом, для регулирования этой сферы необходимо сформировать на федеральном уровне особый орган, имеющий высокие полномочия. Еще не зная, что этот акт станет отражением нашей концепции взаимоотношений государства и Церкви, мы основали на федеральном уровне Министерство по делам религий (аналогичные министерства были созданы также и на уровне отдельных республик – Сербии и Черногории). Основные задачи нового министерства – выработать новую систему взаимоотношений государства и Церкви путем разработки нового Закона о свободе религии, и координировать отношения государства и религиозных общин, а также религиозных общин друг с другом. В ходе работы над законом мы пришли к выводу, что для нашей страны оптимальна модель сотрудничества между государством и церковными/религиозными общинами. Соответственно такой модели, государство может передавать религиозным общинам часть своих обязанностей, если это служит общим интересам.¹⁶⁹

Двухлетний опыт Федеральной Республики Югославия

Начиная с октября 2000 г., после шестидесятилетнего правления жесткого атеистического режима, были созданы условия для выработки нового подхода к взаимоотношениям государства и религиозных общин, как в плане приведения национального законодательства в соответствие с европейским, так и в том, чтобы религия воспринималась в обществе как один из важных аспектов жизни верующего гражданина.¹⁷⁰ В предыдущие годы в Югославии, как и во всех остальных социалистических странах, система образования внедряла среди учеников представление о том, что вера в Бога есть нечто ужасное, отсталое и примитивное. Государственная пропаганда такого отношения к вере, включавшая „этические” нападки на религию как способ манипуляции в контексте классовой борьбы, не только жестко ограничивала право человека на свободу религии и убеждений, но и способствовала последовавшим с распадом бывшей Югославии многочисленным оскорблениям чувств верующих.

¹⁶⁹ По данным переписи населения Югославии 1991 г., (без учета региона Косово и Метохия, а также муниципальных районов Буяновац и Прешево, где перепись была проведена не полностью), 80% населения страны составляют православные христиане (6.988,901), 5,36% – мусульмане (468.713), 6,10% – католики латинского обряда (533.349), 1,02% – протестанты (89,369), 0,01% – иудеи (1.008), 0,005% исповедуют ориентальные культы (520), 0,16% – прочие верования (14,256), 0,09% верующих не относят себя к какой-либо определенной конфессии (8.468), 1,95% составляют атеисты (170.528), еще 5,25% (458,820) не дали ответа.

¹⁷⁰ До второй мировой войны население Югославии делилось на шесть религиозных общин: прихожане Сербской православной церкви, католики латинского обряда, мусульмане, евангелисты, иудеи и греко-католики. После войны были отменены законы, регулирующие взаимоотношения государства и официально признанных религиозных общин, и с тех пор эта сфера оставалась вне права, несмотря на принятие ряда законов (последним в этом ряду стал закон 1977 г. о легальном статусе религиозных общин, отмененный в 1992 г.). В девяностые годы, когда эти законы устарели и потому были отменены на федеральном и республиканском уровнях, взаимоотношения государства и религиозных общин вновь оказались вне правового поля (за исключением Конституции).

Возрождение религиозного обучения как пример сотрудничества государства и религиозных общин

Одним из вопросов, наиболее часто поднимавшихся представителями религиозных общин, было восстановление религиозного обучения в системе образования ФРЮ. В своих выступлениях представители религиозных общин отмечали, что такое решение позволит восстановить справедливость, нарушенную послевоенным решением Министерства образования об исключении религиозного обучения из школьных программ.¹⁷¹

По ряду причин, Федеральное министерство по делам религии (ФМДР) сочло необходимым удовлетворить просьбы религиозных общин о введении предмета „религиозное обучение” в начальной и средней школе в ФРЮ. Во-первых, ФМДР стремилось предоставить государственным школам возможность преподавать религиозные предметы. Во-вторых, экспертная группа юристов ФМДР, сравнив правовые режимы различных европейских стран, пришла к выводу, что в большинстве из них гарантом реализации религиозных свобод является государство, а ФМДР ставит своей целью привести законодательство ФРЮ в соответствие с законодательством большинства стран Европы.¹⁷² Наконец, ФМДР стремилось загладить несправедливость, причиненную авторитарным атеистическим режимом.

Согласно ст. 14 проекта Закона о свободе религии, государство обеспечивает религиозное обучение в государственных школах, тем самым удовлетворяя право налогоплательщиков на то, чтобы их дети проходили такое обучение, и в то же время предоставляя родителям и детям свободу выбирать, в зависимости от их убеждений, будут ли дети посещать занятия по этому предмету. В той же статье говорится, что государство обеспечивает религиозное обучение для тех церквей и религиозных общин, которые перечислены в преамбуле к проекту Закона. В случае, если родители или дети отказываются от религиозного обучения, ученики имеют возможность проходить соответствующий альтернативный предмет, который должен способствовать развитию этических ценностей, гуманизма, толерантности и взаимопонимания между народами.¹⁷³ Поскольку государство не в состоянии обеспечить религиозное обучение для всех зарегистрированных религиозных общин, оно обязано обеспечивать такое обучение лишь для тех общин, которые пользовались этим правом до второй мировой войны.¹⁷⁴ Подобное решение было принято в целом ряде стран, и считается, что оно не приводит к дискриминации малых религиозных общин. Поскольку уроки религиозного обучения могут проводиться в том числе и педагогами, уже преподающими в школе другие дисциплины, в пункте 5 ст. 14 проекта Закона особо отмечается право педагога отказаться от преподавания религиозного предмета. То же положение гарантирует право религиозных общин выдвигать и одобрять кандидатуру учителя, который будет преподавать в данной школе религию данной общины.¹⁷⁵

Поскольку основная идея состояла в том, чтобы загладить несправедливость, право на религиозное обучение было предоставлено „старым”, „традиционным” общинам.¹⁷⁶ Малые религиозные общины,

¹⁷¹ Вплоть до вступления в силу первого учебного плана для пореформенной начальной школы 8 июля 1949 г., школьные учебные планы и программы подвергались изменениям, в особенности в первые семь лет после второй мировой войны (в 1947 г. одновременно существовало даже два варианта учебных планов и программ). Первый исправленный учебный план, опубликованный в 1945 г., принципиально не отличался от учебных планов, существовавших в довоенной Югославии, и религиозному обучению в нем отводился один час в неделю с первого по четвертый класс. Этот план действовал лишь в течении первого полугодия 1946-47 учебного года, поскольку 8 февраля 1947 г. Министерство образования Народной Республики Сербия опубликовало второй вариант учебного плана и программы, предусматривавший лишь 9 учебных предметов вместо 11 – из него были исключены религиозное обучение и вышивание. „Вышивание” как учебный предмет было вновь включено в третий вариант учебного плана, вышедший пять месяцев спустя, 20 сентября 1947 г.

¹⁷² Только в четырех европейских странах (Франции, Словении, Албании и Македонии) религия не преподается в государственной школе.

¹⁷³ Проект Закона, прим. 14 к ст. 14. Религиозное и гражданское обучение – факультативные предметы, преподающиеся в первом и втором классах начальной и средней школы. Эти предметы будут введены и в последующих классах начальной школы, после того, как в эти классы перейдут ученики, обучавшиеся в 2001/2002 гг. в первом и втором классах начальной и средней школы.

¹⁷⁴ *Id.*

¹⁷⁵ *Id.*

¹⁷⁶ Общины, имевшие законный статус в Югославии до второй мировой войны (православные, католики, мусульмане, иудеи, евангелисты и реформисты).

разумеется, почувствовали себя обойденными вниманием (особенно „большие малые” общины, такие, как адвентисты седьмого дня). Теперь мы пытаемся найти решение для их проблем, особенно в тех местностях, где сосредоточены большие количества верующих этих конфессий.

ФМДР принимало участие в организации преподавания религии в начальной и средней школе. Однако решения о содержании учебных планов и программ лежат в компетенции республиканского Министерства образования, то есть на уровне республиканского правительства. В итоге основная часть работы – в том числе создание комитета при Министерстве образования,¹⁷⁷ в котором представлены религиозные общины, составление учебников, определение статуса преподавателей религиозного предмета, а главное, разработка правил, относящихся к содержанию учебных планов и программ религиозного обучения¹⁷⁸ – выполняется на республиканском уровне путем сотрудничества республиканского министерства по делам религий, министерства образования и представителей религиозных общин, при участии федеральной экспертной группы юристов.¹⁷⁹

Правовые рамки состоявшегося в 2001 г. возвращения религиозного обучения и граждановедения в школьные программы определялись приказом правительства „Об организации и проведении религиозного обучения и преподавания альтернативных предметов в начальных и средних школах”, принятым 27 июля 2001 г., а затем и изменениями, внесенными в законы о начальном и среднем образовании в апреле 2002 г.

С внесением изменений в законы о начальном и среднем образовании в конце апреля 2002 г., система образования Сербии была усовершенствована по трем направлениям. Было упрочено формирование ученика как свободной и ответственной личности, так как религиозное обучение несет в себе самые сильные в истории человеческого общества педагогические ценности; ученики получили возможность лучше понимать европейскую культуру и искусство, строящиеся преимущественно на религиозных сюжетах; было обеспечено соблюдение одного из основополагающих прав человека – права получить воспитание соответственно религиозным убеждениям.

Необходимая квалификация преподавателей религиозного обучения определяется Министерством образования по совместному представлению министра по делам религий, представителей церквей и религиозных общин. Для того, чтобы вести уроки религиозного обучения в начальной школе с первого по четвертый класс, необходимо пройти не менее чем двухлетний курс обучения в колледже, а с пятого по восьмой класс начальной школы и в старших классах – иметь высшее образование.¹⁸⁰

Список преподавателей религиозной дисциплины утверждается Министром образования, также по совместному представлению церквей и религиозных общин. Из ежегодного списка представители церквей и религиозных общин назначают преподавателей в каждую из школ.

Для религиозных общин восстановление религиозного обучения в школах стало главным совместным проектом. Руководители и представители церквей и религиозных общин впервые имели возможность

¹⁷⁷ Организацию и проведение религиозного обучения контролирует комитет, в который войдет по одному представителю каждой из традиционных церквей и религиозных общин и по три представителя от Министерства образования и спорта и Министерства по делам религии. Правительство Республики Сербия назначает членов комитета в соответствии с п. 1 ст. 14 Приказа „Об организации и проведении религиозного обучения и преподавания альтернативных предметов в начальных и средних школах” от 27 июля 2001 г.

¹⁷⁸ Официальная газета Республики Сербия, Образовательный вестник, № 5, 20 октября 2001 г.

¹⁷⁹ Программа религиозного обучения подлежит совместному утверждению министра образования и министра по делам религии Республики Сербия по представлению им проекта, одобренного всеми церквями и религиозными общинами, имеющими право на проведения обучения в школе. Соответственно, учебники и прочие учебные материалы для религиозного обучения также подлежат утверждению при условии согласия всех церквей и религиозных общин.

¹⁸⁰ По религиозному обучению и граждановедению ученикам выставляются описательные оценки, не влияющие на успеваемость ученика.

что-то сделать вместе и увидеть реальные плоды своей работы. Идея сотрудничества государства и религиозных общин была очень быстро воплощена в дело. Даже в ходе войны в бывшей Югославии представители церквей и религиозных общин собирались на конференции и вели дискуссии, но в данном случае они впервые действовали совместно. Первый шаг на пути конструктивного сотрудничества даже важнее, чем восстановление религиозного обучения как таковое. В ходе этой работы началось построение доверия между государством и религиозными общинами, а также между самими общинами. Второй очень важный момент – стало ясно, что государство может и должно строить такое доверие, что оно может положиться на религиозные общины и сотрудничать с ними. Этот положительный опыт совершенно нов для нашей страны, и должен быть сохранен как прочная и здоровая основа для дальнейших шагов по построению доверия в Юго-Восточной Европе. Если государства региона будут признавать авторитет глав религиозных общин и гарантируют соблюдение в обществе религиозной свободы, религиозные общины возьмут на себя часть обязанностей по примирению и станут, в сотрудничестве с государствами, фактором региональной стабильности.

Сотрудничество государств и религиозных общин в Юго-Восточной Европе

Нельзя однозначно утверждать, что войны на территории бывшей Югославии носили религиозный характер. Среда, из которой происходили различные группы населения, принимавшие участие в войнах, была в равной мере атеистической. Однако в годы войны велось повсеместное манипулирование религиозными чувствами и самосознанием. Несмотря на атеистическую пропаганду, религиозные чувства и самосознание существовали и до войны, но в неадекватных формах (в основном религия служила маркером принадлежности к той или иной национальности или этнической группе). Освобождение от коммунистического прошлого сопровождалось формированием и распространением общих для всех религий на Балканах подлинных религиозных ценностей, таких, как уважение к личности. Этот процесс привел к росту и утверждению авторитета глав религиозных общин в посткоммунистических странах региона. Авторитет глав религиозных общин существовал традиционно, и должен быть вновь признан региональными правительствами. Возрождая авторитет религиозных общин, мы надеемся возложить на них часть ответственности за стабильность региона.

Считаясь с главами религиозных общин Юго-Восточной Европы, утверждая их авторитет и возлагая на них ответственность за региональную стабилизацию и примирение, мы создаем благоприятную атмосферу для реального примирения народов Балканского полуострова. Оно может стать итогом постоянного сотрудничества и привести к устойчивому миру на прочной основе.¹⁸¹

¹⁸¹ На базе изложенных здесь идей, планируется провести в Белграде в 2003 г. международную конференцию глав религиозных общин юго-восточной Европы.

В конференции примут участие:

- Руководители и представители религиозных общин Юго-Восточной Европы
- Государственные должностные лица, отвечающие за вопросы свободы вероисповедания и дела религиозных общин (из стран Евросоюза, Юго-Восточной Европы и США)
- Специалисты по отношениям между государством и религиозными общинами
- НПО, некоммерческие и международные организации, действующие в сфере охраны свободы вероисповедания

В числе основных целей конференции будет принятие декларации, где будут перечислены необходимые шаги на пути примирения и построения доверия, и отмечены общие цели, такие, как:

- Выявить сходство и аналогии принятых во всех странах Юго-Восточной Европы моральных принципов в отношении свободы веры.
- Выступить с инициативой постоянного диалога о религиозной свободе, создать необходимые условия и установить такой диалог.
- Добиваться взаимного уважения между религиозными общинами и государствами региона путем долгосрочного взаимодействия между религиозными общинами, государствами, НПО и международными структурами. Можно выделить четыре линии взаимодействия: 1. Государство – религиозная община, 2. Религиозная община – религиозная община, 3. НПО – религиозная община, 4. НПО – государство.
- Избежать опасности взаимонепонимания в будущем, начиная с уровня догматики и вплоть до уважения представителей других религий, путем развития взаимопонимания и толерантности по отношению к религиозным отличиям (хотя каждая религиозная община стремится пополнить свои ряды, разные религиозные группы делают это по-разному). Непосредственным результатом такой работы станет подлинное взаимоуважение.
- Выработать общие цели, объединяющие религиозные силы региона. Взаимоуважение и общие цели порождают конструктивный, рациональный подход к делу, способствующий взаимопониманию и общению, толерантности и построению доверия. Тогда религиозные общины станут фактором стабильности в своих обществах и в масштабах региона.
- Сделать одной из функций государства продвижение сотрудничества на различных уровнях и взаимопомощи между религиозными общинами как внутри каждой страны, так в разных странах.

Создать благоприятную обстановку для сотрудничества на основе 1. баланса региональной и европейской структур (контекста) и 2. существующих исторических условий. Тем самым государство сможет признать авторитет религиозных общин и их лидеров в силу доверия к ним (на основе договоренности), и создать рамки для их ответственности за ход примирения и будущие отношения в регионе.

4. Отчет о работе Третьего рабочего заседания Профессора Герхарда Робберса, Трирский Университет, Германия, Член Консультативного совета экспертов ОБСЕ/БДИПЧ по вопросам религии и убеждений

РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ВОСПИТАНИИ ТОЛЕРАНТНОСТИ И БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

На заседании были рассмотрены различные модели религиозного образования в государственной школе и вопрос об ответственности государства за мир и образование. Полученная картина во многом отражала убеждения, разделяемые всеми участниками; по некоторым вопросам имелись расхождения. Кроме того, внимание участников было обращено на ряд конкретных проблем и трудностей. Выступавшие указали на целый ряд международных документов, затрагивающих вопросы образования. Эти документы должны лечь в основу будущего общества толерантности и взаимного уважения.

Участники были единодушны в том, что религия – неотъемлемая часть личности человека. Школьное образование должно включать в себя религию. Кто именно должен отвечать за преподавание религии – сами религиозные общины, или государство, или школы, или же государственная школа должна предоставлять ученикам время и место для изучения религии частным образом – этот вопрос должен решаться с учетом регионального и национального опыта, истории и предпочтений.

Участники согласились с тем, что родители имеют право воспитывать детей в своей вере. Ученики не должны подвергаться принуждению к религиозному обучению, если это противоречит их вере.

Среди собравшихся преобладало убеждение, что терроризм можно победить. Невежество – та почва, на которой произрастает терроризм, но недооценивать умственные способности противника не следует. Организаторы и исполнители терактов – зачастую высокообразованные и хитрые люди, злоупотребляющие религией в собственных целях.

Поэтому образование должно вдохновлять учеников. В ходе религиозного обучения школьники должны почувствовать подлинный смысл религии – стремиться к миру и толерантности, искать добра и творить добро. Образование должно делать особый упор на позитивной, сущностной, ценностной стороне религии. Некоторые из выступавших говорили о том, что в религиозных учениях есть тенденция изолировать иноверцев, в связи с чем необходимы реформы внутри самих религий.

Участники согласились, что ключевую роль должен играть диалог, как между религией и государством, так и между разными религиями и в пределах одной религии. Это значит, что образование должно стать шире, и западным странам и культурам нужно больше знать об исламе. Позвольте мне сделать личное замечание: мне всегда казалось, что многим людям на Западе надо лучше представлять себе тот глубокий и значимый вклад, который исламская культура внесла в западную цивилизацию. Это и учение ибн Рушда, который на Западе известен – хотя и недостаточно широко – как Аверроэс. Именно Аверроэс принес обратно с Востока на Запад учение Аристотеля. Если бы не было Аверроэса, Фома Аквинский никогда бы не стал тем, кем он стал. Это и ибн Сина, известный на Западе как Авиценна, заложивший основу всей структуры западной философии. Не зная его трудов, невозможно до конца понять эту философию.

Подчеркивалась необходимость образовательной работы в СМИ, целостного образования, воспитания школьников в духе диалога, в том числе распространение знаний о правах человека. Профилактические меры обойдутся дешевле, чем борьба с уже распространившимся терроризмом.

Был внесен ряд конкретных предложений:

- Образовательные программы по обмену, служащие объединению молодежи всего мира.
- Пересмотреть изложение вопросов религии в учебниках; возможно, подготовить учебники, составленные представителями различных религий.
- Обеспечивать потребности беженцев получать образование соответственно своей культуре и убеждениям.
- Исследовать роль СМИ и прочих видов образования, кроме школьного.
- Продолжать и расширять проводимые БДИПЧ программы распространения знаний о правах человека, охватить этими программами взрослое население.
- Сделать более интенсивным всеобщее образование, в особенности для женщин, бедных и представителей меньшинств.

Подытоживая различные, иногда совпадающие, иногда противоречащие друг другу точки зрения, высказанные в ходе заседания, можно сказать, что образование как таковое – это диалог, а диалог дает образование. В диалоге человек учится понимать, что у разных людей и разных религий есть общего и различного. В диалоге человек учится уважать других, непохожих на него людей. В долгосрочной перспективе есть надежда победить терроризм с помощью такого диалога. Основой его должно стать полноценное образование.

В конференции примут участие:

- Руководители и представители религиозных общин Юго-Восточной Европы
- Государственные должностные лица, отвечающие за вопросы свободы вероисповедания и дела религиозных общин (из стран Евросоюза, Юго-Восточной Европы и США)
- Специалисты по отношениям между государством и религиозными общинами
- НПО, некоммерческие и международные организации, действующие в сфере охраны свободы вероисповедания

В числе основных целей конференции будет принятие декларации, где будут перечислены необходимые шаги на пути примирения и построения доверия, и отмечены общие цели, такие, как:

- Выявить сходство и аналогии принятых во всех странах Юго-Восточной Европы моральных принципов в отношении свободы веры.
- Выступить с инициативой постоянного диалога о религиозной свободе, создать необходимые условия и установить такой диалог.
- Добиваться взаимного уважения между религиозными общинами и государствами региона путем долгосрочного взаимодействия между религиозными общинами, государствами, НПО и международными структурами. Можно выделить четыре линии взаимодействия: 1. Государство – религиозная община, 2. Религиозная община – религиозная община, 3. НПО – религиозная община, 4. НПО – государство.
- Избежать опасности взаимонепонимания в будущем, начиная с уровня догматики и вплоть до уважения представителей других религий, путем развития взаимопонимания и толерантности по отношению к религиозным отличиям (хотя каждая религиозная община стремится пополнить свои ряды, разные религиозные группы делают это по-разному). Непосредственным результатом такой работы станет подлинное взаимоуважение.
- Выработать общие цели, объединяющие религиозные силы региона. Взаимоуважение и общие цели порождают конструктивный, рациональный подход к делу, способствующий взаимопониманию и общению, толерантности и построению доверия. Тогда религиозные общины станут фактором стабильности в своих обществах и в масштабах региона.

- Сделать одной из функций государства продвижение сотрудничества на различных уровнях и взаимопомощи между религиозными общинами как внутри каждой страны, так в разных странах.
- Создать благоприятную обстановку для сотрудничества на основе 1. баланса региональной и европейской структур (контекста) и 2. существующих исторических условий. Тем самым государство сможет признать авторитет религиозных общин и их лидеров в силу доверия к ним (на основе договоренности), и создать рамки для их ответственности за ход примирения и будущие отношения в регионе.

VI Приложение

Обязательства ОБСЕ по вопросам свободы религии и убеждений

- **Хельсинки 1975** („Декларация принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях”, принцип VII пар. 1 и 3)

Государства-участники будут уважать (...) свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии.

(...)

В этих рамках государства-участники будут признавать и уважать свободу личности исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести.

- **Мадрид 1983** („Вопросы, относящиеся к безопасности в Европе”, пар. 12, 13 и 14)

Государства-участники подтверждают, что они будут признавать, уважать и, кроме того, соглашаются принимать меры, необходимые для обеспечения свободы личности исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести.

В этом контексте они будут проводить консультации во всех случаях, когда это необходимо, с религиозными культурами, учреждениями и организациями, которые действуют в конституционных рамках своих стран.

Они будут благожелательно рассматривать ходатайства религиозных объединений верующих, исповедующих или готовых исповедовать свою веру в конституционных рамках своих государств, о предоставлении статуса, предусматриваемого в их странах для религиозных культов, учреждений и организаций.

- **Вена 1989** („Вопросы, относящиеся к безопасности в Европе” пар. 11, 16.1 до 16.11 и 17)

(11) (Государства участники) (...) подтверждают, что будут уважать права человека и основные свободы, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, для всех, без различия расы, пола, языка и религии (...)

(...)

(16) С целью обеспечить свободу личности и исповедовать религию или веру государства-участники будут, среди прочего:

(16.1) – принимать эффективные меры по предотвращению и ликвидации дискриминации лиц или объединений на почве религии или убеждений в отношении признания, осуществления и пользования правами человека и основными свободами во всех областях гражданской, политической, экономической, социальной и культурной жизни и по обеспечению действительного равенства между верующими и неверующими;

(16.2) – способствовать климату взаимной терпимости и уважения между верующими различных объединений, а также между верующими и неверующими;

(16.3) – предоставлять по их просьбе объединениям верующих, исповедующих или готовых исповедовать свою веру в конституционных рамках своих государств, признание статуса, предусмотренного для них в их соответствующих странах;

(16.4) – уважать право этих религиозных объединений:

- основывать и содержать свободно доступные места богослужений или собраний;
- организовываться в соответствии со своей собственной иерархической и институциональной структурой;
- выбирать, назначать и заменять свой персонал согласно своим соответствующим требованиям и стандартам, а также любым свободно достигнутым договоренностям между ними их государством;
- испрашивать и получать добровольные финансовые и другие пожертвования;

(16.5) – вступать в консультации с религиозными культурами, учреждениями и организациями с целью достижения лучшего понимания потребностей религиозных свобод;

(16.6) – уважать право каждого давать и получать религиозное образование на языке по своему выбору или индивидуально, или совместно с другими;

(16.7) – в этом контексте уважать, среди прочего, свободу родителей обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями;

(16.8) – разрешать подготовку религиозного персонала в соответствующих заведениях;

(16.9) – уважать право верующих и религиозных объединений приобретать и использовать священные книги, религиозные издания на языке по своему выбору и другие предметы и материалы, относящиеся к исповеданию религии или веры, и владеть ими;

(16.10) – разрешать религиозным культурам, учреждениям и организациям производить, импортировать и распространять религиозные издания и материалы;

(16.11) – благожелательно рассматривать заинтересованность религиозных объединений в участии в общественном диалоге, в том числе через средства массовой информации.

(17) Государства-участники признают, что осуществление вышеупомянутых прав, относящихся к свободе религии или убеждений, может подлежать лишь таким ограничениям, которые установлены законом и совместимы с их обязательствами по международному праву и их международными обязательствами. Они будут обеспечивать в своих законах и административных правилах и при их применении полное и эффективное осуществление свободы мысли, совести, религии или убеждений.

• **Вена 1989, „Сотрудничество в гуманитарных и других областях”, пар. 32 и 68**

(32) Они будут разрешать верующим, религиозным культурам и их представителям, на групповой или индивидуальной основе, устанавливать и поддерживать прямые личные контакты и общение друг с другом в их собственных и других странах, в частности посредством поездок, паломничества

и участия в собраниях и других религиозных мероприятиях. В этом контексте и в той мере, в которой это соизмеримо с такими контактами и мероприятиями, тем, о ком идет речь, будет разрешаться приобретать, получать и везти с собой религиозные публикации и предметы культа, относящиеся к исповедованию их религии или веры.

(68) Они будут обеспечивать, чтобы лица, принадлежащие к национальным меньшинствам или региональным культурам на их территориях, могли давать или получать знания о своей собственной культуре, в том числе посредством передачи родителями своим детям языковой, религиозной и культурной самобытности.

• **Копенгаген 1990 (пар. 9.4 и 18, 24, 25, 30, 32, 33, 35, 36 и 40)**

Государства-участники подтверждают, что

(9.4) – каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии. Это право включает свободу менять религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или веру как индивидуально, так и совместно с другими, публично или частным образом путем отправления культа, обучения и выполнения религиозных и ритуальных обрядов.

Осуществление этих прав подлежит лишь таким ограничениям, которые предписаны законом и соответствуют международным стандартам;

(Государства участники)

(18.1) – отмечают, что Комиссия по правам человека Организации Объединенных Наций признала право каждого отказываться от военной службы по убеждениям совести;

(18.2) – отмечают меры, принятые в последнее время рядом государств-участников, с тем чтобы разрешать освобождать от обязательной военной службы на основании отказа по убеждениям совести;

(18.3) – отмечают деятельность некоторых неправительственных организаций в связи с отказом от обязательной военной службы по убеждениям совести;

(18.4) – соглашаются рассмотреть вопрос о введении, где это еще не было сделано, различных форм альтернативной службы, которые совместимы с мотивами отказа по убеждениям совести, причем такие формы альтернативной службы в принципе не будут связаны со службой в боевых частях или будут иметь гражданский характер, будут общественно полезными и не будут носить характера какого – наказания;

(18.5) – сделать информацию по этому вопросу доступной общественности;

(18.6) – оставят на рассмотрении в рамках Конференции по человеческому измерению соответствующие вопросы, связанные с освобождением от обязательной военной службы, где таковая существует, отдельных лиц на основании отказа от службы в вооруженных силах по убеждениям совести и будут обмениваться информацией по этим вопросам.

(24) Государства-участники будут обеспечивать, чтобы осуществление всех прав человека и основных свобод, изложенных выше, не могло быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом и соответствуют их обязательствам по международному праву, в частности по Международному пакту о гражданских и политических правах, и их международными обяза-

тельствами, в частности по Всеобщей декларации прав человека. Эти ограничения носят характер исключений. Государства-участники будут обеспечивать, чтобы этими ограничениями не злоупотребляли и чтобы они применялись не произвольно, а так, чтобы обеспечивалось эффективное осуществление этих прав. Любое ограничение прав и свобод в демократическом обществе должно быть увязано с одной из целей применяемого закона и должно быть строго соразмерно предназначению этого закона.

(25) Государства-участники подтверждают, что любое отступление от обязательств, относящихся к правам человека и основным свободам, в условиях чрезвычайного положения должно оставаться строго в пределах, предусмотренных международным правом, в частности, соответствующими международными инструментами, участниками которых они являются, особенно в том, что касается прав, от которых не может быть отступлений. Они также подтверждают, что (25.1) – меры, представляющие собой отступление от таких обязательств, должны приниматься в строгом соответствии с процедурными требованиями, изложенными в этих инструментах; (25.2) – введение чрезвычайного положения должно быть объявлено официально, публично и в соответствии с положениями, закрепленными законом;

(25.3) – меры, представляющие собой отступление от обязательств, будут строго ограничиваться рамками, которых требует острота положения;

(25.4) – такие меры не повлекут за собой дискриминации исключительно на основе расовой принадлежности, цвета кожи, пола, языка, религии, социального происхождения или принадлежности к меньшинству.

(30) (...) Они также признают важную роль неправительственных организаций, включая политические партии, профсоюзы, организации по правам человека и религиозные группы, в поощрении терпимости, культурного многообразия и в решении вопросов, относящихся к национальным меньшинствам. (...)

(32) Принадлежность лица к национальному меньшинству является предметом его личного выбора, и никакие неблагоприятные последствия не могут возникать из осуществления такого выбора.

Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право свободно выражать, сохранять и развивать свою этническую культурную, языковую или религиозную самобытность и поддерживать и развивать свою культуру во всех ее аспектах, не подвергаясь каким-либо попыткам ассимиляции вопреки своей воле.

(32.2) – создавать и поддерживать свои собственные образовательные, культурные и религиозные учреждения, организации или ассоциации, которые могут искать добровольную финансовую и другую помощь, а также государственную поддержку в соответствии с национальным законодательством;

(32.3) – исповедовать свою религию, в том числе приобретать, обладать и использовать религиозные материалы и осуществлять религиозную деятельность в области образования на своем родном языке;

(32.4) – устанавливать и поддерживать беспрепятственные контакты между собой в пределах своей страны, а также через границы с гражданами других государств, с которыми они имеют общее этническое или национальное происхождение, культурное наследие или религиозные верования;

(32.5) – распространять информацию, иметь доступ к ней и обмениваться информацией на своем родном языке;

(32.6) – создавать и поддерживать организации или ассоциации в пределах своей страны и участвовать в деятельности международных неправительственных организаций.

Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут осуществлять свои права и пользоваться ими на индивидуальной основе, а также совместно с другими членами своей группы. Для лица, принадлежащего к национальному меньшинству, не может возникать никаких неблагоприятных последствий по причине осуществления или неосуществления любого из таких прав.

(33) Государства-участники будут защищать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств на своей территории и создавать условия для поощрения этой самобытности. Они будут принимать необходимые меры с этой целью после проведения надлежащих консультаций, включая контакты с организациями или ассоциациями таких меньшинств, в соответствии с процедурой принятия решений каждого государства.

Любые такие меры будут соответствовать принципам равенства и недискриминации в отношении других граждан соответствующих государств-участников.

(35) Государства-участники будут уважать право лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, на эффективное участие в государственных делах, включая участие в делах, относящихся к защите и поощрению самобытности таких меньшинств.

Государства-участники отмечают усилия, предпринятые с целью защиты и создания условий для поощрения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности определенных национальных меньшинств путем создания в качестве одного из возможных средств для достижения этих целей, в соответствии с политикой заинтересованного государства, надлежащих местных или автономных органов управления, отвечающих конкретным историческим и территориальным условиям таких меньшинств.

(36) Государства-участники признают особую важность развития конструктивного сотрудничества между ними по вопросам национальных меньшинств. Такое сотрудничество имеет своей целью содействие взаимопониманию и доверию, дружественным и добрососедским отношениям, международному миру, безопасности и справедливости.

Каждое государство-участник будет содействовать климату взаимного уважения, понимания, сотрудничества и солидарности между всеми лицами, проживающими на его территории, без различия этнического или национального происхождения или религии и будут поощрять решение проблем с помощью диалога, основанного на принципах верховенства закона.

(40) Государства-участники четко и безоговорочно осуждают тоталитаризм, расовую и этническую ненависть, антисемитизм, ксенофобию и дискриминацию против кого бы то ни было, а также преследование по религиозным и идеологическим мотивам. В этом контексте они также признают особые проблемы рома (цыган).

Они заявляют о своем твердом намерении активизировать усилия по борьбе с этими явлениями во всех их формах и поэтому

(40.1) – будут принимать эффективные меры, включая, в соответствии с их конституционными системами и их международными обязательствами, принятие таких законов, которые могут быть необходимы для обеспечения защиты от любых актов, которые представляют собой подстрекательство

к насилию против лиц или групп, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной дискриминации, враждебности или ненависти, включая антисемитизм;

(40.2) – возьмут на себя обязательство принять надлежащие и соответствующие меры для защиты лиц или групп, которые могут подвергаться угрозам или актам дискриминации, враждебности или насилия в результате их расовой, этнической, культурной, языковой или религиозной самобытности, и для защиты их собственности;

- **Будапешт 1994 (глава VIII, пар. 27 и 28)**

27. Вновь подтверждая свое обязательство обеспечивать свободу совести и религии и способствовать созданию климата взаимной терпимости и уважения между верующими различных общин, а также между верующими и неверующими, они выразили озабоченность в связи с использованием религии в агрессивных националистических целях.

28. Государства участники вновь подтверждают, что права человека являются всеобщими и неделимыми. Они признали, что защита и обеспечение прав рабочих мигрантов имеют свое человеческое измерение. Они подчеркивают право рабочих мигрантов на свободное проявление своих этнических, культурных, религиозных и языковых особенностей. Осуществление этих прав может подвергаться таким ограничениям, которые установлены законом и соответствуют международным нормам.

- **Стамбул 1999 (Хартия европейской безопасности, пар. 19)**

19. Мы вновь подтверждаем, что уважение прав человека и основных свобод, демократии и верховенства закона занимает центральное место в принятой ОБСЕ всеобъемлющей концепции безопасности. Мы берем на себя обязательство противостоять таким угрозам безопасности, как нарушения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений, и проявления нетерпимости, агрессивного национализма, расизма, шовинизма, ксенофобии и антисемитизма.

Что такое ОБСЕ/БДИПЧ?

Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ) является основным институтом ОБСЕ, ответственным за человеческое измерение. Это означает, что БДИПЧ содействует государствам-участникам ОБСЕ в „обеспечении полного уважения прав человека и основных свобод, действию на основе законности, проведении в жизнь принципов демократии и ... в создании, укреплении и защите демократических институтов, а также в развитии принципов терпимого отношения в масштабах всего общества” (Хельсинкский документ 1992-го года).

БДИПЧ находится в Варшаве, в Польше. Оно было открыто в 1990 г. на основании Парижской хартии под первоначальным названием „Бюро по свободным выборам”. С тех пор Бюро постоянно росло и развивалось. Свое нынешнее название Бюро получило в 1992 г., когда его мандат был расширен и включил права человека и демократизацию.

Сейчас в штате Бюро более 100 сотрудников, и оно активно работает во всем регионе ОБСЕ.

БДИПЧ является ведущей организацией в Европе в сфере **наблюдения за выборами**. БДИПЧ направляет миссии по наблюдению за выборами в государства-участники ОБСЕ для оценки выполнения ими обязательств ОБСЕ в области выборов. Ежегодно тысячи наблюдателей БДИПЧ ведут мониторинг выборов во всем регионе ОБСЕ. Тщательно и подробно разработанная методология позволяет охватить все аспекты избирательного процесса и дать им максимально полную оценку.

Секция **демократизации** БДИПЧ охватывает различные тематические области, такие как: верховенство закона, гражданское общество, свобода передвижения, равноправие между женщинами и мужчинами и борьба с торговлей людьми. Каждый год БДИПЧ реализует более 100 целевых проектов, тем самым оказывая практическую поддержку в построении демократических институтов и соблюдении прав человека, а также укреплении гражданского общества и построении правового государства.

БДИПЧ способствует защите **прав человека** посредством проектов технической помощи и тренингов в области человеческого измерения. Бюро проводит исследования и готовит отчеты на различные темы, связанные с правами человека. Кроме того, Бюро организует ежегодные встречи для совещаний ОБСЕ по выполнению государствами-участниками принятых в рамках ОБСЕ обязательств по человеческому измерению. В целях борьбы с терроризмом, Бюро работает в рамках повышения сознания в области человеческого измерения и осуществляет проекты, направленные на определение факторов, способствующих развитию терроризма.

БДИПЧ дает правительствам ОБСЕ рекомендации по реализации ими политики в отношении рома и синти. Бюро осуществляет программу действий, направленных на расширение политических прав рома и синти в регионе ОБСЕ, а также на содействие и поддержку развития гражданского общества в сообществах рома и синти. Бюро способствует взаимодействию между структурами ОБСЕ, правительствами, международными организациями и НПО в области вопросов, связанных с рома и синти.

Все действия БДИПЧ происходят в тесном сотрудничестве с другими институтами ОБСЕ и представительствами ОБСЕ на местах, а также с другими международными организациями.

Более подробную информацию об ОБСЕ/БДИПЧ можно получить на вебстранице www.osce.org/odihr